ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 2 (10) 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Сивкина Н. Ю. Роль пропаганды в политике Филиппа V в конце III в. до н.э. 3

Ульянова Л. В. Служащие политической полиции о либералах: место либерализма в легальном политическом пространстве (1880–1905) 10

Гарбуз Г. В. Женщины на государственной службе в России в начале XX в. 22

ФИЛОСОФИЯ

Семина М. П. Аспект веры в творчестве Л. Шестова 29

Багаев А. В., Шетулова Е. Д. Духовность как компонента экономической жизни общества: опыт философского осмысления..... 36

Розенберг Н. В. Закономерности развития духовных констант повседневности 46

ФИЛОЛОГИЯ

Горланов Г. Е. Символика звезды в творчестве М. Ю. Лермонтова..... 52

Рева Е. К. Элементы публицистичности в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» (к вопросу о фельетонном жанре в творчестве писателя)..... 60

Мосина Н. М. Семантические и синтаксические функции морфологических падежей в эрзянском языке 65

ПЕДАГОГИКА

Дорофеев С. Н., Емелина Е. А. Интегративные приемы в обучении старшеклассников математическим методам решения прикладных задач 75

Земляченко Л. В. Гражданско-правовое воспитание младших школьников в контексте традиционной культуры региона 85

Ильин В. А., Карпушкин А. А. Комплексная программа физкультурно-оздоровительных мероприятий и ее влияние на физическое развитие и физическую подготовленность детей-сирот дошкольного возраста с задержкой психического развития..... 94

Крылова Н. Н. Моделирование экологического компонента профессионально-педагогического образования 99

Лупанова Н. А. Характеристика особенностей социального и профессионального самоопределения личности в различные периоды ее информационного насыщения 107

Мещеряков А. С., Землянский В. В. Интеграционные процессы в образовательной системе «колледж – университет» 115

СОЦИОЛОГИЯ

Букин В. П. Социализация молодежи в современном российском обществе: региональный аспект 122

Рожкова Л. В. Предпринимательство как способ социальной адаптации этнических мигрантов 131

Бессчетнова О. В. Роль семьи и национальной культуры в системе социализации детей и молодежи в современном российском обществе 142

Бочаров В. Ю. Институциональный подход к анализу договорных трудовых отношений 151

Найденова Л. И. Формирование общественного мнения населения как условие эффективной реализации целевых комплексных программ в регионе 161

Кошарная Г. Б., Кошарный В. П. Традиционные детерминанты национальных моделей предпринимательства 170

Ручкова Н. А., Чиркова Л. А. Исследование представлений о профессиональной коммуникативной компетентности у студентов психологического факультета 177

ИСТОРИЯ

УДК 94(3)

Н. Ю. Сивкина

РОЛЬ ПРОПАГАНДЫ В ПОЛИТИКЕ ФИЛИППА V В КОНЦЕ III в. до н.э.

Аннотация. Автор исследует причины негативной традиции в историографии о личности македонского царя Филиппа V. На основе изучения широкого круга источников автор считает, что Филипп не придавал значения пропаганде как средству политической борьбы. Это стало одной из причин поражения Македонии в войне с Римом.

Ключевые слова: эллинистическая монархия, Антигониды, пропаганда, Филипп V Македонский, культ правителя, Эллинская лига 224 г. до н.э.

Abstract. The author investigates the reasons of negative tradition in a historiography about the person of Macedonian king Philip V. On the basis of studying a lot of sources the author considers, that Philip did not give value to propagation as a metod of political struggle. It fact became one of the reasons of defeat of Macedonia in war with Rome.

Keywords: hellenistic monarchy, Antigonids, propaganda, Philip V of Macedon, cult of the ruler, Hellenic league of 224 BC.

В творениях античных авторов, посвященных личности предпоследнего македонского царя, во многих случаях отмечаются одни и те же черты, свойственные этому выдающемуся правителю, такие как непомерное честолюбие, вспыльчивость, неистовый нрав. Плутарх, например, пишет, что Филипп превратился из милосердного царя и скромного юноши в разнузданного и гнусного тирана (Plut. Arat. 51). Павсаний характеризует его как человека коварного, который «вызвал к себе ненависть со стороны всей Эллады» (VIII. 50. 4). Ливий утверждает, что ахейцы относились к нему с подозрением из-за его жестокости и вероломства, хотя были обязаны македонянам многими благодеяниями (XXXII. 19. 7). В другом пассаже (XXXII. 21. 21–25) он обвиняет царя в убийствах и грабежах, учиненных им в Мессене, в убийстве обоих Аратов, в надругательствах над девами и матронами, говорит о его жестокости, которой все боятся.

Однако все эти негативные отзывы о македонском правителе идут из произведений, которые были для этих авторов первоисточниками, – прежде всего из труда Полибия, из мемуаров ахейского стратега Арата, а также из сочинений римских анналистов. Складывается впечатление, что в античной традиции не существовало апологетических трудов о Филиппе V. Такая ситуация могла возникнуть по ряду причин.

Не следует, например, забывать общую для всех греков тенденцию настороженного отношения к македонским царям. Неприязнь к царской власти была довольно острой с конца IV в. Действительно, отзывы о македонских правителях в источниках сохранились нелицеприятные. Например, Филиппа II

Юстин называет братоубийцей (VIII. 3. 11), развратником (VIII. 6. 6–8), человеком, который на третейский суд приходит как на войну с войском (VIII. 3. 15). Демосфен во «Второй Олинфской речи» заявил, что власть Филиппа II основана на беззаконии; Филиппа он изобразил распутным тираном, гетайров – разбойниками и лизоблюдами, а македонский народ – выражающим недовольство [1, 580–581]. Александр разрушил Фивы (Just. XI. 3–4). Кассандр истребил царский дом (Just. XVI. 1. 15). Антипатр, сын Кассандра, убил собственную мать (Just. XVI. 1. 1–3; Plut. Phirr. 6). К этим обвинениям можно добавить разорение греческих городов, введение македонских гарнизонов в крепости и установление тиранических режимов, особенно свойственных правлению Антигона Гоната. Неудивительно, что для многих греков Македония ассоциировалась с невыносимой тиранией [2, p. 38]. Однако при всей справедливости этих замечаний можно отметить, что большинство из этих притеснений совершили правители, не связанные союзными отношениями с греками. А те деяния, которые могли испортить имидж предводителя и защитника греков, как правило, веско обосновывались. В частности, разрушение Фив Александром было преподнесено не как акт устрашения, а как вынужденная мера со стороны македонян, поскольку разгром был одобрен синедрионом союзников (Diod. XVII. 14. 1) и совершен на законном основании.

Таким образом, основной причиной складывания критической традиции в историографии Филиппа V, вероятно, следует назвать недостаточное внимание царя к роли пропаганды в своей политике. Но из этого утверждения не следует вывод о неумении Филиппа выбирать себе помощников, а в более широком смысле – и о плохой организации власти в государстве. Конечно, в некоторых случаях имели место недальновидность правителя и политический просчет царя, но гораздо чаще в сложившихся обстоятельствах у Филиппа не было возможности с помощью пропаганды повернуть дело в свою пользу.

В конце III в. до н.э. македонского царя Филиппа V часто обвиняли в том, что он неоднократно нападал на греческие города (Liv. 31. 1. 9). От его действий в разное время пострадали Афины, Киос, Абидос, Энос, Маронея, Фасос, Парос (Liv. 31. 30. 2–7; 31. 4). Киос – город в Вифинии – был разрушен Филиппом, а его жители проданы в рабство (Polyb. XV. 24. 1). Абидос – город на азиатском берегу Дарданелл (Liv. 31. 17–18); Энос и Маронея – греческие города Эгейской Фракии (Liv. 31.16. 3–4). О продаже в рабство жителей Фасоса сообщает Полибий (XV. 24. 1). Все эти полисы были объектом притязаний Птолемеев, Пергама и Македонии. Естественно, разгром, учиненный македонским войском, вызвал резонанс мирового сообщества. Нападения стали следствием первой римско-македонской войны (212–205 гг.): удары наносились главным образом по городам, связанным союзными отношениями с врагами Македонии. К сожалению, Филипп не учел того обстоятельства, что македонская и эллинистическая политика уже соприкоснулась с римскими интересами, что его деяния послужат поводом для новой войны с Римом.

Рассмотрим лишь один пример. В ходе войны с римлянами Филипп заключил союз с царем Вифинии, и тот серьезно облегчил положение Македонии, напав на пергамские территории и заставив царя Аттала покинуть Балканы. Вероятно, после войны Прусий потребовал от Филиппа выполнения союзнических обязательств со стороны Македонии: теперь Филипп должен был помочь зятю, стремившемуся расширить свои границы в западном на-

правлении и включить в свое царство Киос [3, с. 245–246; 4, с. 24]. Прусий, вероятно, сам попытался воспользоваться внутренней смутой в Киосе, но не добился результата, поэтому и обратился к своему союзнику. Фактически, у македонского царя не было другого выхода в сложившейся ситуации. Союз с Прусием был необходим как противовес римско-пергамскому соглашению, поэтому Филипп не мог ответить отказом на просьбу царя Вифинии. Примечательно, что Киос вошел в состав Вифинского царства (Strabo. XII. 4, 3), но разрушение Киоса стало поводом для обвинений, в которых упражнялись и греки, и римляне (Polyb. XVII. 3. 12; Liv. XXXI. 31. 14; XXXII. 22. 22; XXXIII. 16), в адрес не Прусия, а Филиппа. Оправдываясь впоследствии перед Фламинином, Филипп подчеркивал, что он лично не ходил войной на Киос, а лишь помогал союзнику (Polyb. XVIII. 4. 7), но к этому аргументу противник не захотел прислушаться.

Таким образом, можно отметить, что в данном случае предпоследний македонский царь, видимо, допустил просчет: он не считал необходимым вести «пропагандистскую работу», т.к. помощь союзнику является очевидным и необходимым шагом для участников договора. Филипп довольно поздно понял, что для формирования нужного общественного мнения необходимо каждое свое деяние показывать в выгодном свете. В отличие от римлян македонский царь не знал о существовании «идеологической войны».

Правда, В. И. Кащеев считает, что Филипп активно использовал лозунг освобождения греков [5, с. 43–44; 6, с. 272–273]. Однако далеко не все примеры подтверждают это заявление. В 218 г., планируя заключить сепаратный мир с Элидой, Филипп обещал элейцам не требовать с них дани и не устанавливать гарнизон (Polyb. IV. 84. 5). Этот эпизод едва ли можно отнести к пропаганде. Вот если бы царь захватил Элиду, а затем объявил, что ни гарнизон не введет, ни дань не наложит, тогда македонский правитель выглядел бы благодетелем элейцев. Подобная ситуация складывается и с жителями Фасоса (Polyb. XV. 24. 2–3), которые обещали сдать город, если царь освободит их от гарнизона, от дани и разрешит жить по собственным законам. То есть описанное также не свидетельствует в пользу пропаганды Филиппом его приверженности принципам автономии. В оправдательной речи царя перед Титом Фламинином, отвечая на вопрос этолийского стратега, зачем македонский правитель занял Лисимахию, Филипп заявил, что он охранял город от фракийцев (Polyb. XVIII. 4. 5–6). В этом ответе можно усмотреть элемент пропаганды, царь подчеркнул разницу между словами φρουρεῖν (устанавливать гарнизон) и φυλάττειν (защищать) [7, p. 70]. Однако неизвестно, давал ли такое объяснение царь накануне захвата Лисимахии или эта отговорка пришла ему в голову лишь на переговорах. Вероятно, обвинения, выдвинутые против царя, доказывают, что Филипп не позаботился в каждой конкретной ситуации об оправдании своих действий.

В отличие от Филиппа V македонские правители IV в. хорошо понимали, что в восприятии греков монархия является устаревшим учреждением [8, p. 160], неприемлемым для них самих. Неудивительно поэтому, что македонские монархи прилагали усилия, чтобы в греческом общественном мнении они перестали быть варварами, хотя фактически неизвестно, *кем* были древние македонцы или на каком языке они говорили. Те, кто утверждает, что македонцы были греками, предлагают неубедительные аргументы в поддержку своих взглядов. Они были македонцами, уникальным народом древ-

ности, македонский и греческий язык довольно сильно отличались во времена Александра [9, p. 39, 43; 10, p. 69–76]. Исходя из политической ситуации в Афинах времен Демосфена можно сделать некоторые выводы относительно использования оратором термина «варвары» в отношении македонцев: 1. Он никогда не называет македонцев варварами ни в расовом, ни в любом другом смысле. Это показывает, что у него не было никаких оснований для этого, иначе он не упустил бы возможности использовать ценное оружие в своих усилиях пробудить афинян и объединить греков против македонцев. 2. В девяти филиппиках и в других речах, связанных с борьбой против македонцев, он называет Филиппа «варваром» только дважды, ясно используя это слово, характеризуя его поведение и никоим образом не указывая на его расовую принадлежность. 3. Слова Демосфена не позволяют делать выводы относительно национальности македонцев, поскольку оратором управляла ненависть, которая принуждала его называть Филиппа варваром, чтобы пробудить панэллинское чувство по отношению к нему. 4. Нельзя предполагать, что эпитеты, которыми Демосфен награждал Филиппа, отражали мнение всех афинян или греков того времени вообще относительно варварства македонцев. Такие характеристики вызвали бы ответные реплики других ораторов [10, p. 256–269].

Македонские правители стремились пользоваться любой возможностью, чтобы подчеркнуть свою роль борца за греческие интересы. Наибольших успехов на этом поприще добился Филипп II. Он не хотел, чтобы его в Греции именовали царем, для греков «царь» ассоциировался с царем Персии [11, p. 221]. Александр первоначально также следовал этому принципу, лишь в конце похода он стал именовать себя «царь Александр».

Антигон Досон при образовании Эллинской лиги в 224 г. ввел в состав синедриона представителей Македонии. Вероятно, он планировал и в дальнейшем подчеркивать, что между эллинистическими федерациями и монархической Македонией не слишком большие отличия в принципах управления, что элементы демократии имеют традицию в Македонии, поэтому греческим государствам не следует опасаться потери свободы и автономии. Однако Филипп V не смог реализовать это начинание Досона или, что, вероятно, ближе к истине, недооценил эффективность такого метода, как пропаганда.

Большинство греков в конце III в. продолжали жить в городах-государствах, для них было важным хотя бы внешнее сохранение автономии и участие в политической жизни города. Однако нельзя проигнорировать тот факт, что большинство греческих городов находилось под непосредственным влиянием царя. Так или иначе города должны были достигнуть соглашения с властью, и одним из ключевых механизмов для этого была система благодеяний, оказанных царем тому или иному городу. Почетные декреты полисов различным царям позволяют выделить свойства, которыми, по мнению греков, должен был обладить эллинистический правитель. В число добродетелей входило мужество (ἀνδραγαθία) – традиционная черта героев и полководцев, доблесть в самом широком смысле слова (ἀρετή), склонность к благодеяниям [12, с. 103–104]. Царь должен был быть щедрым и великодушным, набожным и мудрым, избегать проявлений лени и гедонистического поведения, в целом он должен быть человеком самой высокой моральной чистоты [13, p. 83; 14, p. 58]. Истоки таких идей уходят в IV в., когда греческие мыслители, разочарованные внутренней борьбой, писали работы о необходимости сильной вла-

сти для преодоления кризиса. Антигон Одноглазый сумел эффективно использовать эту систему благодеяний, зная о постоянном стремлении греков к автономии. Освобождая города от гарнизонов противника, Антигон и Деметрий сумели решить не только военные задачи, но и политические: они стали Эвергетами многих греческих полисов и могли и далее манипулировать городами. С другой стороны, город мог сам даровать царю почести, приписывая ему различные достоинства, рассчитывая сделать его другом и, главным образом, благодетелем. Польщенный похвалой, а также из чувства великодушия правитель должен был соответствовать созданному образу и признать некоторое ограничение своей власти в этом полисе [14, p. 77–78]. Стоит оговориться, что история знает примеры, когда политические мотивы перевешивали желание быть «другом греков». Так, в 305 г. родосцы, опасаясь нападения Антигона, отправили к нему послов с просьбой не нападать на город и с уведомлением о почестях, провозглашенных в его честь (Diod. XX. 82. 2–3). Фактически это означало, что прежде они чтили его благодетелем, а теперь он должен вести себя соответственно. Однако осада Родоса не была снята.

Обе стороны, которые играли в эту игру, без сомнения, знали о неискренности друг друга, но это не снижает значимость системы в целом. Отдельные греческие города могли быть слабыми, но македонские правители не имели сил для подавления всеобщего сопротивления. Антигониды могли быть сильными царями, но у их власти в Греции были конкуренты в лице других эллинистических монархов. Система почестей и благодеяний, таким образом, не была просто игрой, это была вежливая форма отношений между царем и городами [14, p. 78]. Причем добрая воля греков играла значительную роль в успехе политики царя. Однако Филипп V чествуется за доблесть и расположение лишь делосцами (Syll^3. 575). Скудость сведений, возможно, связана с тем, что непосредственным поводом для оказания почестей, помимо освобождения полиса от врага или других бедствий, как правило, могло быть значительное денежное пожертвование. Но предпоследний царь Македонии желал прославиться военными деяниями и не имел финансовых возможностей для регулярных пожертвований средств Греции.

Не удалось царю эффективно использовать в своих политических замыслах и религиозный фактор. В Греции развитие федерализма привело к некоторым новшествам в религиозной жизни. Так, например, увеличение числа общесоюзных культов и праздников способствовало сплочению входивших в федерацию полисов; с другой стороны, федеральные власти стали использовать сакральные центры в самых разнообразных политических, административных, военных и пропагандистских целях [15, с. 284]. Эллинская лига не имела религиозного центра, который реально мог содействовать сближению греков и македонян. Филипп мог участвовать в устроении Немейских игр, подчеркивать свои связи с Аргосом, но этого было недостаточно для Эллинской лиги в целом. Можно предположить, что македонский царь осознавал невозможность установления культа правителя в рамках лиги как по идеологическим, так и по финансовым соображениям. Поэтому религиозным центром союза должно было стать всеми почитаемое святилище. Стоит вспомнить, что еще на собрании делегатов Эллинской лиги, постановивших объявить войну этолийцам в 220 г., было принято решение освободить Дельфы от власти этолийцев (Polyb. IV. 25. 8). В конце военного сезона 218 г., по сообщению Полибия, Филипп намеревался плыть в Фокиду, где рассчитывал на

важные приобретения (Polyb. V. 24. 12). Однако предприятие это было чем-то замедлено (Polyb. V. 26. 1), причем не ясно, были ли это события в Фокиде или раскрытие «заговора Апеллеса» при царском дворе. Тем не менее Филипп все-таки отправился туда, но план его не удался, от Элатеи он повернул назад (Polyb. V. 26. 16). Скорее всего, целью похода были Дельфы, но святилище так и не было освобождено от этолийского владычества.

Примечательно, что цари всех эллинистических государств устанавливали собственные изображения и устраивали пышные шествия по поводу своих побед. Самые известные памятники в честь победы были возведены в Пергаме Атталидами. Среди них выделяется алтарь Зевса, установленный Эвменом II в 180 г. после его победы над Вифинией и Понтом. Сооружение таких памятников было продолжением классической тенденции, в которой мифология и легенды о героях играли ведущую роль [16, p. 230–232]. Однако ни литературные источники, ни археология не подтверждают ничего подобного для Македонии. Вероятно, в других эллинистических государствах, как и в классический период в Греции, такие памятники знаменовали триумф греческой цивилизации над варварством. Подобное значение для македонских правителей было неприемлемым. Их отношения с греками в конце III в. развивались в другом русле; сотрудничество в рамках Эллинской лиги несло в себе идею, что македонский и греческие народы родственны. Примечательно, что в 210 г. в Спарте акарнанский посол, призывая спартанцев не присоединяться к союзу с римлянами, провел такую аналогию: Спарта имеет традицию сопротивления варварам, спартанцы отказали в земле и воде Ксерксу, царь Леонид героически сражался с персами, поэтому и теперь Спарта не должна действовать сообща с варварами против почти всех эллинов. В данном случае не важно, произнес ли эти слова Ликиск или они принадлежат самому Полибию. Важнее то, что македоняне уже не были варварами в представлении греков. Однако Филипп V не воспользовался лозунгом единения греков для борьбы с «варварами» – римлянами.

Подводя итог, можно отметить, что македонский царь Филипп V часто не имел возможности придавать большое значение пропаганде для оправдания в глазах эллинов своей политики. Но серьезным политическим просчетом можно считать лишь тот факт, что он не использовал пропаганду войны против римлян как общее дело греков и македонян, что можно считать одной из причин поражения Македонии во вторую римско-македонскую войну.

Список литературы

1. **Хаммонд, Н.** История Древней Греции / Н. Хаммонд ; пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М. : Центрполиграф, 2003. – 703 с.
2. **Giovannini, A.** Review Discussion: Roman Eastern Policy in the Late Republic / A. Giovannini // AJAH. – 1984. – V. 9. – № 1. – P. 33–42. – (Series 1).
3. **Габелко, О. Л.** История Вифинского царства / О. Л. Габелко. – СПб. : Гуманитарная академия, 2005. – 576 с.
4. **Габелко, О. Л.** Анатолийское этнополитическое койне и особенности эллинизма в Малой Азии (на примере Вифинского царства) : автореф. дис. ... доктора ист. наук : 07.00.03 / О. Л. Габелко. – Казань, 2006. – 46 с.
5. **Кащеев, В. И.** Лозунг освобождения греков в межгосударственных отношениях Восточного Средиземноморья (III–II вв. до н. э.) / В. И. Кащеев // АМА. – Вып. 7. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1990. – С. 41–50.

6. **Кащеев, В. И.** Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. / В. И. Кащеев. – М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1993. – 371 с.
7. **Chaniotis, A.** War in the Hellenistic world: a social and cultural history / A. Chaniotis. – Oxford : Blackwell Publishing, 2005. – 308 p.
8. **Carney, E. D.** "What's in a Name?": The Emergence of a Title for Royal Women in the Hellenistic Period / E. D. Carney // Women's history and ancient history / Ed. by S. B. Pomeroy. – Chapel Hill – L. : The University of North Carolina Press, 1991. – P. 154–172.
9. **Borza, E. N.** Before Alexander: constructing early Macedonia / E. N. Borza. – Claremont, California : Regina Books, 1999. – 89 p.
10. **Daskalakis, A. P.** The hellenism of the ancient macedonians / A. P. Daskalakis. – Θεσσαλονικη : Institute for Balkan Studies, 1965. – 294 p.
11. **Welles, C. B.** Alexander's Historical Achievement / C. B. Welles // Greece & Rome. – 1965. – V. 12.2. – P. 216–228. – (2nd Ser.).
12. **Свенцицкая, И. С.** Восприятие царя и царской власти в эллинистических полисах (по данным эпиграфики) / И. С. Свенцицкая // Государство, политика и идеология в античном мире. – Л. : ЛГУ, 1990. – С. 97–108.
13. **Walbank, F. W.** Monarchies and monarchic ideas / F. W. Walbank // CAH^2. – 1984. – V. 7. – P. 62–100.
14. **Billows, R. A.** Kings and colonists: aspects of Macedonian imperialism / R. A. Billows. – Leiden ; NY ; Köln : Brill, 1994. – 237 p.
15. **Сизов, С. К.** Федерализм и религия в эллинистической Греции / С. К. Сизов // Из истории античного общества. – Вып. 9–10. – Н. Новгород : ННГУ, 2007. – С. 264–285.
16. **Rice, E.** The glorious dead: Commemoration of the fallen and portrayal of victory in the late classical and Hellenistic world / E. Rice // War and society in the Greek World / Ed. J. Rich, G. Shipley. – L. ; NY. : Routledge, 1995. – P. 234–236.

Сивкина Наталья Юрьевна
кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории древнего мира и средних веков, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Sivkina Natalya Yuryevna
Candidate of History, associate professor, sub-department of ancient and medieval history, Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: siny@uic.nnov.ru

УДК 94(3)
Сивкина, Н. Ю.
Роль пропаганды в политике Филиппа V в конце III в. до н.э. / Н. Ю. Сивкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 3–9.

УДК 94(47).082, 94(47).083

Л. В. Ульянова

СЛУЖАЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ О ЛИБЕРАЛАХ: МЕСТО ЛИБЕРАЛИЗМА В ЛЕГАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (1880–1905)

Аннотация. В статье анализируются представления служащих политической полиции о либеральном движении Российской империи на хронологическом отрезке 1880–1905 гг. В центре анализа – проблема легальности либерального движения (так, как ее понимали чины политического сыска).

Ключевые слова: дореволюционная политическая полиция, история российского либерализма, история государственных учреждений России, история российских революций.

Abstract. This article analyses a complex of views which had the officials of the political police on the liberal movement in the Russian empire in 1880–1905. It deals mainly with the problem of legality of the liberal movement, as it was understood by the officials of the secret police.

Keywords: Pre-revolutionary political police, history of Russian liberalism, history of state institutions of the Russian empire, history of Russian revolutions.

Взаимоотношения власти и общества издавна являлись одной из актуальных проблем при выработке государственной политики. Наиболее противоречивыми, многоплановыми и неоднозначными в истории предреволюционной России были отношения представителей власти и либеральной части общества. Выработка более или менее единой и согласованной стратегии поведения по отношению к либералам представляла для властей существенную проблему. С одной стороны, трудности с выработкой последовательной позиции власти в отношении либералов заключались в том, что те люди, которые выступали сторонниками либерализма, составляли существенный сегмент интеллектуальной элиты общества. С другой стороны, либералы открыто демонстрировали свою оппозиционность существовавшему государственному строю. Периодические попытки верховной власти в течение XIX в. проведения реформ либерального толка создавали дополнительные трудности у работников государственного аппарата для выработки целостной поведенческой стратегии. В итоге образ «либерального» в восприятии чиновничества балансировал на грани признаваемо-одобряемого и порицаемого, время от времени переходя от одной оценки к другой.

Особое место в формулировании представлений бюрократии о либерализме занимала политическая полиция – структура, призванная, помимо прочего, наблюдать за политическими настроениями общества, информировать о состоянии общественного мнения другие государственные институты вплоть до императора и предлагать мероприятия по контролю власти за легальным политическим пространством.

Каким образом относились к либерализму в политической полиции? Попадал ли, по ее мнению, либерализм в спектр, который на языке формальной ведомственной терминологии политического сыска мог быть обозначен как «политическая благонадежность» и, в более широком смысле, как лояльность власти? Насколько чинам политической полиции были близки либеральные идеи?

В исторической литературе распространено убеждение, что дореволюционная политическая полиция, как в силу личных убеждений своих служащих, так и в силу общепринятой в государственном аппарате установки, была ориентирована на поддержку течений, которые принято обозначать как «крайне реакционные». Правда, этот вывод относится преимущественно к периоду после 1905 г., когда эти течения оформились как черносотенные [1–7].

Прежде чем говорить о том, насколько это мнение адекватно исторической действительности периода до Первой русской революции, стоит сделать ряд предварительных замечаний о самой политической полиции[1].

Политическая полиция Российской империи в конце XIX – начале XX вв. институционально представляла собой сложную многоуровневую структуру. С 1880 г. руководство структурами политического розыска осуществлял Департамент полиции (далее – ДП), входивший в состав Министерства внутренних дел (далее – МВД) Российской империи. Местными органами политической полиции были губернские жандармские управления (далее – ГЖУ) и охранные отделения. ГЖУ занимались проведением расследований (дознаний) по государственным преступлениям, а охранные отделения – разработкой и осуществлением политического розыска (через службу наружного наблюдения и секретную агентуру) [6, 8–11]. Эти структуры отличались друг от друга не только функциями, но и принципом комплектования. В ДП работали преимущественно люди с юридическим образованием и опытом службы по судебному ведомству. ГЖУ и охранные отделения наполнялись жандармами – бывшими военными. Кроме этого, ряд важных охранных отделений (в первую очередь Московское (далее – МОО) и Заграничную агентуру (далее – ЗА)) возглавляли бывшие секретные агенты, успешно проявившие себя на поприще секретного сотрудничества с политической полицией [12].

Подобные различия в образовании и карьерах чинов политической полиции во многом определяли различное видение и восприятие ими общественно-политических процессов того времени.

Кроме этого, служащие политической полиции понимали либеральное движение как элемент более широкого спектра течений, находившихся в легальном пространстве[2]. В него они включали конституционалистов, оппози-

[1] Хронологические рамки статьи очерчены двумя значимыми общественно-политическими событиями в жизни Российской империи. Нижняя хронологическая граница – 1880 г., время создания Департамента полиции в качестве нового руководящего органа политической полиции. Верхняя граница – 17 октября 1905 г., когда был опубликован манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», который был воспринят в политическом сыске как кардинально изменяющий общие политические условия, а также цели и задачи политической полиции.

[2] Легальность положения либералов подчеркивалась терминологически. О «легальных писателях-либералах» и «легальном либерализме» писал заведующий ЗА П. И. Рачковский в мае 1894 г. [13]. «Легальным противодействием» назвал в 1899 г. программу либералов «для борьбы с правительством» вице-директор ДП Г. К. Семякин [14]. О «легальной агитации» кружков либеральной интеллигенции говорил в январе 1902 г. начальник Владимирского ГЖУ [15]. Московский обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов в июле 1901 г., а сотрудник Особого отдела ДП Н. Д. Зайцев в ноябре 1904 г. писали о деятельности либералов «на легальной почве» [16]. «Легальные газеты либерального направления» беспокоили начальника Орловского ГЖУ в марте 1905 г. [17].

ционеров, радикалов, марксистов и частично освобожденцев. Именно деятели этих течений вели активную публичную деятельность (через различные институты – самоуправление, печать, прежде всего периодическую, общества, библиотеки и т.п.). А публичность для чинов политического сыска являлась главным критерием легальности положения общественно-политических деятелей. Этим данные течения, по мнению сотрудников политической полиции, кардинально отличались от находившихся в подполье революционеров (народников, народовольцев, социал-революционеров, социал-демократов).

По поводу соотношения конституционалистов и либералов в политической полиции существовали разные точки зрения. Согласно одной из них, либерализм и конституционализм (под последним в политическом сыске понимали стремление к введению в России конституции по типу западноевропейских) были во многом понятия-синонимы. Такую точку зрения высказывали служащие ЗА, частично охранных отделений и частично ГЖУ. Так, заведующий ЗА П. И. Рачковский писал в октябре 1894 г.: «Фонд вольной русской прессы… несмотря на совершенное разногласие с русскими либералами, во «имя общей борьбы для уничтожения самодержавия»… собрали свои наличные силы… и печатают присланный им проект конституции» [18]. О конституции как доминирующем требовании либералов Рачковский говорил и позднее [19].

Если в Санкт-Петербургском охранном отделении (далее – СПбОО) в 1895 г. писали о том, что либерализм и конституционализм представляют собой один «лагерь», но, тем не менее, не являются понятиями-синонимами [20], то уже в 1897 г. между этими течениями был поставлен знак равенства: «Либеральная партия… проявила только намерение во чтобы то ни стало добиться большей свободы печати… в целях… подготовления умов к замене монархического образа правления, на первое время, конституционным» [21]. Однако уже в начале XX в. конституционализм опять трактовался чинами СПбОО как самостоятельное движение. При этом олицетворением легального конституционализма являлся журнал «Вестник Европы», а нелегального – издаваемый за границей П. Б. Струве журнал «Освобождение» [22]. Земский съезд ноября 1904 г. (в обоих столичных охранных отделениях) остался за пределами либерализма и был связан с «земцами» и «конституционалистами», также как и «банкетная кампания ноября–декабря 1904 г.»[1] [23]. В МОО в отличие от СПбОО конституционализм вплоть до 1905 г. воспринимался как не связанное с либерализмом явление [28]. Единственный раз аналогия была проведена в августе 1905 г.: Союз конституционалистов был назван крайне либеральной частью общеземского движения [29].

В рамках ГЖУ понятие «конституционалисты» появилось в конце 1904 г., что, по всей видимости, было связано с «банкетной кампанией», организованной «Союзом освобождения» в ноябре–декабре 1904 г. В ноябре 1904 г. о конституционалистах писал начальник Киевского ГЖУ [30], в начале 1905 г. – начальник ГЖУ Донской области [31], в мае 1905 г. – начальник Черниговского ГЖУ, причем последний связывал введение конституции с требованиями «крайних» либералов: «Имшенецкий… высказывается крайним либералом… заявил себя сторонником конституционного строя» [32].

[1] Сами деятели либерального движения в своих мемуарах оценивали данные события как важные составляющие становления либерализма в России [24–27].

В восприятии служащих ДП конституционализм выглядел преимущественно автономным от либерализма явлением. Либералы ассоциировались с требованием конституции в случае, если речь шла об общем легальном противоправительственном движении, маркируемым словом «оппозиция» [33]. Так писал Н. Д. Зайцев, автор документа о съезде земских деятелей 6–8 ноября 1904 г., но, видимо, в данном случае совпадение либерального и конституционного движения стало отражением мнения секретной агентуры, а не собственного мнения: «30 сентября в Париже по инициативе финляндской оппозиции состоялась конференция революционных и оппозиционных групп, решивших заключить союз для ведения общими силами в настоящее тяжелое… время борьбы с самодержавным режимом, причем русская либеральная партия (бывшая группа русских конституционалистов или освобожденцев Петра Струве) постановила (*зачеркнуто «по агентурным сведениям» – Л.У.)* продолжать свои действия на легальной почве в земских и общественных учреждениях»[1] [34].

Еще одно «популярное» у служащих охранных отделений и ДП течение, близкое к либеральному, но, тем не менее, четко отделенное от него, представляли так называемые «радикалы»[2]. Это течение менее всего известно в литературе, но, видимо, оно является аутентичным восприятию современников определенного общественно-политического сегмента. Один из общественных деятелей В. Кранихельд в 1917 г. так описывал «радикалов» 1890-х гг., с которыми он общался в Воронеже во время своей административной высылки: «Казалось, я попал в общество людей, которым жизнь уже не сулила в будущем ничего неизведанного, заманчивого, не открывала перед ними никаких перспектив. А между тем это были в большинстве люди молодые, студенты, только недавно еще потерпевшие на своем жизненном пути некоторую и, в сущности, незначительную аварию. Несчастие их заключалось, однако, в том, что вместе с этой личной аварией терпело крушение также их миросозерцание – рушились их идеалы, их вера в будущее. И чем круче подламывала жизнь их старые верования, тем нетерпимее относились они ко всем инакомыслящим, по сектантски замыкаясь в свой маленький тесный кружок. Они добывали себе пропитание грошовыми уроками, называли себя «радикалами» и с особенной брезгливостью отзывались о местном культурном обществе – о либералах и либералишках» [37].

В некоторых случаях между либералами и радикалами возникало взаимодействие, что, однако, подчеркивает четкое разделение этих двух течений в представлении чинов политического сыска: «либеральные и радикальные кружки», «либеральная и радикальная публика», «либеральная и радикальная группы», «либеральная часть общества и радикальная молодежь», «либерально-прогрессивная и радикальная фракции» и пр. [38]. Характерным примером

[1] Секретным агентом на этой конференции был, как известно, Е. Азеф – руководитель Боевой организации эсеров, работавший одновременно на ДП.

[2] Кроме названных течений, служащие политической полиции уделяли существенное внимание такому течению, как «марксизм», четко отделяя его и даже противопоставляя либерализму: если первое было экономическим течением, то второе являлось сугубо политическим. Еще одним «соседним» с либерализмом течением были «освобожденцы», под которыми чины политической полиции понимали как участников журнала «Освобождение», так и его постоянных читателей. «Освобожденцы» оценивались как наиболее радикальное из близких к либерализму течений [35, 36].

является описание либералов и радикалов начальником СПбОО в 1898 г.: «За последние несколько месяцев состоялось значительное сближение между обеими враждовавшими сторонами. Это обстоятельство чрезвычайно характерно для переживаемого либералами и радикалами момента. Обе группы сознают, что им необходимо временно сойтись во имя интересов, общих им обоим. Связующим звеном в этом деле явилась мысль о нелегальном, то есть негласном съезде литераторов, возникшая в голове К. К. Арсеньева и поддержанная некоторыми из радикальной группы» [39].

В МОО бытовало представление об определенной политической наивности либералов, что позволяло радикалам использовать их в своих целях. Так, московский обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов и начальник МОО С. В. Зубатов писали в 1901 г. о «близоруких либералах» в обществе взаимопомощи лиц интеллигентных профессий: «Дабы образовать так или иначе прочный и сильный комплот, радикалы, прикрываясь идеей взаимопомощи, привлекли к содействию некоторых близоруких либералов, политическая благонадежность коих не могла бы внушать подозрений, а затем, оформив при их помощи дело и собравшись в достаточном числе, сначала устранили на чрезвычайном общем собрании 16 марта прошлого года учредительный декорум и ввели в совет общества своих сторонников, а потом, к концу года, окончательно завладели его административными органами» [40].

Таким образом, либералы оказывались в той части политического спектра, которая в МОО признавалась политически благонадежной. Но это не означало положительного отношения со стороны чинов МОО к поведению либералов. Так, С. В. Зубатов писал о «лжи и лицемерии» в «либеральной постановке вопроса о стачке» [41, с. 308], В. В. Ратко – о «цинизме либералов»[1].

Это представление было весьма характерно и для ДП. Но оно было выражено несколько иначе, посредством выделения в легальном политическом пространстве наряду с либералами «легальной оппозиции», которая делилась на умеренную и крайнюю. Именно последняя группа – крайняя (в обозначении Н. Д. Зайцева) или радикальная (в обозначении Л. А. Ратаева) легальная оппозиция интересовала ДП прежде всего. О легальной оппозиции писали многие служащие ДП: директора С. Э. Зволянский и А. А. Лопухин, заведующий Особым отделом ДП Л. А. Ратаев, руководитель 5-го делопроизводства В. К. Лерхе, сотрудник 3-го делопроизводства Н. А. Пешков [43, 44]. О популярности понятия «оппозиция» в среде ДП говорит, например, тот факт, что, как только уволенный с должности заведующего ЗА П. И. Рачковский переехал из далекого Парижа в Санкт-Петербург и попал в непосредственный контакт с чинами Департамента, в его лексиконе возник термин «оппозиция» [45; 10, с. 195]. С 1902 г. это понятие появилось у С. В. Зубатова, назначенного в это время руководить Особым отделом ДП[2] [11, с. 113; 41, с. 289, 309; 46, 47].

[1] Накануне демонстрации 5 и 6 декабря 1904 г. освобожденцев, социал-демократов и социал-революционеров Ратко писал: «Сделано все для создания революционного настроения и сознания, что самое главное, полной безнаказанности. Цинизм либералов и нахальство революционеров дошло до максимума, и, кажется, уже дальше идти нельзя» [42]. Не очень понятно, каким образом характеристика либералов в этом письме может быть встроена в общее отношение МОО к либералам, тем более что через три месяца Ратко писал совсем иное (см. ниже).

[2] В историографию вошло разделение на оппозиционное и революционное движение, видимо, воспринятое из документов ДП [48–50].

Если, по мнению служащих МОО, представление о «либеральном» не могло быть объяснено терминами «радикальный» и «оппозиционный», то в ДП, признавая самостоятельность двух последних направлений противоправительственного движения, иногда ставили знак равенства между оппозиционными и крайне либеральными явлениями. Так, директор ДП С. Э. Зволянский в записке о тверском земстве 1896 г. писал: «Против… Штюрмера вскоре же образовалась в губернии враждебная партия, во главе коей стали некоторые из гласных крайне либерального направления… тем не менее… вожаки оппозиции отчасти утратили прежнее влияние на ход земских дел» [51]. Более того, в 1900 г. в ДП возникло понятие «либерально-оппозиционные элементы», использовавшееся в течение двух лет (1900–1901) при описании объединительных тенденций в легальном политическом пространстве [52]. Иногда в ДП писали о «либерально-радикальной оппозиции» [53].

Однако уже с весны 1901 г. в качестве доминирующего термина, сопутствующего слову «оппозиция», используется не «либеральный», а «радикальный». После студенческой демонстрации 4 марта 1901 г. у Казанского собора и общественной реакции на ее разгон полицией в лексикон служащих ДП прочно входит понятие «радикально-оппозиционная группа». Авторство этого определения, по всей видимости, принадлежит заведующему Особым отделом ДП Л. А. Ратаеву (он, кстати, одним из первых в ДП еще в первой половине 1890-х гг. употреблял понятие «оппозиционеры»). Л. А. Ратаев писал, что состоящие в этой группе добиваются «низвержения в более или менее отдаленном будущем существующего ныне в империи государственного строя» [54]. Наиболее развернуто определение «радикально-оппозиционной группы» было дано в циркуляре № 6234 (июнь 1901 г.) министра внутренних дел Д. С. Сипягина губернаторам, градоначальникам, обер-полицмейстерам, начальникам ГЖУ: группа «лиц, преимущественно интеллигентных профессий, которые, не принимая непосредственного участия и даже намеренно устраняясь от активной революционной деятельности, поставили себе задачей, путем устройства вечеринок, чтения речей и рефератов на соответствующие темы, а также издательства систематически подобранной тенденциозной литературы, подготовлять в среде молодежи и рабочих противоправительственных деятелей и агитаторов» [55].

При этом в 1901 г. в ДП произошла переоценка роли либерального течения в противоправительственном движении: из его активных участников либералы превратились в попавших под влияние радикально-оппозиционной группы. Заведующий особым отделом ДП Л. А. Ратаев и директор ДП С. Э. Зволянский так подводили итог расследованию событий, связанных со студенческой демонстрацией 4 марта 1901 г.: «Выяснены все главнейшие деятели радикально-оппозиционной группы, захватившей за последние два года руководство всем революционным движением в Петербурге и ознаменовавшей свою деятельность за последнее время подстрекательством учащейся молодежи и рабочих к устройству уличных манифестаций, а либеральной части общества – к предъявлению правительству разных неосновательных и неподлежащих удовлетворению требований» [56].

С начала XX в. понятие «либеральная оппозиция» стало маргинальным в документах ДП и МОО. Видимо, радикализация либерального движения, произошедшая в 1901–1902 гг., не была воспринята как изменение самой либеральной идеологии, а трактовалась как конституирование нового явления – радикальной оппозиции. Основное содержание понятия «либе-

ральная оппозиция» не изменилось, и в 1905 г. в ДП определяли Д. Н. Шипова как «личность либерально-оппозиционного направления» [57], а майский съезд земцев 1902 г. – как «съезд либерально-оппозиционных элементов земских деятелей» [58].

Таким образом, представления ДП и МОО о либералах во многом совпадали: в обоих случаях считалось, что они попадали под влияние радикально-оппозиционной группы. Эта трактовка была не свойственна ГЖУ, ЗА и СПбОО. Во-первых, служащие этих структур отводили либерализму руководящую роль в общем противоправительственном движении. Так, заведующий ЗА П. И. Рачковский расценивал либеральное движение как стремящееся к объединению всех оппозиционных власти течений и, соответственно, являвшееся руководителем по отношению к революционерам [59]. Подобное отношение к либералам разделяли и ряд видных деятелей рубежа веков: министры внутренних дел И. Л. Горемыкин и В. К. Плеве, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев [60, 61]. Во-вторых, в ГЖУ по отношению к либералам часто использовали слова «крайне», «резко», «неумеренно», «яро». Так, из 49 случаев употребления слова «крайне» в связи с либералами, выявленных мной в делопроизводственной переписке, 33 приходится на ГЖУ, 14 – на ДП, 2 – на охранные отделения. Эта тенденция, видимо, отражает непримиримое отношение к либеральному движению наиболее консервативных из всех служащих политической полиции военных чинов управлений.

При этом в политическом сыске существовали серьезные разногласия относительно того, является ли идентификация либералов как противоправительственных деятелей верной и универсальной.

Одним из характерных расхождений между МОО и ДП, с одной стороны, и остальными структурами политического сыска, с другой стороны, является отношение к земству. Земцы, ассоциированные в тайной полиции в политическом плане с либерализмом, трактовались в МОО и ДП как ведомые в противоправительственном движении за радикалами и оппозиционерами. Заведующий Особым отделом ДП Л. А. Ратаев писал в 1902 г.: «За спинами увлекающихся и протестующих земцев всегда стоит в качестве подсказчика земский статистик, земский писарь, земский врач, агроном и т.п. В одной губернии земские учреждения находятся под давлением заведывающего земским санитарным бюро, в другом вдохновителем является главный статистик, в третьем – заведующий по вольному найму страховым отделом и т.д.» [62, 63]. В МОО и ДП внимание к земству как проводнику противоправительственных идей было существенно ниже, чем в ГЖУ. Земские деятели круга Долгоруковых не считались неблагонадежными (так, это слово было вычеркнуто Л. А. Ратаевым при составлении письма о собрании земцев) [64]. Донесения о земстве из МОО исключительно редки, а если и встречаются, то или не содержат в себе никаких характеристик, или заключают в себе положительное отношение к «либеральному земству» [65].

Л. А. Ратаев, по всей видимости, находился под влиянием либеральной концепции самоуправления, согласно которой земство являлось основой для организации народного представительства в стране[1]. Так, в записке о легаль-

[1] Согласно данной концепции, одним из авторов и активным сторонником которой являлся Д. Н. Шипов, выборные учреждения должны быть сформированы из представителей земств и иметь совещательный, а не законодательный характер [25, с. 278–280; 27, с. 451].

ной оппозиции 1902 г. он писал по поводу городских и земских учреждений, что «эти последние легальные органы общественной самодеятельности» представляют «собою крошечные зачатки конституционной жизни» [66]. Начальник МОО В. В. Ратко в своей записке о неотложных мерах по борьбе с революционным движением в феврале 1905 г., похоже, во многом опирался на концепцию, известную в историографии под названием «шиповского либерализма», т.е. либерализма, ориентированного на выражение доверия верховной власти и отрицательное отношение к конституции. Именно об этих двух положениях как необходимых для нормального взаимодействия власти и общества писал В. В. Ратко, характеризуя при этом положительно деятельность П. Д. Святополк-Мирского по умиротворению общества в противовес деятельности В. К. Плеве. Говоря о мерах борьбы с революционным движением, В. В. Ратко фактически воспроизвел некоторые постановления земского съезда ноября 1904 г. в версии группы Д. Н. Шипова: «Для предотвращения надвигающейся катастрофы необходимо безотлагательно: 1. дать возможность умеренным общественным элементам применить свои силы в деле служения государству и участия в законодательных работах наряду с правительственными чиновниками (обусловив эту меру имущественным цензом)… 3. пересмотреть уставы высших учебных заведений, предоставив принять участие в обсуждении этого вопроса представителями от профессуры в высших учебных заведениях» [67][1]. Лояльное отношение к съезду земских деятелей в мае 1905 г. (во время которого, как известно, земцы в последний раз попытались объединиться под руководством Шипова) демонстрировал и новый начальник МОО Тржецьяк, считавший, что следует разрешить его проведение [71]. Тот же фланг либерального движения, который в 1905 г. получил оформление на общероссийском уровне в рамках «Союза земцев-конституционалистов», в МОО был оценен как «крайне либеральный» [72][2].

В понятие умеренного либерализма служащие ДП вкладывали представление о поддержке верховной власти, признании ее права и способности заботиться о народе в противовес бюрократии, которая является главной проблемой Российского государства. Кроме того, умеренный либерализм предполагал критику отдельных представителей власти в отличие от крайнего либерализма, который считал неработающей государственную систему в целом [75].

Таким образом, служащие МОО и ДП воспринимали либерализм как течение, в основном находящееся за пределами противоправительственных устремлений, демонстрировали весьма спокойную позицию по отношению к либеральному движению. Либерализм представлялся им как не самое опасное течение с точки зрения государственного порядка и общественного спокойствия. Это восприятие отражалось как в относительно низком интересе к либералам на фоне внимания к деятелям других легальных оппозиционных течений, в эмоционально нейтральном описании различных проявлений либе-

[1] О постановлениях ноябрьского земского съезда 1904 г. и программе «шиповского» либерализма см. в [25–27, 68–70].

[2] В историографии «Союз земцев-конституционалистов» оценивается как выразитель умеренно либеральных требований в отличие от «Союза освобождения», представлявшего крайне левый фланг либерального движения. Позиция Д.Н. Шипова и его сторонников зачастую рассматривается не столько как проявление либерализма, сколько как выражение славянофильства [69, 70, 73, 74].

рального движения, так и в предпочтении воздерживаться от репрессивных мер в отношении его участников [76]. Если ГЖУ делали акцент на крайних проявлениях либерализма (которые были для них особенностями либерального движения в целом, а не какой-то его небольшой части), то в охранных отделениях и в ДП больше было распространено мнение о существенной умеренности либерализма как целостного явления.

Это расходится с принятой в историографии позицией об ориентации политической полиции на поддержку крайне реакционных движений[1]. Несоответствие этого представления действительности подтверждает анализ партийных объединений, проводившийся в ДП в 1906 г. Вопросы, на которые должны были ответить служащие местных отделений политической полиции, имели своей целью выяснить, в какой мере власть могла бы опираться на такие партии, как Партия мирного обновления, Партия правового порядка, т.е. те политические организации, которые возглавляли бывшие шиповцы[2].

В целом, несмотря на разногласия в политической полиции относительно степени противоправительственности либерализма, граница разделения политического пространства на те явления, которые интересовали политический сыск, и те явления, которые не относились к объектам ее внимания, проходила внутри либерального движения. Крайний либерализм и все, что было радикальнее его (оппозиционеры, конституционалисты, радикалы, марксисты, освобожденцы и пр.), были объектами такового внимания[3], что выражалось в постоянном наблюдении за деятелями данных течений, а также в попытках служащих ДП лишить их доступа в публичное пространство с помощью имевшихся в арсенале политической полиции репрессивных средств (гласный надзор, административная высылка и др.). Умеренный же либерализм воспринимался в политической полиции как норма и был позиционирован в политическом пространстве рядом с консерватизмом. В отличие от крайних либералов умеренные не искали выхода в публичное пространство, не были озабочены проблемой организованности своих сторонников [78]. Иначе говоря, по мнению чинов политической полиции, умеренный либерализм находился за пределами публичной политики, в сфере частной жизни, что являлось главным условием признания в политическом сыске допустимости его существования.

Список литературы

1. **Гессен, В. М.** Исключительное положение / В. М. Гессен. – СПб., 1908. – С. 3.
2. **Козьмин, Б. П.** С. В. Зубатов и его корреспонденты / Б. П. Козьмин. – М., 1928. – С. 48.
3. **Аврех, А. Я.** Документы Департамента полиции как источник по изучению либерально-оппозиционного движения в годы Первой мировой войны / А. Я. Аврех // История СССР. – 1987. – № 6. – С. 33.
4. **Чернышевский, В. Д.** Полиция как орудие карательной политики царизма (1881–1894 гг.) / В. Д. Чернышевский // Освободительное движение в России. – Вып. 12. – Саратов, 1989. – С. 79.

[1] Скорее всего, поддержка черносотенцев была личной инициативой отдельных служащих политической полиции, например начальника МОО в 1906 г. Е. К. Климовича [2, с. 48].

[2] Такой анализ по Москве и Московской губернии см. в [77].

[3] Это подтверждает и ряд опубликованных материалов, например письмо Е. П. Медникова С. В. Зубатову от 11.05.1906 [2, с. 119].

5. **Мулукаев, Р. С.** Полиция в России (IX в. – нач. XX в.) / Р. С. Мулукаев. – Нижний Новгород, 1993. – С. 44.
6. **Рууд, Ч.** Фонтанка, 16. Политический сыск при царях / Ч. Рууд, С. Степанов. – М., 1993. – С. 145–154, 233.
7. **Ерошкин, Н. П.** История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 4-е изд. – М., 1997. – С. 251, 256.
8. **Головков, Г. З.** Канцелярия непроницаемой тьмы. Политический сыск и революционеры / Г. З. Головков, С. Н. Бурин. – М., 1994.
9. Политический сыск в России: история и современность. – СПб., 1997.
10. **Перегудова, З. И.** Политический сыск России / З. И. Перегудова. – М., 2000.
11. **Галвазин, С. Н.** Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики / С. Н. Галвазин. – М., 2001.
12. **Ульянова, Л. В.** Групповой портрет деятелей политической полиции (1880–1905 года) / Л. В. Ульянова // Вестник молодых ученых исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Труды международной научной конференции «Ломоносов – 2007». Лучшие доклады по историческим наукам. – М., 2007. – С. 165–177.
13. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 268, 283.
14. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1900. Д. 528. Л. 5
15. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1901. Д. 987. Л. 64
16. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1901. Д. 933. Л. 2 ; Особый отдел. 1904. Д. 1000. Л. 162 а.
17. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1905. 2 отделение. Д. 13. Л. 11.
18. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 384.
19. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 4, 6, 8 ; Ч. 47. Л. 91 ; Оп. 252. Д. 18. Л. 167–167 об.
20. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 1200. Л. 5 об. ; 1895. Д. 640. Л. 2.
21. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Л. 18.
22. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Лит. Г. Л. 94–95 ; Д. 14. Ч. 57. Л. 68.
23. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 3. Ч. 10. Т. 1. Л. 9 ; Д. 1000. Л. 10–11, 40–40 об., 49–49 об., 52, 63 – 63 об., 75–76, 97–98 об., 107, 124, 137, 150 ; Т. 2. Л. 47, 45, 61 ; Д. 1250. Л. 51.
24. **Веселовский, Б. Б.** История земства / Б. Б. Веселовский. – СПб., 1911. – Т. 3.
25. **Белоконский, И. П.** Земское движение / И. П. Белоконский. – М., 1914.
26. **Шипов, Д. Н.** Воспоминания и думы о пережитом / Д. Н. Шипов. – М., 1918.
27. **Петрункевич, И. И.** Из записок общественного деятеля / И. И. Петрункевич // Архив русской революции. – М., 1993. – Т. 21–22.
28. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1895. Д. 88. Л. 98 ; Особый отдел. 1898. Д. 362. Л. 7 ; 1904. Д. 1195. Л. 44–48 ; 1905. 2 отделение. Д. 1000. Ч. 1. Л. 159.
29. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1905. 2 отделение. Д. 999. Ч. 43. Л. 24.
30. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1250. Л. 128.
31. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1905. Д. 1. Ч. 66. Лит. А. Л. 7.
32. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1905. 2 отделение. Д. 1255. Ч. 10. Л. 2.
33. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 550. Л. 49 ; Д. 1000. Л. 1.
34. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1000. Л. 162 а.
35. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Л. 18, 19 об. – 20 об., 22, 23–24 ; Лит. Б. Л. 1, 16 ; Д. 6. Ч. 47. Л. 91 ; Д. 13. Ч. 3. Л. 3–5 ; Ч. 13. Л. 1–1 об. ; Д. 14. Ч. 57. Л. 10, 68 ; 1904. Д. 1195. Л. 28, 44–48 ; Д. 1250. Л. 128.
36. Материалы к истории нашего хозяйственного развития : доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике // Красный архив. – 1923. – Т. 4. – С. 316.
37. **Кранихельд, В.** В. Я. Яковлев-Богучарский (по материалам Департамента полиции, Московского охранного отделения и по личным воспоминаниям) / В. Кранихельд // Былое. – 1917. – № 1(23). – С. 233.

38. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 635. Л. 120, 138–143 ; 1895. Д. 450. Л. 3–4 ; Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Лит. А. Л. 195 ; 1902. Д. 1555. Л. 7 ; 1903. Д. 150. Л. 1 ; 1906. 1 отделение. Оп. 235. Д. 373. Л. 5 об.
39. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 13. Ч. 3. Л. 3.
40. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1901. Д. 933. Л. 2, 6.
41. Новое о зубатовщине // Красный архив. – 1922. – Т. 1.
42. **Козьмин, Б. П.** С. В. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов / Б. П. Козьмин. – М. ; Л., 1928. – С. 41.
43. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 1200. Л. 6 ; 1895. Д. 1719. Л. 3–16 ; 1899. Д. 1055. Л. 157 ; Особый отдел. 1898. Д. 13. Ч. 16. Л. 11 ; 1904. Д. 200. Л. 29.
44. Николай II и самодержавие в 1903 г.: из итогов перлюстрации // Былое. – 1918. – Вып. 2(30).
45. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 1. Ч. 1. Лит. Д. Л. 1–15.
46. ГА РФ. Ф. 102. 1 эксп. 1880. Д. 98. Л. 139 (вложение). Л. 7 об.
47. Зубатовщина // Былое. – 1917. – № 4. – С. 166.
48. **Ефремов, В. А.** Сыск в политической полиции самодержавной России: историко-правовой аспект : дис. … канд. ист. наук / В. А. Ефремов. – СПб., 1996. – С. 117.
49. **Дорохов, В. Г.** Политический сыск в Томской губернии: 1881 – февраль 1917 гг. : дис. … канд. ист. наук / В. Г. Дорохов. – Кемерово, 2005. – С. 43.
50. **Гладышева, Е. Е.** Политический сыск в России в начале XX в. (1902 – февраль 1917 г.) на примере Саратовской губернии : дис. … канд. ист. наук / Е. Е. Гладышева. – Саратов, 2006. – С. 5.
51. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1895. Д. 1719. Л. 12.
52. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 853. Л. 51, 52 ; 7 делопроизводство. 1903. Д. 1791. Л. 45 об. ; Особый отдел. 1900. Д. 115. Л. 36 об. ; 1901. Д. 923. Л. 2 ; Оп. 252. Д. 21. Л. 129, 143, 144.
53. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1901. Д. 672. Л. 4 ; 1901. Д. 923. Л. 2, 4.
54. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 723. Л. 2. ; Д. 5. Ч. 6. Лит. П. Т. 2. Л. 25 об.
55. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 434. Л. 58.
56. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898. Д. 2. Ч. 5. Т. 1. Л. 64.
57. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1905. 2 отделение. Д. 2425. Ч. 32. Л. 7.
58. ГАРФ. Ф. 102. 7 делопроизводство. 1903. Д. 1791. Л. 45 об.
59. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Д. 1. Л. 97.
60. **Любимов, Д. Н.** Отрывки из воспоминаний. (1902–1904 гг.) / Д. Н. Любимов // Исторический архив. – 1962. – № 6.
61. **Лукьянов, И. В.** Тайный корреспондент Николая II А. А. Клопов / И. В. Лукьянов // Из глубины времен. – Вып. 6. – СПб., 1996.
62. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1902. Д. 835. Л. 3 об. – 4.
63. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1195. Л. 45.
64. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1902. Д. 1688. Л. 37.
65. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 608. Л. 7 ; 1904. Д. 1195. Л. 44–48.
66. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1902. Д. 835. Л. 3 об.
67. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1195. Л. 48.
68. Второй съезд земских деятелей. – СПб., 1904.
69. **Черменский, Е. Д.** Буржуазия и царизм в первой русской революции / Е. Д. Черменский. – М., 1977 ; 1982.
70. **Шацилло, К. Ф.** Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. / К. Ф. Шацилло. – М., 1985.
71. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1905. 2 отделение. Д. 1000. Л. 32.
72. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. Д .999. Ч. 43. Л. 24.
73. **Пирумова, Н. М.** Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX в. / Н. М. Пирумова. – М., 1977.

74. **Шелохаев, В. В.** Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / В. В. Шелохаев. – М., 1983.
75. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 1791. Л. 5–6.
76. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Оп. 85. Д. 138. Л. 5 ; 1889. Оп. 87. Д. 503. Л. 7, 11, 13–14, 15–16 ; 1891. Д. 527. Т. 1. Л. 152, 153 ; Т. 2. Л. 12, 31 ; 1893. Д. 1200. Л. 4 об. ; Особый отдел. 1900. Д. 528. Л. 5 ; 1901. Д. 923. Л. 1–2 об.
77. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1906. 2 отделение. Оп. 236. Д. 828. Ч. 18.
78. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1886. Д. 93. Л. 280–281 ; 1893. Д. 635. Л. 63–64 об. ; 1894. Д. 1791. Л. 5–6 ; 1902. Д. 1. Ч. 58. Лит. А. Л. 15 ; 1905. Д. 1. Ч. 66. Лит. А. Л. 4, 11 ; Особый отдел. 1898. Д. 13. Ч. 13. Л. 1–1 об. ; 1904. Д. 1192. Л. 5–8 ; 1905. 2 отделение. Д. 1000. Л. 32 ; Ч. 1. Л. 13.

Ульянова Любовь Владимировна
кандидат исторических наук, редактор
«Русского журнала» (г. Москва)

Ulyanova Lubov Vladimirovna
Candidate of History, editor
of «the Russian magazine» (Moscow)

E-mail: ulianovalv@gmail.com

УДК 94(47).082, 94(47).083
Ульянова, Л. В.
Служащие политической полиции о либералах: место либерализма в легальном политическом пространстве (1880–1905) / Л. В. Ульянова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 10–21.

УДК 940.2(470.4)

Г. В. Гарбуз

ЖЕНЩИНЫ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. В статье анализируется положение женщин на государственной службе в России в начале XX в. Автор рассматривает причины поступления женщин на государственную службу, их правовой статус и роль в деятельности различных учреждений. Предметом внимания также является отношение чиновников разного уровня к проблеме привлечения женщин в государственные учреждения и изменения правительственной политики в этом вопросе в начале XX в.

Ключевые слова: женщины, служба, правительство, государство, политика, статус, учреждения.

Abstract. The women's position in civil service in Russia at the beginning of the XX-th century is analyzed in this article. The author researches the reasons of women's coming to civil service, their lawful status and their activity at different institutions. The author also researches the attitude of the officials of different levels to the problem of women's activity at civil institutions and to changing the government's policy to this problem at the beginning of the XX-th century.

Keywords: women, service, government, state, policy, status, institution.

Модернизация конца XIX – начала XX вв. актуализировала проблему правового статуса женщины. Развитие гражданского общества предполагало равенство в правах всех его членов, демократизация политической системы в развитых странах ставила на повестку дня вопрос о политическом равноправии женщин. Отставание России от передовых европейских стран по уровню политического развития в этот период не исключало появления сходных тенденций в развитии общественной жизни.

Российская женщина не была абсолютно бесправной, однако общественное сознание традиционно отводило ей второстепенную роль в общественной и политической жизни. Этот принцип был законодательно закреплен государством. Женщины не могли лично участвовать в сословных (дворянских) или земских собраниях, они могли реализовать свои избирательные права только опосредованно через доверенных лиц – близких родственников мужского пола. Такое же ущемление в правах сохранилось при выборах в Государственную Думу [1].

Стереотипы политического мышления оказали влияние и на освободительное движение начала XX в. В нем не было полного единомыслия по вопросу о политических правах женщин. Если революционные партии предполагали равноправие женщин без всяких ограничений, то в либеральном лагере вопрос о избирательных правах женщин длительное время оставался открытым. Либералы в общем не подвергали сомнению право женщин на участие в деятельности местного самоуправления. Однако значительная их часть долгое время считала вопрос о предоставлении женщинам равных избирательных прав (в первую очередь при выборах Государственной Думы) преждевременным ввиду того, что данная идея еще не нашла всеобщего признания в обществе [2].

До начала XX в. российское самодержавие отказывало женщинам в праве поступать на государственную службу. В статье 156 Устава о службе гражданской четко определялось: «На канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях, где места предоставляются по назначению от начальства или по выборам, воспрещен прием женщин даже и по найму» [3]. В то же время в некоторых сферах государственной деятельности обойтись без участия женщин было нельзя, поэтому уже следующая 157-я статья Устава допускала привлечение женщин на службу в женских благотворительных, медицинских, образовательных учреждениях, а также в некоторых учреждениях государственного контроля, почтово-телеграфного ведомства, адресных столах полицейских подразделений. При этом оговаривалось, что женщины могут занимать канцелярские, врачебные, преподавательские должности исключительно по вольному найму «без предоставления им каких-либо прав и преимуществ, государственной службой приобретаемых, а равно и права замещения штатных должностей» [4, с. 1]. Таким образом, рекрутируя женщин в государственный аппарат, правительство упорно не желало признавать их государственными служащими.

Модернизация российского общества в начале XX в. усложнила задачи, стоящие перед государственным аппаратом, и потребовала от правительственных агентов более высокого образовательного уровня и профессиональной подготовки. В связи с этим меняется кадровая политика правительства, постепенно главным критерием при замещении различных должностей в государственном аппарате становится не происхождение, а уровень образования. Стремление привлечь в государственные учреждения как можно больше лиц со средним и высшим образованием поворачивает ранее продворянскую кадровую политику в сторону российской интеллигенции, в среде которой отношение к государственной службе было в определенной степени антагонистическим. К тому же лица с высоким уровнем образования в этот период были широко востребованы и могли довольно легко найти более престижную и высокооплачиваемую службу в различных общественных и коммерческих структурах.

В результате реальная ситуация с кадрами в государственных учреждениях, особенно в провинциальном административном аппарате, была далека от правительственных ожиданий. Особенно низким был образовательный уровень полицейских чиновников в провинции. Многие не имели образовательного ценза, необходимого для получения классных чинов и поэтому числились лишь исполняющими обязанности, не обладая всеми правами занимаемой должности. Это были выходцы из низших слоев общества, нередко начинавшие свой служебный путь простыми урядниками. Опыт полицейской деятельности позволял таким чиновникам справляться со своими обязанностями, однако их уровень развития и кругозор явно не соответствовали занимаемым постам, что отрицательно сказывалось на профессиональной компетентности. Служебные документы, выходившие из-под пера некоторых пензенских полицейских администраторов, по выражению старшего советника губернского правления В. П. Попова, часто годились «лишь для юмористических журналов» [5]. Такое же тяжелое положение с кадрами было в канцеляриях различных губернских учреждений. Труд чиновников, занимавших должности низшего класса, оплачивался скудно. Столоначальник губернского правления в 1905 г. получал 735 руб. в год, столоначальник уездного по-

лицейского управления – 300 руб. [6]. В наиболее плачевном состоянии находились канцелярские чиновники, состоявшие за штатом. Они не имели привилегий, связанных с государственной службой, и в любой момент могли быть уволены без всяких видимых причин. Это делало службу в губернских административных учреждениях малопривлекательной для деятельных и способных чиновников, стимулировало злоупотребление и пренебрежение служебным положением.

Положение еще больше усугубилось в период революции 1905–1907 гг., когда престиж государственной службы резко упал. Низкий уровень жизни и увеличение административной нагрузки, а также опасность, которой подвергались в революционный период государственные служащие, привели к существенным изменениям в социальной структуре низшего звена провинциального административного аппарата. Представителей привилегированных слоев провинциального общества потеснили выходцы из бывших податных сословий (крестьянства и мещанства), которые после указа от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей» получили возможность свободно поступать на государственную службу. Они были движимы желанием несколько улучшить свое материальное положение и подняться чуть выше по социальной лестнице. Их познаний порой едва хватало для выполнения возложенных обязанностей, а моральный облик нередко оставлял желать лучшего даже с точки зрения их непосредственного начальства. Самарский губернатор В. В. Якунин в письме директору департамента общих дел МВД А. Д. Арбузову характеризовал положение в губернском правлении следующим образом: «Со стороны многих чиновников было замечено халатное отношение к делу, неисправное посещение службы и другие недостатки до пьянства и взяточничества включительно» [7].

Привлечение женщин на государственную службу стало одним из возможных способов решения создавшейся кадровой проблемы. Руководители различных государственных учреждений по собственной инициативе привлекали женщин на службу в свои ведомства. К началу XX в. женщины служили в различных подразделениях МВД, акцизного управления, министерства земледелия и государственных имуществ, министерства юстиции и даже в Сенате [4, с. 492]. После первой российской революции их численность увеличилась весьма существенно. Создавшаяся ситуация заставила правительство определить правовой статус женщин на государственной службе. Причины изменения государственной политики в этом вопросе изложены в письме

чиновника особых поручений при министре внутренних дел А. Г. Кондратьева директору департамента общих дел МВД А. Д. Арбузову. По мнению А. Г. Кондратьева, практика многих государственных учреждений показала, что женский труд может быть продуктивнее мужского, но полное бесправие женщин «ставит их в положение каких-то париев в ряду прочих служащих и принижает личное достоинство выдающихся работниц перед малопригодными к делу лицами мужского пола», снижая тем самым эффективность их служебной деятельности [8, л. 1]. Для решения проблемы в 1909 г. была создана специальная комиссия под руководством директора департамента общих дел МВД А. Д. Арбузова, в задачу которой входило выяснение размеров применения женского труда в подведомственных учреждениях и отношения руко-

водителей различных подразделений министерства к вопросу о рациональности привлечения женщин на государственную службу и их правовом статусе.

По данным комиссии, в 1909 г. на службе в местных учреждениях МВД состояли 1459 женщин [8, л. 68 об.]. В сравнении с общим количеством служащих численность была небольшой. Только в одной Пензенской губернии (не самой большой по размерам) штатных чиновников МВД было 522 человека без учета канцелярских служащих и низших полицейских чинов [9]. Больше всего женщин служило в административном аппарате столичных губерний: в Московской – 114 человек, в Санкт-Петербургской – 90 человек [10, л. 68 об.]. Столичные чиновники имели больше возможностей найти доходные и респектабельные должности в негосударственных учреждениях, те же, кто хотел сделать административную карьеру, стремились попасть в центральные ведомства, служба в которых считалась более престижной. Поэтому в местных учреждениях столичных губерний кадровые проблемы стояли острее, чем в провинции. Что касается провинциальных губерний, то больше всего женщин служило в Виленской (59 человек) и двух поволжских Саратовской и Самарской (42 и 38 человек). В семи административных территориях женщин на государственной службе не было вообще [10, л. 69, 70]. Наличие женщин в местном управленческом аппарате зависело от многих причин. Определенную роль играло личное отношение местных руководителей к этому вопросу. Чаще женщины встречались в местных учреждениях экономически развитых регионов, где у квалифицированных служащих мужского пола было больше возможностей реализовать свои способности вне государственного аппарата. Определенную роль играли местные традиции. Женщины реже принимались на службу в административные управления в казацких областях и на некоторых национальных окраинах. Больше всего женщин служило в губернских правлениях и адресных столах полицейских учреждений. Практически не было женщин в губернских и уездных по воинской повинности присутствиях. Социальное происхождение женщин было различным, но преобладали выходцы из среды разночинцев. Представительницы этого слоя были лучше знакомы с особенностями государственной службы и более эмансипированы. Уровень их образования был достаточно высоким. Более половины женщин имели среднее и незаконченное среднее образование. Лица с высшим образованием почти не встречались, поскольку для женщин в России высшее образование было практически недоступно. У имевших высшее образование были дипломы иностранных учебных заведений. Возраст служащих колебался от 14 лет (минимальный возраст поступления на государственную службу) до 58 лет [10, л. 69, 70]. Женщины в основном занимали должности писцов, канцелярских служителей, но были и такие, кто исполнял должности классных чиновников: архивариусов, регистраторов, делопроизводителей, столоначальников. Большинство женщин получало небольшое жалованье от 200 до 500 руб. в год, некоторые вообще не имели постоянного жалованья [10, л. 71 об.]. Оплата женского труда обычно соответствовала нормам, существовавшим для низших служащих провинциальной администрации.

В целом руководство МВД относилось к привлечению женщин на государственную службу положительно. Из 94 руководителей различных местных и центральных учреждений, опрошенных комиссией А. Д. Арбузова, только десять человек высказались категорически против использования

женского труда в подразделениях министерства [10, л. 38–60]. Следует отметить, что свои резюме по данному вопросу губернаторы предоставляли в министерство после консультаций с руководителями подведомственных подразделений, поэтому можно считать их коллективным мнением большинства администраторов различного уровня. Мотивы положительного отношения провинциальных администраторов к данному вопросу выразил в рапорте пензенскому губернатору наровчатский уездный исправник: «Допущение лиц женского пола на службу признается полезным, так как при ограниченном вознаграждении труда значительно труднее найти для замещения канцелярской должности трезвых и исполнительных служащих мужского пола» [11]. Провинциальные чиновники отмечали добросовестность, аккуратность, дисциплинированность женщин, а также то, что они, как правило, больше дорожат службой, чем их коллеги-мужчины. Мнение самих губернаторов было созвучно отзывам подчиненных. Самарский губернатор В. В. Якунин отмечал: «Лица женского пола обладают в большинстве средним образованием и, следовательно, принадлежат к интеллигентному классу, а равно и проявляют, как показал опыт, достаточную работоспособность» [12].

Противники привлечения женщин на государственную службу нередко аргументировали свою позицию неспособностью женщин в полной мере выполнять некоторые должностные обязанности. Некоторые полицейские чиновники мотивировали отказ в приеме на службу тем, что даже канцелярские служащие полицейских учреждений нередко привлекаются к выполнению оперативной работы, которая женщинам не по силам. Категорически против использования женского труда в своих учреждениях по этическим соображениям выступали руководители разного уровня по воинской повинности присутствий. Осмотр новобранцев, сопровождавшийся обнажением мужчин, по их мнению, не мог производиться в присутствии женщин-служащих. Некоторые администраторы относились предвзято к способности женщин нести государственную службу. Городищенский уездный исправник Пензенской губернии отмечал, что женщин нельзя допускать к занятию должностей на государственной службе, поскольку «должности эти ответственны, требуют известного навыка, знания дела и знакомства с законами, к изучению которых они как считающие это для себя сухим материалом весьма не склонны» [13, л. 41]. Подобная позиция среди чиновников все же была редкостью.

Далеко не все руководители, согласившиеся пропустить женщин на государственную службу, были готовы предоставить им соответствующие служебные права. Некоторые, подобно пензенскому губернатору И. Ф. Кошко, считали, что служебное положение женщин должно остаться прежним [13, л. 59]. Подавляющее большинство чиновников, допуская наделение женщин некоторыми правами, не стремились уравнять их в служебном положении с мужчинами.

По итогам работы комиссии А. Д. Арбузова, МВД приняло решение узаконить допуск женщин на службу с предоставлением им всех служебных прав, кроме права производства в классные чины и награждения орденами. Наиболее существенным было право на получение пенсии, которое сохранялось и в случае замужества. В случае смерти женщины пенсия сохранялась за ее детьми до совершеннолетия. Женщины могли занимать должности во всех подразделениях МВД, кроме губернских и уездных по воинской повинности присутствий и низших полицейских учреждений. Допускалось замещение

женщинами штатных должностей в канцеляриях до VII класса включительно. Для низших канцелярских должностей образовательного ценза не существовало, на классные должности могли претендовать лишь лица со средним образованием. Существовала квота – не более 20 % женщин к общему числу служащих в том или ином учреждении [14]. Узаконив право женщин на государственную службу, правительство сделало шаг вперед по пути женской эмансипации.

Постепенно женщины все больше входили в штат различных провинциальных учреждений. Женщина на государственной службе уже не воспринималась как экстраординарное явление. Руководители различного уровня привыкали относиться к женщинам как к обычным чиновникам. Тенденции к ограничению женщин в реализации предоставленных им служебных прав и привилегий не наблюдалось. Отказывая женщинам в праве на получение государственных орденов, награждение которыми четко увязывалось с определенным чином, провинциальные администраторы не распространяли это ограничение на другие виды государственных наград. В 1913 г. по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых женщины, состоявшие на государственной службе, в числе других служащих получили соответствующие награды. Постепенно награждение женщин за службу медалями становится обычной практикой.

В некоторых случаях служебная необходимость заставляла руководителей местного административного аппарата нарушать законодательные ограничения. С началом Первой мировой войны кадровая ситуация в провинциальных учреждениях вновь резко ухудшилась. Многие чиновники были призваны на военную службу, их места в канцеляриях занимали женщины. В 1915 г. в пензенском губернском правлении было 69 служащих, из них 21 женщина, т.е. около одной трети, что значительно больше определенной законом нормы [15].

Государственная служба привлекала женщин возможностью получения небольшого, но стабильного материального содержания. Для некоторых жалованье было единственной возможностью как-то обеспечить себя и семью. Молодым девушкам государственная служба давала возможность реализовать свои способности. Некоторые могли совмещать службу с учебой. Провинциальное общество воспринимало службу женщин в административных учреждениях позитивно. Местные чиновники среднего уровня нередко привлекали на службу своих близких родственниц. В пензенском губернском правлении служили дочь и племянница секретаря правления А. А. Сатурнова [16]. Особенно заметно это явление стало в годы Первой мировой войны. Резкий скачок цен усилил несоответствие между размером жалованья и стоимостью жизни, сделав более востребованными те средства, что вносили жены и дочери чиновников в семейный бюджет.

Привлечение женщин на государственную службу в России в начале XX в. способствовало усилению их роли в общественной и политической жизни страны. Этот поворот правительственной политики был вызван насущной необходимостью, в первую очередь нехваткой квалифицированных кадров в низших звеньях государственного управления.

Правовая дискриминация женщин, ограничение возможностей служебного роста, более жесткие критерии отбора позволяют судить о том, что правительство все же было далеко от признания женского равноправия. Россий-

ская империя до конца своего существования не избавилась от патриархальных тенденций к принижению социального статуса женщины.

Список литературы

1. Государственный строй Российской империи накануне крушения. – М., 1995. – С 84.
2. **Вострикова, В. В.** Проблема равноправия женщин в политической жизни: дискуссия в либеральной среде (1905–1907) / В. В. Вострикова // Государственная дума Российской империи: традиции прошлого и настоящего. – Пенза, 2006. – С. 184.
3. **Марголин, Д.** Программы и правила испытаний на первый классный чин (гражданской службы) / Д. Марголин. – Киев, 1915. – С. 4.
4. **Полянский, А.** Русская женщина на государственной и общественной службе / А. Полянский. – М., 1901.
5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 6. Оп. 1а. Д. 197. Л. 116 об.
6. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7437. Л. 252–256.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 47. 1906. Д. 229. Л. 32.
8. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 103.
9. РГИА. Ф.1284. Оп. 65, 1910. Д. 17. Л. 5 об. – 6.
10. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 103.
11. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8531. Л. 27.
12. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 105. Л. 108.
13. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8531.
14. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 103. Л. 62.
15. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1а. Д. 581 ; Ф. 6. Оп. 1. Д. 10425. Л. 4–36.
16. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10425. Л. 7, 34.

Гарбуз Георгий Владимирович
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории, Пензенский
государственный университет

Garbus Georgy Vladimirovich
Candidate of History, associate professor,
sub-department of history,
Penza State University

E-mail: history@stup.ac.ru

УДК 940.2(470.4)

Гарбуз, Г. В.

Женщины на государственной службе в России в начале XX в. / Г. В. Гарбуз // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 22–28.

Ф И Л О С О Ф И Я

УДК 1(091):21

М. П. Семина

АСПЕКТ ВЕРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ШЕСТОВА

Аннотация. Автор данной статьи освещает аспект веры в творчестве Льва Шестова, которого можно отнести к числу тех мыслителей, чье творческое наследие еще ждет своего часа.

Ключевые слова: вера, истина, разум, знание, свобода.

Abstract. The author of the article elucidates the aspect of the faith in the creative activity of Lev Shestov – a philosopher among other thinkers, whose creative heritage is waiting for its hour.

Keywords: faith, truth, reason, knowledge, freedom.

Эпоха конца XIX – начала XX столетия ознаменовала себя небывалым объемом принципиально новых научных открытий в различных областях жизни человека. В это время вера в науку покоряет все большее число умов. В таких условиях во второй половине XIX – начале XX вв. возникает движение позитивизма.

В России в области философии это направление нашло отражение в работах К. Д. Каверина, П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского и Н. К. Кареева[1], а также в творчестве позитивистов Лесевича, Грота, Вернадского и Мечникова, пытавшихся прийти к «научной философии». Кроме того, смена формаций и приход к власти большевиков в начале XX в. обеспечили доминирующее положение «советской философии», сводившейся к неомарксизму и материализму.

Но не всем мыслителям были близки идеи позитивизма и материализма, поэтому протоирей В. В. Зеньковский в истории философских движений XX в. выделяет и другие направления, в числе которых значится возрождение религиозно-философской мысли, представленное тремя ключевыми фигурами: Д. С. Мережковским, Н. А. Бердяевым и Л. И. Шестовым. Главу об этих мыслителях Зеньковский претворяет словами: «Для русской жизни XX в. характерно не только революционное движение в социально-политической области… но не менее характерно революционное или реформистское движение и в религиозно-философской области» [1, с. 293]. «Самым типичным проявлением» [1, с. 293] религиозно-философской мысли было устремление к «таинственным далям» [1, с. 293], к тому, что «глубже рассудочных и рациональных построений» [1, с. 293, 294]. Это положение позволяет объединить в одну группу упомянутых мыслителей, но нельзя не подчеркнуть того обстоятельства, что каждый из них имел собственную позицию.

[1] Определяя направление мысли этих философов термином «полупозитивизм», Зеньковский поясняет его смысл как «сочетание позитивизма и идеалистической мысли» [1, с. 12].

Характеризуя «новое» религиозное сознание Мережковского, Зеньковский пишет, что в душе философа «христианское уживается с влечением к античности, к античной культуре» [1, с. 296]. Мыслитель пытается совместить правду о небе с правдой о земле. Анализируя творчество Бердяева, Зеньковский говорит: «Бердяев всегда учит, наставляет, обличает и зовет, всегда в нем выступает моралист» [1, с. 300]. Морализм Бердяева пронизывает всю его религиозно-философскую мысль: «Бердяев, как и Михайловский… не удовлетворяются позицией идеалистов… им подавай должное» [2].

Религиозно-философская мысль Л. И. Шестова также неповторима и имеет свои приоритеты. В. Л. Курабцев отзывается о Шестове следующим образом: «Шестов – это постоянный Удар, направленный против христианства, морали, науки, разума, классической философии, нерелигиозной философии» [3, с. 130].

Сам Шестов, размышляя о предмете, задачах и методах философии, пишет: «… к философии нас всех неудержимо влечет именно потому, что там надеются… найти ответы на наиболее тревожные, мучительные, настоятельные наши вопросы» [4, с. 27]. Философия Шестова тоже обращена лицом к мучительным и насущным вопросам: она «ищет самого важного и значительного… ищет начал и оснований» [4, с. 31], ведет поиски места человека и всего человечества в мире, пытается «заглянуть за грани нашего земного бытия» [4, с. 29]. Шестов понимает, что его вопросы – предмет не только философии, но и религии, поэтому объясняет, что «резко отграничивать задачи философии от задач религии нет ни надобности, ни возможности. Обе эти области слишком близки и слишком тесно связаны одна с другой» [4, с. 54]. Но только философия как «свободная деятельность человеческого духа может освободить религиозное сознание от бесчисленных предрассудков, которые к нему прививались историческими условиями существования человечества в течение долгих столетий и тысячелетий» [4, с. 55].

В поисках ответов Шестов обращается к античной философии и к Святому Писанию Ветхого и Нового Завета. Он анализирует мысль ионийских мыслителей, Гераклита, элеатов, Анаксагора, пифагорийцев, софистов, Сократа, Платона, Аристотеля, циников, стоиков, эпикурейцев и других и приходит к выводу, что истина «разумных эллинских идей» [5, с. 350] у истоков всего ставит незыблемую необходимость, незыблемый закон, судьбу: «Человек «знает», что судьба непреодолима… Вся древняя философия на этом держалась» [5, с. 339]. Удел человека при этом – покориться судьбе, приспособиться к ней и так перевоспитать себя, переделать свою волю, чтобы необходимое принимать как должное, как желательное, как лучшее. Применительно к эллинской философии Шестов употребляет выражение «fata volentem ducunt, noleutem trahunt»[1] [5, с. 339].

Разумеется, что в древнегреческой философии вопросы этики также не выпадали из-под власти незыблемой необходимости: «Сверх начала естественного, природного есть еще какое-то начало, совершенно самозаконное, совершенно автономное – начало этическое» [4, с. 221].

Обратившись к Святому Писанию, Шестов находит в нем другие ответы на «мучительные вопросы». Здесь следует сделать некоторое отступление. К Слову Божьему обращались многие тысячи и тысячи мыслителей. Сам

[1] Покорных судьба ведет, непокорных тащит (лат.).

Шестов, раскрывая перед читателем собственное видение Святого Писания, параллельно обращается и к мысли других философов, пытающихся постичь тайну Писания. О религиозной философии В. Соловьева, которого Шестов считал «первым русским религиозным философом» [4, с. 320], он пишет следующее: «Все – человеческую душу, человеческую свободу, даже самого Бога он сложил на алтарь разума… он видел смысл аскетизма в том, что люди отказываются от созданного Богом мира и замыкаются в мире, созданном их разумом» [4, с. 384]. Осуждая все ту же рациональность в философии Д. С. Мережковского, Шестов позволяет себе достаточно резкое высказывание: «Он вывел меня из себя своим «Богом»…» [6, с. 52]. Размышляя о философии Н. Бердяева, Шестов говорит, что благодаря его гнозису «из иных миров прорываются и доходят до человека повеления, а не «благие вести» [6, с. 18], отчего «первая из всех заповедей: «слушай, Израиль!» [5, с. 418] становится недоступной человеку.

Как считает Шестов, понимание Святого Писания было и остается искаженным во многом благодаря неверному представлению об аскетизме. Мыслитель указывает на то, что аскетизм, традиционно воспринимаемый как феномен, имеющий своей целью умерщвление плоти, лишь удалил человека от Бога: «Средневековье питало загадочную и непонятную ненависть ко всему нормальному, самоудовлетворенному, законченному. Самый нормальный человек, если его подержать некоторое время на монашеском режиме, потеряет душевное равновесие и все те добродетели, которые обыкновенно живут в здоровом духе и здоровом теле. Католичеству только этого и нужно было. Оно добивалось от людей крайнего напряжения всего их существа. Обыкновенную, естественную любовь, находящую себе удовлетворение, а стало быть, и конец в браке и семье, католичество считало греховной. Оно воспретило не только монахам, но и священникам иметь семью – и в результате добилось развития аномальных, чудовищных страстей. Оно проповедовало бедность, и на свет явилась неслыханная алчность, которая тем пышней разрасталась, чем больше ей приходилось скрываться. Оно требовало смирения, и из босых монахов выходили деспоты, не имевшие соперников своему властолюбию» [5, с. 296, 297].

Считая негативные последствия телесного аскетизма слишком самоочевидными, чтобы тратить на них свое время, Шестов уделяет гораздо больше внимания аскетизму духовному: «Монахи и пустынники, изнурявшие себя постом, бдением и т.п. «трудами», прежде всего стремились вырваться из того всемства, о котором говорит у Достоевского подпольный человек и которое на школьном философском языке называется «сознание вообще» [7]. Так называемое «всемство», заимствованное Шестовым у Достоевского, есть не что иное, как индивидуальное «я». Чтобы определить мотивацию освобождения от «я», принятую в традиционном католичестве, Шестов прибегает к словам Игнатия Лойолы: «Quanto se magis reperit anima segregatam et solitariam, tanto aptiorem se ipsam reddit ad quærendum intelligendumque Creatorem et Dominum suum»[1]. Именно поэтому, как указывает Шестов, «философы, которые хотели быть «мудрецами», т.е. те, которые учили людей, как нужно жить, учили, что главная и самая существенная задача человека – истреблять в себе свое индивидуальное «я» [8].

[1] Чем больше отделяется и уединяется душа, тем более способной становится она искать и постичь Творца и Господа своего (лат.).

Определив мотивацию освобождения от «я» и способы этого освобождения, Шестов приходит к выводу о несостоятельности духовного аскетизма как минимум по двум причинам. Прежде всего, непреодолимым препятствием для уничтожения своего «я» Шестов считает неподражаемую индивидуальность, проявляемую в этом деле каждым аскетом: «Борьба с «я», с индивидуальным существованием может и должна считаться наиболее замечательной и захватывающей страницей истории человеческого духа. Она, как и все, что мы наблюдаем в жизни, исполнена противоречий. Суровый аскет, утонченно придумывающий изысканные пытки для себя и других, часто проявлял такую силу индивидуальности, которая исключала всякую возможность допущения, чтоб его дух мог когда-либо слиться с каким бы то ни было первоначалом» [8]. Следуя традиционной логике, отречение от своего «я» есть единственный путь обрести истину. Но что есть истина, обретенная таким путем? Шестов разделяет мнение Паскаля, который заявляет: «Хоть бы и удалось вам добыть эти вечные и нематериальные и так приладившиеся одна к другой истины – цена им грош. Они не помогут вам спасти душу» [8]. Шестов прислушивается сам и заставляет читателя внимать словам Паскаля: «Quand un homme serait persuadé que les proportions des nombres sont des vérités immatérielles, éternelles, et dépendantes d'une première vérité en qui elles subsistent, et qu'on appelle Dieu, je ne le trouverais pas beaucoup avancé pour son salut»[1] [8]. В этой же связи Шестов вспоминает слова, с которыми Бог обратился к первому человеку после благословения: «Subjicite et dominamini»[2] [8]. Мыслитель пишет: «Я – ведь есть самое «иррациональное», самое непокорное, не желающее покоряться из всего, что было создано Творцом. Он ли согласится отдать человека под руку самодовлеющим, мертвым принципам?». Получается, что чрезмерные усердия, сводимые к уничтожению «я», – есть шаг против Бога. В этом, по мнению Шестова, кроется вторая причина несостоятельности духовного аскетизма в его традиционном проявлении.

Сам мыслитель видит смысл аскетизма в ином. Он считает, что феномен тяготения к аскетизму изначально заложен в человеке природой и дает возможность «пробуждения»: «Может быть, аскетизм с его столь загадочными самоистязаниями есть выражение заложенного в человеке бессознательного стремления к пробуждению» [8]. Пробуждение же согласно мысли Шестова кроется в отказе от разумных ответов на все проявления жизни и в приближении к истине, ведь, идя на поводу у разумности, человек вытравляет свое «я» и идет против Бога.

На примере великого писателя Н. В. Гоголя Шестов показывает возможность подлинного, с его точки зрения, аскетизма: «Бесчисленный сонм чертей и иных могучих духов не мог приподнять веки Вию. Не может открыть глаза и Гоголь, хотя весь он сосредоточен на одном помысле, на одном желании. Он может только терзать себя и безумствовать – отдать себя в руки духовному палачу отцу Матвею, уничтожать свои лучшие рукописи, писать дикие письма друзьям своим. И, по-видимому, в каком-то смысле эти беспощадные самоистязания, этот неслыханный духовный аскетизм «нужнее», чем

[1] Если бы человек был убежден, что отношения чисел – нематериальные, вечные истины, зависящие от первичной истины, в которую они включены и которую называют Богом, я бы не считал, что он сильно продвинулся к своему спасению (фр.).

[2] Наполняйте землю и обладайте ею (лат.).

его дивные литературные произведения. Может быть, нет иного способа, чтоб вырваться из власти «всемства»! Гоголь не употребляет этого слова. Гоголь даже ничего не слышал о Клоде Бернаре и никогда, конечно, не подозревал, что Аристотель заворожил мир законом противоречия и другими самоочевидностями. Гоголь не получил никакого образования и был indoctus в такой же степени, как и те галилейские плотники и рыбаки, о которых говорит блаженный Августин. И все-таки – а может быть, именно потому еще мучительней, чем Достоевский, – он чувствовал над собой и всем миром страшную власть чистого разума, тех идей, которые создал «нормальный», непосредственный человек и которые выявила и прославила теоретическая философия, принявшая наследие Аристотеля» [7].

Признавая, что «удовольствие есть, для огромного большинства людей, сон, иначе говоря, смерть души, возвращение ее к небытию» [7], Шестов приходит к выводу о том, что цель подлинного аскетизма состоит в отказе от удовольствия пользоваться разумностью в восприятии мира, ибо Святое Писание и знания – вещи разного плана: «теория познания исходит из идеи необходимости, т.е. принудительной истины», «этика – из идей добра, т.е. тоже принудительной нормы» [5, с. 382, 383], «но сотворенная Богом свобода… приходит к человеку не от знания, а от веры, полагающей конец всем нашим страхам» [5, с. 419].

«Всякий, кто пытается взглянуть на жизнь иначе, нежели этого требует современное мировоззрение, может и должен ждать, что его зачислят в ненормальные люди» [5, с. 22]. Не боясь быть причисленным к «ненормальным», Шестов утверждает сверхрациональную природу Бога, противопоставляя разуму веру, а «железной необходимости» свободу. Шестов понимает, что не он один обращается к свободе, поэтому сразу указывает на то, что в отношениях религиозных философов, утверждающих рациональную природу Бога, к свободе присутствует явный парадокс: говоря «о принудительных нормах», не умея «даже себе вообразить истину или добро, которым бы не дана была власть нудить людей» [5, с. 343], эти мыслители не перестают славить свободу.

Таким образом, Шестов приходит к выводу, что полагать в основании всего в (Боге) природу ratio – значит променять «мир чувств, поступков и надежд» [5, с. 350] на мир «эллинских понятий и эллинской метафизики» [5, с. 350]. Поэтому он утверждает путь следования пророкам и апостолам, которые видели беду для человека в том, что «он свой ли, чужой ли разум, единоличный или всеобщий, поставит на место Бога» [5, с. 339]. Избежать такой беды, по мнению Шестова, – значит следовать экзистенциальной философии, ибо она черпается из веры. Экзистенциальной философии Шестов дает определение «философия de profundis[1]» [5, с. 402]: «*Она не вопрошает, не допрашивает, а взывает, обогащая мышление совсем чуждым и непостижимым для философии умозрительной измерением. Она ждет ответа не от нашего разумения, не от видения – а от Бога»* [5, с. 402, 403].

Размышляя о философии Афин и Святом Писании, Шестов заключает, что первородный грех человека есть поклонение Разуму – Змею, «который, хоть он ни неба, ни земли не сотворил, но зато брался научить людей так «судить», чтоб и земля, и небо, и все, что вышло из рук Творца, потеряло для них

[1] Из глубины (лат.)

прелесть и очарование» [5, с. 346]. В другом месте мы читаем: «Уже Адам и Ева хотели «знать» и, рискуя навлечь на себя гнев всемогущего Творца, сорвали плод с дерева познания добра и зла» [5, с. 217]. Изначально же, как считает Шестов, человек был создан Творцом свободным. Его свобода заключалась в том, что ему не было нужды ни в знании, ни в различении между добром и злом: «Райское неведение отнюдь не беднее, чем видение падшего человека. Оно качественно иное и бесконечно богаче и содержательнее всех наших знаний» [5, с. 411].

Шестов предупреждает, что всякий раз, когда человек задается вопросом: «А какой это Бог и соответствует ли Он тем высоким представлениям о верховном существе, которые я себе составил?» [5, с. 411], он вновь повторяет преступление Адама и Евы.

Определяя метод философии Л. Шестова, В. Л. Курабцев пишет: «Его метод, с одной стороны, писательско-философский (экзистенциальный), а с другой, не столь явно видимой, это **поиск Бытия-в-душе человека (эзотерический поиск)**. Точнее – поиск Бытия-в-душе мыслителей, писателей, пророков, апостолов, И. Христа, святых» [3, с. 141].

Шестов не был первым мыслителем, указавшим на антагонизм в соотношении «вера–знание», исследования в этом направлении вел в свое время и Кант в «Критике чистого разума», однако полученные им результаты Шестова не удовлетворили: «Кант написал «Критику чистого разума», которая должна была свидетельствовать о том, что он проснулся от догматической дремоты. Но, хотя критика была написана, дремота осталась дремотой, а догматы – догматами» [5, с. 330]. Шестов считал, что Кант, подобно многим его современникам, не верил в Бога, оттого и выводил свою мораль из «закона». Если же человек верит, как полагал Шестов, то для него снимаются все вопросы о морали: «Перед лицом Творца нет законов, нет «ты должен», нет принуждений, все цепи с человека падают – и преступления перестают существовать» [5, с. 418]. Таким образом, не отрицая антагонизма веры и знания, Шестов не определяет их по отношению друг к другу, а отстаивает самодостаточность веры, не нуждающейся в знании.

Итак, в творчестве Шестова самым тесным образом переплетаются вопросы религиозного толка и вопросы морали. У К. Б. Бабакаевой мы находим интересную интерпретацию творчества мыслителя: «Шестов противопоставлял *нравственное* начало *религиозному*, показывая всю несовместимость того и другого, причем в этом противопоставлении заходил до последних пределов искренности, граничащей… с хулой на общезначимое, моральное и приличное» [9, с. 142]. Нам кажется, что на самом деле взаимоотношения нравственного и религиозного начал в творчестве Шестова не сводятся к их взаимному противопоставлению. Он утверждает в своей философии единый источник для них – веру, «которая не то, что дает, но преодолевает самое несомненное знание («факты» и «непосредственные данные») и, преодолевая его, обнаруживает его ненужность и ничтожность» [5, с. 411]. Этика как неотъемлемая компонента каждой неповторимой индивидуальной человеческой жизни не может вытекать из абстрактного надуманного разумом закона. Она должна быть живой, идти от веры, ведь в конечном итоге все убеждения человека, весь его внутренний мир находят выход в поступках; вера человека должна реализовываться в действенной этике, этика должна искать ответы у веры.

Таким образом, основная мысль религиозной философии Шестова в том, что нравственные и религиозные начала мертвы и не могут служить ориентиром человеку, если они основаны на знании: «В Библии Бог создал из праха живого человека, а наш разум всеми силами стремится превратить живого человека в бездушный прах – в камень» [5, с. 381]. Единственно возможный способ пробить искусственно возведенную человечеством стену разумности на пути к истине и Богу – во всем следовать вере. Философская мысль Шестова, разглядев «инобытие» веры» [1, с. 328], призывает человека вырваться за пределы сферы разумности, ибо вера – явление самодостаточное, способное дать ответы на все вопросы.

Список литературы

1. **Зеньковский, В. В.** (**прот.**). История русской философии / В. В. Зеньковский (прот.). – Второе издание. – Париж : YMCA-PRESS, 1989 . – Т. II. – 477 с.
2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest14.htm/
3. **Курабцев, В. Л.** Философская биография Льва Шестова и особенности его биографии / В. Л. Курабцев // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 128–143.
4. **Шестов, Л.** Лекции по истории греческой философии / Л. Шестов. – М. : Русский путь ; Париж : YMCA-Press, 2001. – 304 с.
5. **Шестов, Л.** Сочинения / Л. Шестов. – М. : Раритет, 1995. – 304 с.
6. **Баранова-Шестова, Н.** Жизнь Льва Шестова / Н. Баранова-Шестова. – Paris : La Presse Libre, 1983. – Т. 1. – 359 с.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest16.htm
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest18.htm
9. **Бабаева, К. Б.** О характере религиозности Льва Шестова / К. Б. Бабаева // Философские науки. – 2006. – № 8. – С. 140–143.

Семина Мария Петровна
соискатель, кафедра философии,
Мордовский государственный
педагогический институт
им. М. Е. Евсевьева (г. Саранск)

E-mail: semina_@mail.ru

Semina Mariya Petrovna
Applicant, sub-department of philosophy,
Mordovia State Pedagogical University
named after M. E. Evsevyev (Saransk)

УДК 1(091):21
Семина, М. П.

Аспект веры в творчестве Л. Шестова / М. П. Семина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 29–35.

УДК 611

А. В. Багаев, Е. Д. Шетулова

ДУХОВНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимосвязи и взаимовлияния духовных факторов и экономической системы общества. Данная проблема рассматривается как в плане анализа понятий «духовность», «экономическая жизнь общества», «духовные основы экономической жизни общества», так и в плоскости соединения теоретических разработок и практики управления экономической сферой общества.

Ключевые слова: духовность, экономическая жизнь общества, общество, управление, личность, культура.

Abstract. The article describes of problem relation and influence of the spiritual facts and economical system society. This problem presents as definitions of the concepts “spirituality”, “economical life of society”, “spiritual basis of the economical life of society” as combination theory and practice of management economical sphere of society.

Keywords: spirituality, economical life of society, society, management, persona, culture.

Цель настоящей статьи – определение места и роли духовности в хозяйственной жизни социума, ибо духовность и экономика сосуществуют в органической связи друг с другом. И связь эта одновременно и прагматическая, и экзистенциальная. Прагматическая составляющая связи заключается в том, что современный уровень социально-экономического развития требует высокого уровня личностного развития каждого субъекта общественного производства. А этот высокий уровень личностного развития, в свою очередь, недостижим без «культивирования» духовности и духовных ценностей и отдельным индивидом, и обществом в целом. Экзистенциальная составляющая связи экономики и духовности заключается в наличии кризиса самих основ человеческой цивилизации, особо заметного в существовании противоречия между необходимостью целостного мировоззрения (которое определяется требованием самосохранения цивилизации), ориентированного на ценности истины, добра, красоты, и конформистски-утилитарной установкой большинства людей обеспечить себе только материальное благополучие и общественную значимость. Наличие этого противоречия означает отчуждение от названных ценностей, а значит, повсеместное господство обывательского одномерного существования, «жизни» в мире иллюзий, «недобытия», существования, направленного на прожигание природных и человеческих ресурсов, что в условиях современного уровня хозяйственно-экономического развития абсолютно неприемлемо.

1 К определению понятий «духовность» и «экономическая жизнь общества»

Термин «духовность» в многозначности его понимания в философии относится к одному из самых трудно определяемых. Духовность рассматривается как производное от слова «дух», имеющего широкий диапазон смы-

словых оттенков в различных сферах жизни. Так, абстрактно выглядит определение, в котором дух – это «невещественное начало, в отличие от материального, природного начала». При этом в идеалистических учениях дух выступает как первоначало мира. Иногда под духом понимается сознание и мышление (рационализм), а иногда дух выступает как синоним воли, чувства, воображения, интуиции (иррационализм). К примеру, в экзистенциализме дух понимается как «исходящая из подлинной экзистенции воля» [1, с. 548]. Для материализма же дух «есть свойственная человеку функция отражения материальной действительности, то есть характерная особенность той ступени развития последней, на которой она приходит к самосознанию» [2, с. 85].

Понятие «духовность» в современной литературе интерпретируется неоднозначно рядом авторов. Так, Д. В. Пивоваров связывает с духовностью нематериальность, наполненность духом творчества. Также духовность есть процесс гармоничного развития духовных способностей человека. В религиозно-философском смысле духовность, как считает ученый, обозначает состояние духовного, нахождение духа Божьего в человеке. В светски-материалистическом смысле духовность выражается в стремлении человека к вершинам культуры и совершенствованию своих творческих способностей. Здесь духовность есть добровольный выбор индивидом наиболее общезначимых ценностей и идеалов. Согласно Д. В. Пивоварову, духовность может быть истинной и ложной, доброй и злой, квазиистинной и нейтральной, образуя тем самым целую иерархию, противостоящую бездуховности. Но истинная духовность, подводит итог автор, нацелена на внутреннее познание миров, ориентирована мистически и интуитивно усматривать сущность вещей и беспристрастно оценивать совестью поступки [3, с. 266, 267].

На несколько иных моментах в анализе духовности делает акценты В. И. Стрелков. В первую очередь он справедливо указывает на неправомерность сведения духовности только к духовному производству. Само по себе занятие духовным производством, т.е. познавательная, этическая, эстетическая деятельность сама по себе, еще не подтверждает духовности субъекта. Духовность можно определить скорее как состояние расширения внутреннего горизонта в сознании, которое опережает возможности самоидентификации субъекта. Значит, духовность является понятием, «сущностно сопряженным творчеству» [4, с. 206].

Однако в контексте настоящей статьи, по мнению авторов, наиболее плодотворной является точка зрения Л. П. Буевой в понимании данной категории ввиду определения значения духовности во всей социальной системе. В частности, она полагает, что «духовность есть интегративное качество, относящееся к сфере смысложизненных ценностей, определяющих содержание, качество и направленность человеческого бытия и «образ человеческий» в каждом индивиде» [5, с. 5].

Духовное производство (деятельность), духовные потребности и потребление, духовные ценности, отношения и общение составляют в своем единстве основные элементы духовной сферы общества как системы, в которой духовность является определяющей. При этом к духовным ценностям относятся социально-политические, познавательные, нравственные, эстетические и религиозные ценности. Значение духовности для общественного развития во многом определяется ее регулирующей функцией. Во-первых, духовность, выполняя функцию ориентации, обеспечивает целостность и ус-

тойчивость личности, создает структуру сознания и программы деятельности, контролирует и организует мотивационную сферу; задает иерархию образцов и меру готовности к реализации собственного «проекта». Во-вторых, динамичность и открытость духовности позволяют обществу давать адекватную оценку событиям и преодолевать конфликты, успешно переосмысливать свои ценностные ориентации в кризисных ситуациях. В целом духовность служит совершенствованию всей системы «общество – культура – природа». Соответственно, духовность с антропологической точки зрения есть высший уровень освоения человеком мира, отношения к природе, обществу и самому себе.

Теперь перейдем к рассмотрению понятия «экономическая жизнь общества». По мнению авторов, относительно сущности данного понятия в современной отечественной литературе существуют три основных точки зрения.

Первая точка зрения находится в границах марксистского направления. Здесь экономическая жизнь общества отождествляется со способом производства материальных благ, состоящего из производительных сил и производственных отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления вещей. Поэтому экономическая сфера, в определенной мере, подменяется материальным производством как главной частью общественного производства, под которым понимают не только жизнедеятельность людей по производству вещей, материальных благ и ценностей, но и производство и воспроизводство социальности, общественных отношений, групп, институтов, т.е. производство общества и самих людей. В связи с этим в марксистском направлении сделан известный крен в сторону детерминированности человека объективными условиями бытия (материальным производством), несмотря на общее признание свободы, активности и творчества общественного сознания. В результате в марксистском направлении при определении понятия «экономическая жизнь общества» происходит подмена его «материальным производством» и, как следствие, сужение сущности и многообразия проявлений первого.

Вторая точка зрения тяготеет к модернистскому направлению. Здесь экономическая сфера общества понимается как процесс взаимодействия производительных сил и экономических сил, к которым относится взаимодействие собственников средств производства и рабочей силы в процессе материального производства. Особенностью данного подхода является учет качества рабочей силы (работников и руководителей-организаторов) в единстве физических, психических и духовных свойств. Однако в целом анализ литературы, относящейся к модернистскому направлению, выявил неопределенность и неполноту рассматриваемой проблемы.

Третью точку зрения возможно включить в философию хозяйства. Предметом здесь выступают бытие и жизнь как хозяйство (Ю. М. Осипов). Хозяйство в рамках данного понимания включает в себя всю деятельность человека, направленную на преобразование природы, воспроизводство и совершенствование самого человека, создание материальных и духовных ценностей, форм различных социальных институтов и отношений (Л. А. Тутов). Очевидно, что мы имеем дело с чрезвычайно широким толкованием «хозяйства», превышающим по объему содержание понятия «экономическая жизнь общества». Последнее же понятие в философии хозяйства означает «способ реализации хозяйства, основанный на товарообмене и деньгах» (Ю. М. Осипов). Принципиальным отличием от других точек зрения на рассматривае-

мую проблему при соотнесении данных категорий выступает следующий момент: хозяйство обладает духовным измерением, а экономическая сфера бездуховна. С данным утверждением, по нашему мнению, согласиться сложно, ибо «хозяйство» и «экономическая жизнь общества» выступают скорее как равнозначные понятия.

Исходя из вышеизложенного, видна неоднозначность термина, а значит, известная неопределенность в понимании его сущности. При этом целостности и глубины изучения данного вопроса возможно достигнуть как раз за счет обоснования духовного фактора в экономике социума. Попробуем в связи с этим дать «рабочее» определение указанной категории. Экономическая жизнь общества – сфера бытия социума, в которой происходит производство людей, социальных связей, материальных и духовных ценностей. В структурном отношении экономика социума содержит в себе предмет труда (природный компонент); орудия, условия, технологию, результат труда (культурные компоненты); субъект труда, социальные институты и отношения (общественные компоненты). С функциональной стороны экономическая сфера общества представляет собой процесс производства, распределения, обмена и потребления материальных благ между географической сферой и людьми. Назначение экономики социума как многокачественного социального образования – совершенствование системы «общество – культура – природа».

Если мы понимаем духовность как важнейшую компоненту общественного производства, то, соответственно, имеет смысл обратиться к более развернутому анализу значимости духовности в экономике.

2 Духовность как фактор экономической жизни

Эволюция общественной мысли обнаружила тесную связь духовности и экономики общества. Кратко отражая эту эволюцию, отметим основные идеи относительно взаимосвязи экономики и духовности, выдвинутые на различных этапах развития философской мысли. Так, в античности духовность соотносилась с бесконечной душой, для которой трудовая деятельность служила средством достижения человеком совершенства, чему также способствовало функционирование идеального государства (Платон). В средние века влияние духовности на экономику связывалось с обращением человека к Богу. Мировоззренческая и познавательная функции духовности определили ее место в системе хозяйства благодаря взаимосвязанности мира и обращению души к Богу (Августин). Кроме того, в этот же период обнаружилась светски-прагматическая тенденция в отношении человека к экономике, что подготовило почву для бурных изменений всех сторон жизни в следующем периоде. В Новое время наряду с теологической концепцией духовности развивается идея духовности в связи с совершенствованием человека и его отношения к миру. Труд начинает трактоваться как активно преобразующий фактор в жизни общества. Диалектика материального и идеального в труде, раскрытая К. Марксом, обнаружила многоплановые функции духовности в хозяйстве: целевую, познавательную, этическую, эстетическую и ряд других. Духовные качества человека как потребителя и субъекта хозяйственной деятельности начинают интерпретироваться как занимающие важное место в структуре экономики социума. В неклассической философии XX в. отразился переход от индустриального общества к постиндустриальному, информационному обществу потребления, которое во многом определяется ценностями

культуры постмодерна. Имеющее место повышение роли техники в жизни социума обнаружило кардинальные изменения в человеке как субъекте труда и потребителе. В соответствии с этим особенно обратили на себя внимание духовные качества человека как регуляторы экономики и всей жизни социума.

Вообще философия новейшего времени пришла к осознанию сложного взаимодействия тенденций постиндустриального общества с развитыми технологиями и духовными качествами личности. Причем, видимо, в основе этой взаимосвязи лежат два встречных процесса.

Первый процесс заключает в себе требования к субъекту, предъявляемые современным производством. Другими словами, речь идет о тех чертах, которыми должен обладать индивид, способный стать «источником», «носителем» постиндустриализма. Эти черты обращены к личностному фактору общественной жизни и производства и носят, соответственно, морально-этический характер. Так, согласно В. Красильщикову, поскольку человек становится решающим фактором материального и духовного производства, всей общественной жизни, в условиях научно-технической революции колоссально возрастает роль нравственных начал личности (духовности) ввиду того, что морально опустившийся человек не может быть полноценным работником в эпоху «микроэлектронной» революции [6, с. 71]. Данная группа требований базируется на том, что традиционные формы организации труда и жизни, основанные на жестком контроле, изжили себя. Но отсутствие контроля со стороны внешних сил требует самоконтроля и самоорганизации самого человека, что, как уже было сказано, невозможно без развитой духовности.

Второй процесс идет в прямо противоположном направлении – не от производства к субъекту, а от субъекта к производству. Причем здесь мы имеем дело с достаточно парадоксальной ситуацией, выражающейся в отсутствии легкости в реализации духовного развития. Такое положение вещей обусловлено наличием противоречивого диалога духовных ценностей и мира «искусственного», т.е. «второй природы», созданной разумом и руками человека. Дело в том, что современная экономическая модель сохраняет и закрепляет приоритет активистского, захватнического мироотношения, в тенденции порождающего экологические и ряд иных угроз и отчужденных состояний. Такие экономическая модель и мироотношение приводят к весьма «невыгодному» для индивидуумов положению, ибо они прежде всего в сфере экономики выступают в качестве своеобразного средства, низводятся до роли технического средства (робота, компьютера). Соответственно, со стороны субъекта к господствующей экономической модели также выдвигается своеобразное требование о расширении возможностей развития «человеческого капитала», нивелировании положения, когда рабочая сила является лишь отчужденным от производительного и управленческого процесса элементом [7, с. 17]. Это, в свою очередь, подразумевает всемерное развитие духовности в экономике.

На понятии «человеческий капитал», с нашей точки зрения, стоит остановиться особо ввиду его общей значимости для рассматриваемой нами проблемы влияния духовности на экономику общества. Понятие это активно разрабатывается всю вторую половину XX в. в разных планах. Так, Н. Маковская констатирует необходимость повышения культурно-интеллектуального уровня кадров. В частности, ею отмечено: «Особую актуальность в рыночных условиях приобретает тема человеческого капитала, как духовная

стабильность и интеллектуальная мобильность человека, представляющая собой осознанную *нравственно* ориентированную способность собирать, анализировать, использовать все возрастающие потоки информации (информационная мобильность)» [8, с. 87].

Несколько иной акцент делает А. Зарецкий. Говоря о субъективно-личностном характере отношения каждого работника к деятельности предприятия, максимальном проявлении способностей к активной творческой деятельности, ученый предлагает для этого использовать социальные технологии (в основном по опыту развитых стран) [9, с. 86, 87]. Но несмотря на социальную направленность (защита прав и свобод человека, повышение профессионального уровня работников, формирование либеральных форм собственности и др.) таких технологий, вряд ли для гармоничного развития экономики можно обойтись только «технологическим» подходом.

Поэтому представляется более справедливой позиция А. О. Вереникина, отмечающего сложность оценки «гуманистической капитальной стоимости» как с методологической, так и с практической точек зрения. «Человеческий капитал – это такой фактор воспроизводства отношений, носителем которого является как каждый индивидуум в отдельности, так и все общество в целом» [10, с. 100]. В этом случае прослеживается диалектическая связь между индивидуальным и общественным, сознанием, духовностью и материальным производством, экономической сферой в целом. Следовательно, *объективному* характеру и уровню развертывания современных технологий, складывающемуся информационному обществу должно соответствовать общечеловеческое сознание, объединенное духовным содержанием.

Отсутствие легкости в реализации духовности в экономической сфере обусловлено и теоретическими, и практическими трудностями. Попытки преодолеть эти трудности, связать теорию и практику предпринимались неоднократно и в разных планах. Остановимся на некоторых из них.

Так, экспертами ООН введен и активно используется для оценки хозяйственной жизни индекс качества развития человеческого потенциала, непосредственно связанный с духовностью. В. М. Симчера соотносит указанный индекс с рейтингами деловой активности, инвестиционной привлекательности, предпринимательской уверенности и экономической эффективности регионов России, которые, на его взгляд, наиболее полно отражают текущее состояние и перспективы развития хозяйственной сферы [11].

Постепенно в исследовании проблемы в заявленном «ключе» складываются две взаимодополняющие традиции. Ряд авторов, занимающихся данной темой, разрабатывают иерархию показателей качества жизни, сходных с указанным индексом: от самореализации человека и морально-психологического климата в обществе до социально-экономического положения (уровень безработицы, средняя заработная плата, степень удовлетворения потребности в качественных товарах и услугах и т.п.) [12, с. 35, 36]. Другие авторы разрабатывают проблему в плане исследования и совершенствования корпоративной культуры («кодекс» морали и поведения в коллективе, стимулирование труда и «здоровое» соревнование). Причем корпоративная культура в большинстве случаев связывается с национальной культурой, социально-экономическим развитием общества [13, с. 78–80]. Но и в том, и в другом случае феномен духовности имплицитно соотносится с хозяйственной сферой на началах сплочения различных социальных групп.

Заслуживает, по мнению авторов данной работы, внимания и концепция достойного труда, направленная на развитие трудовых отношений и повышение экономического уровня стран СНГ, разработанная несколько лет назад в Международной организации труда. Данная концепция определяет, в частности, признаки достойного труда. К ним относятся: личностный рост, социальная защита, активное участие в принятии управленческих решений, безопасность на рабочем месте, справедливый доход, производительный труд, способный обеспечить конкурентность страны, и ряд других [14, с. 10]. Ясно, что без духовного «наполнения» экономической сферы невозможно осуществить указанные признаки на практике, на что справедливо было указано при обсуждении данной концепции. Так, в частности, было подчеркнуто, что «на постиндустриальном этапе развития общества наблюдается тенденция к упрощению трудовых отношений с точки зрения моральной компоненты. <...> В контексте темы достойного труда… сегодня нельзя игнорировать такие важные понятия, как мораль и этика» [14, с. 16].

Подводя некоторый итог рассмотрению значимости духовности в экономике, отметим, что, как представляется, духовные основы экономической жизни общества могут быть выражены рядом следующих положений.

Во-первых, сущность духовности в целом выражается в способности отдельного индивида в своей сознательной деятельности выходить за рамки своей собственной жизни, своего индивидуального существования, ставить перед собой и реализовывать цели и задачи, не связанные только с поддержанием своего собственного существования.

Во-вторых, современная экономическая жизнь базируется на развертывающемся технологическом перевороте, связанном с научно-технологической революцией, что одним из следствий имеет выход человечества за рамки соразмерной человеку части мира, обыденного опыта.

В-третьих, возможно констатировать объективный характер соответствия духовности уровню и характеру развития экономической сферы общества.

В-четвертых, существует необходимость того, что можно определить как духовное развитие экономической сферы общества, реализуемой на началах коэволюционного типа мироотношения, широкого диалога различных социальных групп, диалектики идеального и материального (духовности и экономики).

Однако данные положения, на наш взгляд, нуждаются в определенной конкретизации применительно к специфическим условиям нашей страны.

3 Духовность и будущее российской экономики

Нынешнее состояние российской экономики характеризуется в целом последовательным осуществлением мероприятий по выводу ее из кризисного состояния, пик которого пришелся на 90-е гг. XX столетия. Из данных, приводимых в периодической печати, следует, что с 2005 г. ВВП рос ежегодно примерно на 6,4–6,6 %, начал расти средний уровень доходов на душу населения. Так, к примеру, в 2006 г. реальные денежные доходы населения выросли на 110 %. Имеется в современной российской экономике и ряд других позитивных тенденций.

Однако одновременно с такого рода тенденциями существует ряд крупных проблем и весьма неудовлетворительных для перспектив развития

страны явлений. Прежде всего, они связаны с вопросами инновационного развития, от которого, собственно, и зависят в современных цивилизационных условиях общие возможности экономической системы любой страны, ее место в общемировом рейтинге.

Действительно, уровень инновационной активности в промышленности составляет в нашей стране всего 10 % (в ЕС 50 %), 60 % инвестиций осуществляется в топливно-энергетический комплекс, доля высоких технологий в экспорте составляет лишь 0,5 % (для сравнения – в США 40 %, а в Германии и Японии 30 %) [15, с. 77, 78, 83]. К этому возможно добавить еще ряд достаточно негативных показателей, характерных для сложившейся в Российской Федерации экономической системы. Крайне мал процент выпускаемой наукоемкой продукции. На мировом технологическом рынке продукция России составляет 1 % (США – 39 %, ФРГ – 16 %) [16, с. 318]. Все приведенные данные демонстрируют, на наш взгляд, что нам нужен не просто экономический рост, а преобразование производства на основе современных так называемых высоких технологий [16, с. 311].

Рассматривая проблему не в сугубо экономическом плане, а в измерении развития нашего социума, возможно констатировать, как представляется, что России не удается осуществить прорыв на постиндустриальный уровень цивилизации. Конечно, у такого положения вещей много причин, к которым относятся и недостатки реализуемой экономической модели, и особенности геополитического положения страны. Но не в последнюю очередь причины эти обусловлены субъективным фактором – уровнем личностного развития субъекта производства.

Мы уже отмечали, что современный уровень социального, производственного, научно-технического развития общества требует от каждого отдельного индивида высокой степени личностного развития. Но, как справедливо отмечалось и продолжает отмечаться в ряде отечественных работ, на протяжении практически последних двадцати лет именно с этим субъективным фактором дело обстоит не совсем в хорошо (при разном понимании истоков подобного состояния) [17]. В частности, отмечается, что социально-психологическое и культурно-нравственное состояние как отдельно взятых представителей, так и народа в целом оставляет желать лучшего. А без высокой культуры, морали, соответствующего типа социальной мотивации, т.е. компонентов духовности, говорить о каком-либо более или менее приемлемом уровне личностного развития не приходится (данное напоминает ситуацию замкнутого круга). В связи с этим ряд исследователей признают вопрос о том, что социальный субъект может осуществить трансформацию российского общества из индустриального в постиндустриальное, главной трудностью нашего общества [18, с. 53]. Отметим еще раз, что все эти вопросы поднимаются уже на протяжении достаточно долгого времени. Но так и остаются в известной мере открытыми.

Каковы же задача сегодняшнего дня и средства ее разрешения в свете рассмотренных нами вопросов? Как полагает ряд исследователей, с которыми мы солидарны, эта задача кроется в переходе от ценностей технократической цивилизации к ценностям технологической, когда «научно-технический прогресс подчинен целям гармоничных отношений человечества со средой обитания» [19, с. 129]. А одним из важнейших средств разрешения данной задачи выступает развитие духовно-нравственных начал, ведь именно они есть

стержень сознания и поведения индивида во всех сферах бытия, в том числе и в такой основополагающей сфере, как экономическая. Они же определяют и стратегические цели развития социума также во всех основных сферах его существования. Это развитие духовно-нравственных начал, в свою очередь, требует, во-первых, осознания обществом, да и отдельным индивидом, их общей значимости, а, во-вторых, определенной соответствующей трансформации системы образования и воспитания.

Список литературы

1. **Рогов, А. И.** Дух / А. И. Рогов // Большая советская энциклопедия : в 30 т. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – Т. 8. – С. 548.
2. **Лосев, А. Ф.** Дух / А. Ф. Лосев // Философская энциклопедия : в 5 т. – М. : Советская энциклопедия, 1962. – Т. 2. – С. 82–85.
3. **Пивоваров, Д. В.** Духовность / Д. В. Пивоваров // Современный философский словарь. – Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; М ; Мн. : ПАНПРИНТ, 1998. – С. 266–267.
4. **Стрелков, В. И.** Духовность и творчество // Человек как философская проблема: Восток – Запад : сборник статей / В. И. Стрелков. – М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991. – С. 197–209.
5. **Буева, Л. П.** Духовность, художественное творчество, нравственность // Вопросы философии / Л. П. Буева. – 1996. – № 2. – С. 119.
6. **Красильщиков, В. А.** «Новые правые» в США: консерватизм эпохи НТР? / В. А. Красильщиков // Рабочий класс и современный мир. – 1990. – № 1. – С. 63–75.
7. **Васильев, В. С.** «Новая американская экономика»: шаг вперед, три шага назад / В. С. Васильев // США. Канада: экономика, политика, культура. – 2005. – № 9. – С. 3–27.
8. **Маковская, Н.** Персонал предприятия как объект инвестирования / Н. Маковская // Человек и труд. – 2005. – № 6. – С. 85–100.
9. **Зарецкий, А.** Социальные технологии и повышение производительности труда / А. Зарецкий // Человек и труд. – 2005. – № 8. – С. 86–87.
10. **Вереникин, А. О.** Человеческий капитал: концептуальные обоснования и особенности проявления / А. О. Вереникин // США. Канада: экономика, политика, культура. – 2005. – № 3. – С. 85–100.
11. **Симчера, В. М.** Рейтинги деловой активности, инвестиционной привлекательности и предпринимательской уверенности / В. М. Симчера // Вопросы статистики. – 2005. – № 6. – С. 3–12.
12. **Малашенко, В.** Социальный дискомфорт – опасный синдром / В. Малашенко // Человек и труд. – 2005. – № 3. – С. 35–36.
13. **Тикин, В.** Соревнование в рамках сотрудничества / В. Тикин // Человек и труд. – 2005. – № 5. – С. 78–80.
14. Достойный труд – высокая цель и жизненная необходимость («круглый стол» на тему «Достойный труд в XXI веке») // Человек и труд. – 2005. – № 1. – С. 10–18.
15. **Ильин, В. В.** Мир Globo: вариант России / В. В. Ильин. – Калуга : Полиграф-Информ, 2007. – 252 с.
16. **Келле, В. Ж.** Цивилизационные императивы инновационной политики: Россия и мировой опыт / В. Ж. Келле // Философия, наука, цивилизация. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – С. 309–322.
17. **Дискин, И.** Социокультурный базис перестройки / И. Дискин. – М. : Наука, 1992. – 103(2) с.
18. **Красильщиков, В. А.** Модернизация и Россия на пороге XXI века / В. А. Красильщиков // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 40–57.

19. **Красногорский, И. Е.** Нравственность – сущностный индикатор развития человечества в XXI веке / И. Е. Красногорский, Н. В. Ломовская // Человечество в XXI веке: индикаторы развития: материалы IV Международной ярмарки идей, 29 академического симпозиума. – Нижний Новгород, 2001. – С. 129–130.

Багаев Алексей Владимирович
кандидат философских наук, доцент, кафедра методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева

Bagaev Alexey Vladimirovich
Candidate of Philosophy, associate professor, sub-department of methodology, history and philosophy, Nizhniy Novgorod State Technical University named after R. E. Alexeev

E-mail: alex.bagaev@rambler.ru

Шетулова Елена Дмитриевна
кандидат философских наук, доцент, кафеда методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева

Shetulova Elena Dmitrievna
Candidate of Philosophy, associate professor, sub-department of methodology, history and philosophy, Nizhniy Novgorod State Technical University named after R. E. Alexeev

E-mail: alex.bagaev@rambler.ru

УДК 611
Багаев, А. В.
Духовность как компонента экономической жизни общества: опыт философского осмысления / А. В. Багаев, Е. Д. Шетулова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 36–45.

УДК 008.001.14

Н. В. Розенберг

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ДУХОВНЫХ КОНСТАНТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Аннотация. Автор рассматривает системообразующие факторы, способствующие формированию и проявлению духовности в повседневной жизни: труд (работу) и религию. Названные факторы рассматриваются как наиболее важные и обусловливающие порождение (хотя и в разной степени) и модификацию изменений духовности.

Ключевые слова: повседневность, духовные ценности, структуры повседневности, динамика ценностей, механизмы повседневности.

Abstract. The author examines basic factors that favour the formation and the display of spirituality in everyday life: work and religion. These factors are regarded as the most important ones. As well as this, they are considered to be the cause of appearance and modification of spirituality's changes.

Keywords: everyday life, intellectual values, structures of everyday life, dynamics of values, mechanism of everyday life.

В современной социокультурной ситуации обострилась необходимость сохранения и развития отечественного культурного наследия, без которого невозможно понимание специфики России, ее места в мировой истории и путей дальнейшего развития. Поэтому в наши дни становится особенно актуальной проблема возрождения национальных культурных традиций, духовных ценностей, этических и эстетических идеалов, заложенных в русском национальном сознании еще со времен Древней Руси и во многом утраченных современной Россией.

Ментальные черты и поведенческие стереотипы, сложившиеся в разных регионах, уходят корнями в глубокие пласты национальной истории. Закрытость, рутинность бытия, консерватизм сочетаются здесь с наличием широко известных творческих коллективов и неординарных личностей, возможностями для эксперимента в области искусства, архитектуры и строительства, близостью человека к природному пространству, постоянством религиозных поисков, привязанностью к архетипам национального мышления.

Возрастание роли человеческой личности породило потребность раскрыть духовные истоки и современные предпосылки слияния структур мироосмысления. Российские регионы медленно и трудно возрождаются. С этим связана необходимость активизации разработки парадигмы, позволяющей осмыслить духовную жизнь регионов России в рамках теории повседневности. Осмысливая ее природу, философия стимулирует развитие духовного бытия повседневной жизни. Одновременно происходит обновление форм философского постижения реальности, форм реального существования философии и духовности человека.

Без обращения к духовности невозможно понять характер проблем, стоящих перед современной культурой. Изменения, происходящие как в России, так и во всем мире, кристаллизовались в сознании людей в иное видение культуры общества, личности. Вместе с тем обогащение знанием о духовных константах повседневности во многом способствовало бы расширению ду-

ховного содержания предметного мира. Это особенно важно в нынешних условиях, когда традиции духовности в повседневной жизни как опыта самовыражения человека в определенной мере отступили на второй план.

Информационное общество, которое определяет общемировую стратегическую ориентацию, создает новую социальную реальность. В ходе модернизации условия жизни людей постоянно меняются, приходят в противоречие с устойчивыми привычками структуры мышления. В нем человек обречен испытывать свои способности к новому типу социальной коммуникации. В этих условиях основанием сложного взаимодействия старого и нового является их сосуществование. В повседневности четко прослеживаются базовые механизмы социальности, в которых также отражается специфика бытия духовности современного человека. Тем самым новая интерпретация опыта духовности повседневной жизни в свете происходящих изменений в информационном обществе приобретает практическое значение.

Сегодня много говорится о необходимости формирования стабильного общества в России. Для постепенного формирования такого общества важна подготовка новой культурной модели его развития. Среди определяющих критериев его развития и функционирования важное значение имеют условия, возвышающие человека, учитывающие его духовное своеобразие и тем самым помогающие реализовать себя, не вступая в конфликт с обществом. Желание и умение людей создавать управляемые регуляторы и механизмы общественного согласия должны согласовываться с элементами взаимодействия, заложенными в духовности повседневности.

В чем состоит специфика духовности повседневной жизни? Есть ли в этой специфике всеобщее содержание? Если да, то оно подлежит философскому анализу. Эта проблема и избрана в качестве темы настоящей статьи.

Ортега-и-Гассет считал, что современный средний европеец здоровее и крепче своих предшественников, но душевно беднее. В духовности повседневной жизни всегда наличествовал комплекс эффективных регуляторов и средств всевозможных защит: в социальной – семья, в экономической – хозяйство, в моральной – религия, в экологической – стремление жить в гармонии с природой. Такое видение и понимание повседневности позволяют делать вывод о том, что она продолжает быть фактором, сопутствующим формированию и воспроизводству некоторых существенных ценностей общества на основе качественного преобразования уже имеющихся.

Исследователи отмечают произошедшие изменения в системе ценностных ориентаций и приоритетов в информационном обществе. Точнее было бы сказать, что современное постиндустриальное общество начиналось с изменения ценностных ориентаций. Эти изменения кардинальным образом затронули социальную и культурную сферы, образцы социального действия и взаимодействия, стереотипы поведения, принципы принятия решений во всех общественных структурах. Микроэлектронная революция определила изменения в структуре занятости, социально-профессиональной ориентации в обществе, а также характера и природы отношений власти на производстве. Фундаментальные изменения произошли в характере труда, в роли системы производства в обществе, в типе рациональности. Общеизвестно, что системообразующим фактором современного постиндустриального общества является информация (а не труд). Рост доходов людей способствует появлению все больших желаний и возможностей в области обретения и удовлетворения

духовных потребностей, их вариативности. Сказанное относится и к работе, которая для большинства людей становится также вариативной, неповторяющейся, ответственной, что, в свою очередь, требует от индивида способности свободы действий, ответственности в оценках и суждениях. В таком понимании заключено главное содержание перехода к постиндустриальному обществу – индивидуализация процесса труда, превращение его в разновидность творческой деятельности, в средство самореализации. На наших глазах произошло крушение отживших, устоявшихся структур и схем, налицо возникновение совершенно нового, чрезвычайно подвижного социального контекста. Стержнем этого контекста является распад системы ценностей, построенной в связи с актуализацией решения целей и задач материального обеспечения жизни индивида (негативная часть), и зарождение новой ценностной ориентации (позитивная часть) в соответствии с дифференцированными структурами, каждая из которых продуцирует свою собственную подсистему ценностей.

В этой связи следует отметить функции, которые выполняет труд в жизни человека. Начнем с того, что через работу человек идентифицирует себя («трудовая идентичность»), устанавливает свое место в социальной иерархии и групповых объединениях; являясь источником связей вне рамок семьи, работа обогащает рамки межличностных отношений. Отсутствие или необязательность работы способствует проблематичности самостоятельной организации регулярного, целенаправленного процесса деятельности, поэтому работа есть источник обязательной деятельности. В процессе труда складываются условия для развития профессиональных навыков и творческих способностей, результатом чего является возможность по достоинству оценить свои способности и определиться в самооценке и тем самым обрести чувство уверенности. Труд выступает фактором структурирования психологического времени, указывающего человеку на возможность и необходимость содержательного заполнения и организации дня. Наконец, труд выступает как источник дохода и средство контроля за своей ситуацией в жизни. Таким образом, труд в узком смысле понимаемый как экономическая деятельность, является основным критерием, центром жизненного мира индивида и общества.

Специфика российского общества состоит в сложном переплетении двух факторов: историко-культурной традиции и наследия советского прошлого. В этой связи следует подчеркнуть, что модернизация в России не может обойтись без учета специфики духовных констант как в их дореволюционном, так и в модифицированном в советский период вариантах.

В этом опыте подчеркнем тот факт, что Россия советского периода частично унаследовала от крестьянской России, частично сформировала такие глубинные духовные ценности, как трудовая этика, аскеза. Считается, что именно аскеза (то есть самоограничение, отказ от широкого удовлетворения своих повседневных потребностей) в самом широком смысле слова является основным принципом «социального архетипа» россиянина. В современной модернизирующейся России ценность самоотказа и аскезы подвергается наиболее сильному воздействию со стороны идеалов и эталонов других культур. Вероятно, нужно осознать и признать значимость самоограничения, аскезы, жертвенности – одних из важнейших ценностей, ныне выступающих как традиционные.

Естественно, что в условиях постиндустриального общества идет стремительное разрушение интегрированных в прошлом культурных образцов: падает значение религии и обоснованных ею моральных императивов; изменяются эталоны отношения к авторитетам (родителям, отдельным личностям), классовой принадлежности; уходят на задний план традиции трудовой этики; происходит институционализация гедонистического потребительского образа жизни и т.д. Характерными чертами современной социальной культуры, состоящей из множества культурных образцов, является фрагментарность и гетерогенность. Идентичность молодежи в силу специфики социализации в современных условиях выражена, безусловно, слабее, чем раньше. Исходя из этого, реальностью является способность современных людей ориентироваться в различных смысловых контекстах, которые, в свою очередь, претерпевают быстрые изменения.

Тем не менее активность и динамичность современной жизни, возможность и стремление безгранично пользоваться благами есть только внешняя ширма современной повседневной культуры, другой стороной ее продолжает оставаться всецело апробированная в долгой истории духовная жизнь русского народа. Однако для того, чтобы сохранить свое особенное, она должна постоянно оставаться тождественной самой себе, что, на наш взгляд, практически невозможно. Как показывает опыт, за многие тысячелетия выработанные механизмы саморегулирования духовности россиян оказываются недостаточными в условиях воздействия извне все новых влияний.

Особое место в определении социокультурной ситуации и формировании духовных ценностей принадлежит религии и связанным с ней традициям. Традиция понимается как некий универсальный образ действия, разделяемый личностью или сообществом в качестве естественного, само собой разумеющегося и единственно возможного пути к достижению каких угодно частных целей. Традиция – это всеобщий механизм, объединяющий и организующий общество. Общеизвестно, что религия сопутствует всей истории человечества. Традиционно она оказывала воздействие на различные аспекты индивидуального и общественного бытия, способствовала выработке норм социально целесообразного поведения. В формировании облика современной цивилизации с ее ведущей постиндустриальной тенденцией религия занимает особое место. Она связана с осмыслением целей и характера повседневной жизни, с глубинными представлениями об основах бытия. Так, католицизм рассматривает необходимость трудиться «в поте лица своего» как расплату за первородный грех, как наказание; протестантизм – как важнейшую жизненную ценность в рамках выполнения долга перед Богом, обществом и самим собой, священность и неприкосновенность собственности, инициативу, ответственность, стремление к непрерывному профессиональному совершенствованию и т.д. Поэтому в систему ценностей протестантской этики включаются отстаивание достоинства труда и высокого социального статуса в данной земной жизни, утверждение принципов терпимости в сфере духовной жизни, права человека на свободный выбор, индивидуализм и др. [1]. Эти ценности стали атрибутами демократии и приобрели общецивилизационную значимость. По мнению В. Холодкова, неформальное усвоение христианства, нашедшее отражение в сложившейся православной системе ценностей, во многом обусловило социально-экономическую, духовную специфику России [2, с. 97]. Такое понимание исходит из учения христианской религии о духов-

ном благе человека как главном критерии, которым он должен руководствоваться в своей мыслительной позиции и бытийном поведении. Согласно православию, богатство как таковое не является ни благом, ни злом; оно может стать или благом (понимаемым как материальные ценности и любое другое состояние человека: здоровье, способности, навыки, образованность и т.д.), или злом; поэтому не допустима сосредоточенность на богатстве, оно не должно рассматриваться как самоцель. Реализация православного учения соотносится с творческой деятельностью, которая лучше всего формирует личность и помогает осуществить общее для всех христиан назначение – строительство Царства Божия в себе и в мире. Таким образом, в православной системе ценностей во многом следует искать возникновение и развитие духовного стержня той части россиян, которая разделяла ее.

Отмечая роль религий, которые в той или иной форме (фундаменталистской или модернизированной) заняли свою нишу в сознании народа соответствующей страны, необходимо указать на другое направление этого сознания – секуляризированное. Начавшееся со второй половины XIX в. как продукт эпохи, оно было тесно связано с распространением науки, техники, технологии, с ростом сил человека в отношении к природе, расширением роли его индивидуального опыта. В условиях России эта тенденция была усилена в результате революции 1917 г. Все эти изменения способствовали оттеснению религии как важного элемента общества, в которой аккумулирован единственный способ объяснения мира и воспитания в индивиде социальных обязанностей. Несмотря на сокращение своего влияния в ходе индустриального и постиндустриального развития современной цивилизации, религия продолжает играть существенную роль в обществе, в том числе в формировании духовности.

Таким образом, рассмотренные выше системообразующие факторы способствуют неодинаковости формирования и проявления духовности. Названные факторы нами рассматриваются как наиболее важные и обусловливающие порождение и модификацию изменений духовности. Она представляет, с одной стороны, единый общественный феномен, с другой – имеет исключительное многообразие исторических проявлений, специфику в обществах разных регионов и народов, пространственно-временную непохожесть. Рассмотренные выше детерминанты как раз и являются объективной гарантией подлинности духовности повседневной жизни.

Список литературы

1. **Вебер, М.** Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 61–272.
2. **Холодков, В.** Православные традиции в российском землевладении // Вопросы экономики / В. Холодков. – 1993. – № 8. – С. 97–105.

Розенберг Наталья Владимировна
кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Пензенский государственный университет

Rosenberg Natalya Vladimirovna
Candidate of Philosophy, associate professor, sub-department of Philosophy, Penza State University

E-mail: dep-ph@pnzgu.ru

УДК 008.001.14
Розенберг, Н. В.
Закономерности развития духовных констант повседневности / Н. В. Розенберг // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 46–51.

Ф И Л О Л О Г И Я

УДК 8(47)82

Г. Е. Горланов

СИМВОЛИКА ЗВЕЗДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Аннотация. Статья посвящена осмыслению образа звезды в поэзии Лермонтова. Этот образ проходит через все его творчество. Лермонтовские звезды, вобравшие поэтику символов, создают впечатление загадочности. Неоднократно обращаясь к звезде и Творцу этой звезды по разным случаям в стихах и прозе, Лермонтов не только верил в их живое существование, но и осмеливался с помощью воображения заглянуть в космос и послушать, «как звезда с звездою говорит».

Ключевые слова: символика, звезда, воображение, православие, свобода, покой, мотив.

Abstract. The article is devoted to the understanding of the image of star in Lermontov's poetry. This image passes through all his creative work. Lermontov's stars absorbing the poetics of symbols, create the impression of mysteriousness. Repeatedly referring to the star and its Creator for different cases in poetry and prose, Lermontov not only believed in their real existence, but dared to look up in cosmos and listen to a "star with a star talking" also with the help of imagination.

Keywords: symbolism, star, imagination, orthodoxy, freedom, peace, motif.

Образ звезды – один из частых мотивов в творчестве М. Ю. Лермонтова. Писатель использует этот образ в поэзии и прозе. В главе «Фаталист» романа «Герой нашего времени» символика звезды помогает автору решить проблему предопределения судьбы. «…Звезды спокойно сияли на темно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права. И что же? Эти лампады, зажженные, по их мнению, только для того, чтоб освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними, как огонек, зажженный на краю леса беспечным странником!» [1].

Прекрасен сам по себе ночной пейзаж с рассыпанными на темно-голубом пространстве спокойно сиявшими звездами. Какое они могут иметь отношение к людям? Рассказчику даже стало смешно, «что светила принимают участие в наших ничтожных спорах». Это рассуждение здравомыслящего, образованного человека, интересующегося астрологией. Все здесь реалистически материалистично. Далее акцент меняется, и на смену здраво рассуждающему серьезному человеку приходит художник с воображением и с философией. Продолжаем читать дневник Печорина. «Но зато, какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо, с своими бесчисленными жителями, на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным!.. А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без на-

слаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы неспособны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни для собственного нашего счастия, потому что знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя и сильного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою…» [1].

Небо и Земля, Люди и Звезды. Жалкие и слабые люди, взирающие на небо, видя их спокойное мерцание и таинственную отдаленность, начинают думать о заманчивой связи с ними. Если они есть, значит, кто-то их сотворил, значит, они кому-то нужны. Трава, деревья, реки, озера, солнце, наконец, в небе все они впрямую связаны с деятельностью человека. Солнце освещает землю и одаряет своим теплом жизнь на ее безмерных просторах. Когда же оно переусердствует, создавая зной на полях, то люди многолюдными крестными ходами обращаются с молебствиями к Небу, и оно частенько помогает людям, посылая на Землю долгожданный дождь. А что звезды? К ним, начиная с детских лет, постоянно обращался Лермонтов, чувствуя их какую-то особенную значимость. Да только ли он? А волхвы и другие поэты во все времена, ученые, простые люди? Вдруг расположение звезд, пусть не всех, но наиболее приближенных к Богу, влияет на судьбы людей? Многие века, развивая такое предположение, убеждали в правоте таких мнений многих живущих на земле, причем не дожидаясь научных экспериментов ученых-астрологов. И вот уже на Земле по-хозяйски звучат афоризмы типа «браки совершаются на небесах».

Теперь спустимся с высоких и прекрасных лермонтовских высот на грешную, опять-таки лермонтовскую землю с его же миропониманием. Встреча со звездами началась для писателя рано. В детстве еще, живя в Тарханах, он любил уединенные места в обширной барской усадьбе, частенько оставался наедине с природой, со своими недетскими думами и переживаниями. В послании к «Н. Ф. И» он признается: «Любил с начала жизни я / Угрюмое уединенье…Что ум мой по пустякам к чему-то тайному стремился» [1].

Горько было мальчику ощущать семейные распри родителей между собой и с бабушкой. В одну из драматических минут и мог появиться «взгляд, исполненный огня» или «нежный взор». О недосказанных лермонтовских тайнах всякий раз размышляешь, когда читаешь его признание. Вот, скажем, в обращении к «Звезде»:

Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но, как к тебе, к нему еще лечу
И хоть нельзя – смотреть его хочу… [1]

Что это за взгляд, «исполненный огня»? Так могло смотреть разумное существо, обладающее огромной энергией, которое видят лишь раз, одно мгновение наиболее одаренные в какой-либо сфере отдельные индивидуумы. Есть разные мнения относительно Бога. Он может быть сгустком высокой энергии, рождающим нас и весь космос, в который мы после прохождения земного пути вновь приходим, набравшись опыта, кто в большей, кто в меньшей степени. По Е. П. Блаватской, «Бог есть космический круг, центр которого везде, а окружность нигде» [2].

Символы могут быть разными. Разумные существа люди привыкли изображать Его, подобно себе, в человеческом облике. От времени к времени Он посылает на живущие планеты своих пророков. Все звезды и другие космические тела находятся в постоянном его подчинении. Сами звезды видят все земляне, а вот видеть и ощущать особое свечение их дано не каждому. Образ лермонтовской звезды не метафора как изобразительно-выразительное художественное средство, это нечто существенное, что еще раз подчеркивает одухотворенный образ, отмеченный писателем широким смысловым наполнением, это своего рода откровение судьбы, окруженное атмосферой таинственности, поскольку находится за пределами реально воспринимаемого объекта.

Неоднократно обращаясь к звезде и к Творцу этой звезды по разным причинам в стихах и прозе, Лермонтов не просто верил в их живое существование, но и осмеливался с помощью воображения заглянуть в космос и послушать, «как звезда с звездою говорит». Может быть, это покажется кощунственным для тех служителей религии, кто придумывает каноны правил и запретов, однако это не может расходиться с замыслом Божиим, по которому все люди на Земле рождаются с возможностями размышлять. В отличие от других земных существ, обитающих на планете, Господь наградил человека разумом. У нас есть души, принадлежащие Богу. Он дал возможность действовать с помощью рук, ног, разума, ибо без работы приостановится жизнь, не будет энергии для видимой и невидимой связи с основополагающей силой.

Звездное небо, по которому мысленно блуждал Лермонтов и которым любуемся мы, только декорация с многочисленными светилами, как это бывает на сценах во время представления спектаклей, и только за ней начинается, а правильнее, продолжается неведомое бесконечное пространство. Из множества существующих видов энергии особым образом выделяется таинственный свет особой звезды, в мерцаниях света которой присутствует луч Живого Бога: человеческие понятия «целое» и «часть» к Нему неприменимы. В церковных таинствах христианин в той или иной мере ощущает, усваивает эти энергии. Вот их-то как раз, возможно, и наблюдает подвижник «внутренними очами» как Фаворский свет – тот самый, который видели ученики Иисуса Христа при Его преображении на горе Фавор. Великие молитвенники-исихазты неоднократно предупреждали: гордыня и самомнение, небрежение настроениями церкви неизбежно приводят к тому, что силы зла обманывают подвизающегося в «умном делании» ложным светом, который он принимает за божественный. Князь Тьмы легко прикидывается Ангелом Света, чтобы подчинить себе человеческую душу, сделать ее своим орудием» [3, с. 38]. Праведный видимый свет дается не всем, а только особо избранным. По мнению епископа Тихона, «блаженна есть таковая душа, которую Божественный озарит свет» [4]. Лермонтов попал в их число.

Неужели мальчик в сельской вечерней тишине средней полосы России лицезрел Ангельский Свет Князя Тьмы? Зачем бы это надо было его сатанинскому сиятельству Князю являться пока что безвестному совсем, не согрешившему ни в чем Лермонтову? Не будем спешить с ответом, отметим лишь, что современные православные богословы допускают такие видения у тех, кто практикует восточные системы дыхательно-медитативных упражнений. Сведений о занятиях таким искусством в имении Арсеньевой у нас нет. К тому же даже специально занимающиеся йоговскими упражнениями по официальной христианской версии могут в лучшем случае видеть «тот тварный

свет, который изначально присутствовал и присутствует в Божьем творении, но отнюдь не сами божественные энергии» [3, с. 39]. Хочется верить в «тварный свет» русского православного мастера слова Лермонтова. Тихон, епископ Воронежский и Елецкий, мудро говорил: «Когда светильник веры в сердце сияет (а у Лермонтова, судя по стихотворению, так и было – Г. Г.), человек все духовное ясно видит, Бога не видимого ярко видимого и прочия не видимая яко видимая видит, и дела Христианскому званию приличная делает» [4].

Что касается образа звезды, то она будет проходить через все творчество Лермонтова. Ее символ, имеющий устойчивый характер, к сожалению, не выведен лермонтоведами в понятие «мотивы». Под мотивом понимается устойчивый смысловой элемент литературного текста, включающий в себя комплекс чувств и переживаний, повторяющийся в нескольких произведениях одного автора или нескольких авторов. В большом обобщающем труде «Лермонтовская энциклопедия» вполне справедливо и удачно прокомментированы многие «мотивы» («свобода» и воля», «действие и подвиг», «одиночество», «странничество», «изгнанничество», «родина», «память и забвение», «обман», «мщение», «покой», «сон», «игры», «путь», «время и вечность», «любовь», «смерть»), но не нашлось места мотивам «звезды». Между тем к этому образу Лермонтов обращался очень часто и в лирике, и в прозе, и в драматургии, и в письмах. Более того, этот образ характерен не только для литературы, начиная с Ломоносова и кончая писателями XXI столетия, но и для повседневной жизни русского человека, издревле обращавшего свои пристальные взоры на загадочные звезды. Оно и понятно: людей всегда влекло незнаемое, а Лермонтов по-своему выражал этот интерес русского народа.

Даниил Леонидович Андреев в историософском трактате «Роза мира» называет Лермонтова великим мистиком, созерцателем «обеих бездн» [5]. В стихотворении «Смерть» его автор задолго до Андреева говорил, что жил «между двух жизней в странном промежутке». В таком утверждении много справедливого. Если Лермонтов пишет про взгляд «давно закрылся для меня», то значит, он мог появиться только в детском возрасте (стихи написаны 16-летним юношей в 1830 г.). В это же время у поэта появилась еще одна стихотворная «Звезда», влекущая к себе юношу. Здесь такой же художественный прием сравнения. Только появляется не огненный взгляд, а нежный:

Она влечет
И с высоты
Меня зовет.
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор [1].

Лермонтовские звезды, вобравшие поэтику символов, как художественные образы, находясь в статическом положении, создают впечатление загадочности. Физики-теоретики считают, что все предметы, одушевленные или неодушевленные, передают (излучают) информацию о себе. Вся атмосфера насыщена разными биополями с неодинаковыми диапазонами волн. Живя в таком мире, мы не можем не реагировать на колебания вокруг нас. Колебательные процессы так или иначе реагируют на наше подсознание. Некоторые из них мы вольно или невольно пытаемся зафиксировать в нашем сознании. Видимо, для Лермонтова звезда или звезды, которые он мысленно

и через поэтические строчки фиксировал в своем сознании, оставили нестираемый след и постоянно напоминали о себе. Человек относится, вероятно, к числу наиболее чувствительных источников, колебания от которых достигают космоса. При этом каждый индивидуум имеет свою силу энергии, большую или меньшую. Если космос, насыщенный разными телами, тоже передает информацию, то очень важно, чтобы частоты и амплитуды колебаний, хотя бы в небольшом процентном соотношении, совпадали. Когда лермонтовские биотоки, обладавшие большой энергетической силой, соприкасались с имеющимися в космосе колебаниями, получался необыкновенный словесный результат.

Тишина и уединение тенистой барской усадьбы способствовали сосредоточению на каком-либо главном предмете. Юный поэт настраивается на видение в тиши, поскольку в подобных ситуациях передающая среда (эфир, физический вакуум) посылает информацию от других предметов с меньшей силой интенсивности. Информация к звезде идет от мозга, возможно, с произнесением звуков (это первая стадия). Поэт получает импульсы из галактики, достигающие слуха и зрения, мозга, всех клеток тела землянина (это вторая стадия). Вспыхнувший биоточный диалог в конечном счете обрабатывается с помощью художественных образов и воображения, что дает общее расположение к творчеству: и вот уже «…и ум и сердце полны, и / Рифмы дружные, как волны, / Журча, одна во след другой…» [1]. Не исключена возможность создания искомого образа до того, как поэт загляделся на звезду.

Подобное явление лицезрел во время литургии в Великий Четверг чудотворец наш Серафим Саровский. Сам он рассказывал: «…Вдруг меня озарил луч как бы солнечного света и увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, в образе Сына человеческого, во славе сияющего неизреченным светом, окруженного небесными силами, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами…» [6].

Если бы чудесное видение было у кого-либо другого, можно было бы и усомниться. «Все стоящие в храме поняли: с иеродиаконом что-то произошло – он словно окаменел и не мог вымолвить ни слова. Другие протодиаконы под руки отвели его в алтарь, где он простоял неподвижно около двух часов. Странное происходило с ним: лицо поминутно изменялось – то бледнело, то заливалось румянцем, словно в нем боролись разные силы» [6].

Будем объективными, подобные видения вряд ли могли явиться Лермонтову, не посвятившему себя служению Богу. У него «взгляд, исполненный огня», «нежный взор». Подобное с Лермонтовым могло твориться во время написания стихов, когда его душевные волны работали в унисон с божественно-космическими. Тем не менее что-то все-таки и с ним случалось. Символика Лермонтова не является реалистической данностью какого-либо явления или осязаемого предмета, одушевленного или неодушевленного, а ее интуитивно возникающей сущностью, рождаемой творческим воображением. Его образ-символ как явление искусства несет в себе элемент двусторонности, «отражая те или иные элементы действительности, становится в то же время воплощением элементов, «явлений» романтического мира, созданного воображением поэта, воплощением его мечты, его идеала» [7].

В «Выхожу один я на дорогу…» образы-символы, создающие мотивы пути, звезд, одиночества, пустыни, так искусно взаимодействуют между собой, что создают обобщенную метафору, соединяющую символику ранней

лирики со «Звездой» («В дали одна горит звезда…») с теперешней неземной реалией, с условным изображением, напоминающим космический пейзаж, в центре которого земное существо с человеческим мироощущением. Такое могло произойти и в другой цивилизации, на иной планете.

Теперешняя наука о космосе дает нам прямой повод такому воображению, когда мы погружаемся в ощущения путника, торжественно выходящего на кремнистый путь, таинственно блестящий, как лунная дорожка в тумане, а голубое сияние, расцвеченное блестками разговаривающих звезд, как бы сохраняет покой планеты. В этот покой стремится попасть вышедший на дорогу человек. Имея о нем представление по высказанным им мыслям в прозе и в поэзии, зная его по предсказанным ранее судьбоносным решениям, по художественному приему антиномичности («…забыться и заснуть, но не тем холодным сном могилы»), мы ни на минуту не можем сомневаться в том, что это сам Лермонтов с его неподдельными сердечными страстями, передающими на время рассудочное мышление своему лирическому герою. Несмотря на необычайную индивидуализированность символотворчества, в каждой звукописи ощущается присутствие обобщенного образа, стремящегося к одному типу мышления.

В такой противоречивости опять-таки угадывается архетип русского человека. Магия лермонтовской фантазии, беря в полон читательские чувства, не заканчивается определенными выводами, они продолжают нескончаемо жить в сознании, причудливо меняясь местами: то «свобода» выходит на первые позиции, то «покой». Главное же – они не могут жить порознь, как не могут жить друг без друга «ночь» и «день», «Земля» и «Небо». Интерес Лермонтова к Небу и Звездам можно объяснить стремлением постижения эстетического и этического земного через небесное.

В лермонтовских строчках чувствуется мощная энергия автора. Такое ощущение, будто бы каждое слово имеет вес, цвет, запах. Их можно запросто взвесить на воображаемых лингвистических весах. Для кого-то безучастная, сумрачная природа и человек отделены друг от друга. У Лермонтова нет никакой боязни перед могучим космосом: у него все гармонично, «торжественно и чудно», он слышит, как «звезда с звездою говорит», а человек одинок. У автора стихотворения «Выхожу один я на дорогу…» – мощь духа, разговор с Природой на равных, он, пусть и не чувствует себя царем Природы, но разговаривает с ней на равных, мечтает заснуть, но «не вечным сном могилы».

Невольно приходит на память статья Д. С. Мережковского «Лермонтов. Поэт сверхчеловечества», где поэт в «человеческом облике не совсем человек», пришелец из «четвертого измерения» в «третье» [8]. Непривычно звучит такое заявление, в некоторой степени оно спорно, и все-таки в таких рассуждениях что-то есть. У Лермонтова же его мысль выражена в едином мелодичном ритме, помогающем читателю постигнуть многосложную диалектику бытия, применяя его там, где без символики не может быть выражена правильно мысль, когда «холодной буквой трудно объяснить боренье дум». Исследователями, обращавшимися к анализу стихотворения «Выхожу один я на дорогу…», отмечены истоки такой ритмико-интонационной организации, которая имеет место быть в псалмических источниках (псалом 8 и 103). «Однако очевидно здесь и метафизический конспект евангельского слова в том числе» [9].

Символу Лермонтов придавал особое значение, расширяя его функции. Дионисий Ареопагит считал, что символу по плечу «реально являть мир сверхбытия на уровне бытия» [10]. Ритмико-мелодической организацией, формирующей символические мотивы, поэт обостряет антиномические по своей сути «свободу» и «покой» («Я ищу свободы и покоя…»). Свобода в философском плане предполагает некое движение, действие, развертывание возможностей человеческой личности, попытку осуществлять добрую или злую волю. «Покой же нечто противоположное движению. Подробнее эта проблема разработана В. А. Котельниковым в статье «Покой» в религиозно-философском и художественном контекстах» [11]. Поэт стремится к умиротворению, к царству вечной любви и всеобщей гармонии, т.к. это есть в космическом пространстве, где тихая ночь и мирно разговаривающие между собой звезды и «пустыня внемлет богу».

Образ звезды у Лермонтова, как было сказано, один из самых часто встречаемых. Поэт одушевил его, приблизив к человеку. «Лермонтовская энциклопедия» свидетельствует, что это слово встречается в творчестве Лермонтова 124 раза. Крылатым выражением стало «И звезда с звездою говорит». В поэзии XX столетия эта «беседа» нашла широкую интерпретацию. У Светлова звезды смотрят «музыкальными глазами». Николай Рубцов целый поэтический сборник назвал «Звезда полей». Продолжая метафорический ряд со звездами, начатый еще Ломоносовым, Федоров подсматривает, как Земля «в распрях доброго и злого духа / Так и жмется к частоколу звезд…», или подслушивает «шуршанье звезд на пологе небес».

Статью мы начинали с пейзажной (астрономической) картины звездного неба. Печорин посмеялся («и мне стало смешно») над «премудростью» людей, живших ранее, «думавших, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах…». И вот после случившегося рокового вечера он вновь обращает свой взор к звездам. И… несмотря на то, что Печорин посмеялся над нашими предками и их услужливой астрологией, он «попал невольно в их колею». «…Но я остановил себя вовремя, – вспоминает он в дневнике, – на этом опасном пути и, имея правило ничего не отвергать решительно и ничему не вверяться слепо, отбросил метафизику в сторону и стал смотреть под ноги» [1].

Такая предосторожность была кстати. Печорин, наткнувшись на свинью, разрубленную шашкой, начал думать о земном, об опасности, нависшей над ним, – окажись на месте зарубленной свиньи пьяный казак с шашкой… Это звезды, передавая свои невидимые биотоки, заставили его смотреть под ноги. Стало быть, связь с Небом и разместившимися там звездами тоже есть. К этой истине предки пришли раньше Михаила Юрьевича. Нет, нельзя иронизировать над опытом прошедших веков. В жизни на земле, как и в космосе, все взаимообусловлено и связано между собой многочисленными невидимыми энергетическими нитями. Если «на темно-голубом своде» спокойно сияли звезды и «месяц, полный и красный (ох, уж это злополучное полнолуние! – Г.Г.), как зарево пожара, начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов» [1], так значит это кому-то было надо, значит, это своеобразный знак предопределения. Вспомним, как в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» заря алая подымалась не к добру: «Уж зачем ты, алая заря, просыпалася? На какой ты радости разыгралася?» [1].

Печорин после разгадки предопределения также займется поисками спасения своей души, но прежде еще раз испытает свою волю на предмет предопределения своей судьбы: все ли решается по конкретным людям на Небе или же все зависит от воли людей? Опять-таки наталкивают на размышление звезды.

Список литературы

1. **Лермонтов, М. Ю.** Собр. соч. : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов. – М : Худож. литература, 1964. – Т. I–IV.
2. **Блаватская, Е. П.** Тайная доктрина, синтез науки, религии и философии / Е. П. Блаватская. – Сиинь, 1993. – Т. 2. – Кн. 4. – С. 602.
3. Православная полная энциклопедия. По благословлению Высокопреосвященнейшего Евлогия, Архиепископа Владимирского и Суздальского. – М. : Весы, 2007.
4. **Тихон, Т. (Соколов Т. С.).** Сокровище духовное от мира собираемое / Т. Тихон (Т. С. Соколов).– СПб., 1976. – Ч. 2. – С. 79.
5. **Андреев, Д. Л.** Роза мира / Д. Л. Андреев. – М. : Творчество Крышников-Комаров и К°,1993.
6. Православные святые. – СПб., 1996. – С. 354.
7. **Соколов, А. Н.** История русской литературы XIX века / А. Н. Соколов. – М. : МГУ, 1960. – С. 80.
8. **Мережковский, Д. С**. М. Ю. Лермонтов – поэт сверхчеловечества / Д. С. Мережковский. – СПб., 1909. – С. 88.
9. **Евчук, О. П.** Религиозно-философские парадигмы поэзии М. Ю. Лермонтова / О. П. Евчук // Лермонтовский выпуск № 7. – Пенза, 2004. – С. 21.
10. **Бычков, В. В.** Византийская эстетика / В. В. Бычков. – М., 1977. – С. 129.
11. **Котельников, В. А.** О христианских мотивах у русских поэтов / В. А. Котельников // Литература в школе. – 1994. – № 3.

Горланов Геннадий Елизарович
кандидат филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
литературы и методики преподавания
литературы, Пензенский
государственный педагогический
университет им. В. Г. Белинского,
член Союза писателей России

Gorlanov Genady Elizarovich
Candidate of philological sciences,
professor, head of sub-department
of literature and literature teaching methods,
Penza State Pedagogical University
named after V. G. Belinsky,
Russian Writers' Union member

E-mail: pzhurnalistika@yandex.ru

УДК 8(47)82

Горланов, Г. Е.

Символика звезды в творчестве М. Ю. Лермонтова / Г. Е. Горланов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 52–59.

УДК 882

Е. К. Рева

ЭЛЕМЕНТЫ ПУБЛИЦИСТИЧНОСТИ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» (К ВОПРОСУ О ФЕЛЬЕТОННОМ ЖАНРЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ)

Аннотация. В данной статье акцентируется внимание на фактологичности событий в романе «Бесы», их почти исключительной хронологической последовательности при непосредственном участии в действии повествователя. Устанавливается, что в этом случае авторское «я» является структурно-организующим компонентом как в фельетоне, так и в «Бесах». Так обнаруживает себя публицистический элемент в повествовательной структуре этого романа. Тем самым, очевиден вывод, что публицистичность, являясь ярким признаком фельетонного жанра, определила не только своеобразие повествовательного тона исследуемого произведения, но и в значительной степени влияла на формирование поэтики романного творчества Ф. М. Достоевского в целом.

Ключевые слова: фельетон, роман, хроника, летопись, публицистичность, повествователь, фактологичность, хронология, авторское начало, литературно-художественное творчество.

Abstract. In the given article attention is paid to factual ground of the events in the novel «The Demons», their almost exceptional chronological order with narrator's participation in the action. The fact which is established is that the author's ego is a structurally organizing component both in the satirical article and in «The Demons». In such a way the publicistic element shows itself in the narrative structure of this novel. It is obvious that the presence of publicistic elements is a striking feature of the satirical genre determining not only the originality of the narrative manner of the work under analysis but having strong influence on the formation of the poetic manner of Dostoevsky's novels in general.

Keywords: a satirical article, a novel, a chronicle, a chronicle, a publicistic feature, a narrator, a factual ground, chronological order, author's personal commencement, literary-artistic work.

В творческом наследии Ф. М. Достоевского роман «Бесы» стоит особняком в ряду таких произведений писателя, как «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы». Это обусловлено особенностью поэтики данного произведения. Во-первых, «Бесы», по меткому замечанию Ю. Ф. Карякина, «самое набатное предупреждение о реальном апокалипсисе и самый набатный призыв его избежать» [1, с. 114]. Во-вторых, данный роман сочетает в себе несколько жанровых разновидностей.

В своем фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861) Ф. М. Достоевский написал: «… фельетон в наш век… почти главное дело» [2]. Эта фраза была актуальной не только в момент создания данного произведения. Она стала ведущей во всем его творчестве.

Говоря о наследии великого художника, нельзя не учитывать важнейших этапов в творческой биографии писателя: повести, романы, «Дневник писателя» сочетают в себе принцип синтеза, который может быть заключен в формулу «писатель – издатель – публицист». Ф. М. Достоевский в контексте своих произведений не может и не должен рассматриваться по отдельности. Наиболее это характерно для раннего периода творчества писателя, когда

создается фельетон «Петербургская летопись» (1847), темы и мотивы которого проявились в повестях «Белые ночи», «Слабое сердце», «Елка и свадьба» и др. Но и в романах Ф. М. Достоевского 1860–1870-х гг. элементы фельетонного жанра не менее сильны.

Чтобы выяснить, насколько прочную позицию занял жанр фельетона в творчестве Ф. М. Достоевского, обратим внимание на роман «Бесы», в котором содержится прямое указание на жанровую основу – *хроника*. Рассмотреть, как в жанровом отношении связаны «хроника» и «фельетон» в романе «Бесы», – задача настоящей статьи. Введем ряд понятий и определений:

Хроника – 1. Литературное произведение, содержащее историю политических, общественных, семейных событий. 2. Отдел сообщений в газете. 3. Документальное сообщение в прессе о текущих событиях [3, с. 869].

Обобщив приведенные определения, отметим, что хроника – жанр, в большей степени публицистический по своей специфике.

Жанр фельетона представляет собой газетную или журнальную статью на злободневную тему, использующую «юмористические и сатирические приемы изложения» [3, с. 850]. Своеобразием фельетонного жанра является то, что он не имеет четко закрепленных признаков ввиду своей «пограничности»: с одной стороны, для него характерна установка на художественный план изображения, а с другой – он отличается ярко выраженными свойствами публицистического повествования.

Во многом особенности фельетона обусловлены спецификой зарождения и развития этого жанра. В общественно-политической и литературной жизни России 1840–1860-х гг. фельетон явился тем единственным жанром, который имел возможность оперативно реагировать на изменения, происходящие в столице и всей стране в целом. Его сравнительно небольшой объем, занимаемая автором позиция, всесторонний охват событий и явлений, подаваемый подчас посредством иронии и юмора, делали этот жанр универсальным.

Необходимо отметить, что в начале XIX в. фельетон приобретает форму литературной полемики, и уже здесь проявляется его публицистическая направленность. Е. И. Журбина констатирует, что именно эта форма, насыщенная «публицистической темой» и «публицистической образностью», «дала высокие образцы жанра фельетона» [4].

Обратим внимание еще на одно определение, которое будет необходимым для понимания публицистической линии романа в контексте фельетонного творчества Ф. М. Достоевского: *летопись* – то же, что история [3, с. 324].

Аргументируем все ранее сказанное непосредственно текстом романа Ф. М. Достоевского «Бесы», в котором автор вводит не просто повествователя, а хроникера: «Как хроникер, я ограничиваюсь лишь тем, что представляю события в точном виде, точно так, как они произошли, и не виноват, если они покажутся невероятными» [5, с. 65] . В этой связи наблюдается особый тон повествования, который определяет проблему личности автора. Момент характеристики самого себя проявляет фельетонное начало. «Но я фельетонист, господа, я должен вам говорить об новостях самых свежих, самых животрепещущих…» [6, с. 10], – говорит о себе повествователь в фельетоне 1847 г. «Петербургская летопись». Д. С. Лихачев констатирует, что «ни автор, ни рассказчик в «чистом» виде у Достоевского почти никогда не представлены» [7].

Повествователь в произведениях Ф. М. Достоевского выполняет одну определенную функцию: он наблюдает происходящие события, анализирует

их, он «задает весь тон романа» [1, с. 114]. «Достоевский наделил его (повествователя – Е. Р.) собственной проницательностью, собственным художественным темпераментом, высоким интеллектуальным проникновением в события» [7]. Он находится не в стороне жизненных явлений, он непосредственный их участник, фиксирующий на бумаге все увиденное. Именно этот факт указывает на журналистскую составляющую творчества Ф. М. Достоевского.

Таким образом, обратившись к проблеме повествователя в произведениях писателя, мы убеждаемся, что уже этот аспект обнаруживает элементы публицистичности. В «Бесах» Ф. М. Достоевский с особой тщательностью подчеркивает, что описываемые им события есть хроника: «Этот «завтрашний день»… был одним из знаменательнейших дней в моей хронике» [5, с. 114]; «Прошло восемь дней. Теперь, когда я пишу хронику, мы уже знаем, в чем дело» [5, с. 198]. Безусловно, произведение Ф. М. Достоевского не заставляет сомневаться в его литературно-художественной специфике, тем более что у Ф. М. Достоевского «особая художественность, художественность такой беспощадной и мужественной правды, которая только одна и является спасительной» [1, с. 130]. Но фактологичность событий, их почти исключительная хронологическая последовательность (за исключением эпизодов воспоминаний, например Шатова о пребывании его в Америке), непосредственное участие в действии повествователя – все это обнаруживает публицистический элемент в содержании романа. Более того, хроникер старается не абстрагироваться от выбранного им жанра, пытаясь тем самым вести диалог с читателем: «Прошу прощения у читателя в том, что этому ничтожному лицу отделю здесь хоть несколько слов» [5, с. 341]. Здесь нет прямого обращения к читателю-собеседнику, но в этой фразе угадывается «разговор», который ведет фельетонист в «Петербургской летописи»: «Этого господина вы хорошо знаете, господа» [6, с. 7]; «Знаете ли, господа, сколько значит, в обширной столице нашей, человек, всегда имеющий у себя в запасе какую-нибудь новость…» [6, с. 14].

В фельетоне Ф. М. Достоевского и в его романе подчеркнуто личностное начало. И в первом, и во втором случае повествование ведется от первого лица (фельетон «Петербургская летопись»: «Еще недавно я никак не мог себе представить петербургского жителя» [6, с. 5]; «Бесы»: «Будучи в числе распорядителей… я сам своими глазами видел, как начался этот позорной памяти день» [5, с. 436]). Сопоставление по этому принципу представляется возможным постольку, поскольку авторское «я» является структурно организующим компонентом как в фельетоне, так и в рассматриваемом нами романе.

Эта структурно организующая функция авторского начала определяется логико-событийным характером изложения материала. Так, в «Петербургской летописи» автор заостряет внимание на конкретной теме (описание чего-либо), однако размышления, анализ поставленной проблемы не принимают у Ф. М. Достоевского односторонний характер, а осложняются обращением к так или иначе связанным с основной темой вопросам, сохраняя при этом идейно-смысловую логичность повествования. В этом аспекте любопытны отступления, к которым прибегает писатель в своем романе, будь то описание интерьера («…большая Белая зала… была в самом деле великолепна: огромных размеров, в два света, с расписанным по-старинному и отделанным под золото потолком, с хорами, с зеркальными простенками, с красною по белому

драпировкою, с мраморными статуями… с старинною, тяжелою, наполеоновского времени мебелью, белою с золотом и обитою красным бархатом» [5, с. 436–437]) или развернутое сообщение о пожаре в Заречье (кстати, здесь наблюдается репортажность стиля, а значит, присутствует публицистический компонент: «Целая улица, параллельная реке, пылала. Было светло как днем. <…> Тут огня ждали наверно, и жители вытаскивали имущество, но все не отходили от своих жилищ, а в ожидании сидели на вытащенных сундуках и перинах, каждый под своими окнами. Часть мужского населения была в тяжкой работе, безжалостно рубила заборы и даже сносила целые лачуги, стоявшие ближе к огню и под ветром» [5, с. 480]).

И в фельетонах, и в романе «Бесы» автор обнаруживается, прежде всего, в том, на что направлено его сознание, – в содержании сознания, а также в эмоциональном тоне, эмоциональной окраске повествования. Ф. М. Достоевский привносит в изображение свое видение мира и свой тип эмоциональности посредством хроникера, который «только прикидывается несмышленым, а по существу он помогает читателю проникнуть в самую суть событий», так же как это делает фельетонист Ф. М. Достоевского, который «должен говорить об новостях самых свежих, самых *животрепещущих*» [6, с. 10].

Таким образом, фельетон и роман-хронику «Бесы» объединяет образ повествователя и подчеркнутое личностное начало, на основании чего мы можем сделать вывод о проникновении фельетона в роман, а значит, и об элементе публицистичности в нем, что, в свою очередь, подтверждает стойкость фельетонного жанра в литературно-художественном творчестве Ф. М. Достоевского.

В начале статьи мы не случайно ввели понятие «летопись». Ранее, говоря о «Бесах», было отмечено то, что отличает этот роман, – почти абсолютная хронологическая последовательность описываемых событий. Фельетон Ф. М. Достоевского представляет собой серию из четырех фельетонов, размещенных в «Петербургской летописи» по принципу хронологии (от 27 апреля до 15 июня). Это также дает основания для сопоставления произведений по жанровому признаку, точнее по признаку наличия элементов фельетона в романе.

Напомним, что летопись есть то же, что история. «История» подразумевает последовательное (поэтапное) описание событий. Таким образом, уже название фельетона («Петербургская летопись») содержит в себе принцип изложения материала. И разве нельзя назвать «историей» события, которые составляют роман «Бесы»?

Итак, обратившись впервые к фельетону в 1847 г., Ф. М. Достоевский не избегает возможности обратиться к этому жанру в своих последующих произведениях. Уникальность этого жанра заключается в том, что он, существуя самостоятельно в период раннего творчества писателя, обнаружил способность проникать в крупные жанровые формы, гармонично вливаясь в повествовательную структуру произведений Ф. М. Достоевского. Ярким доказательством тому является один из величайших романов Федора Михайловича – «Бесы». Писатель не просто сохраняет здесь стилистику фельетона, он вводит повествователя, тождественного по своей функции повествователю-фельетонисту. Таким образом, в творчестве Ф. М. Достоевского достигается то, о чем говорилось ранее, – та «особая художественность», объяснение которой исследователи пытаются дать до сих пор. Но при этом далеко не все

учитывают роль элементов фельетонного жанра. А между тем практически во всем творческом наследии писателя «фельетон – это… почти главное дело».

Список литературы

1. **Карякин, Ю. Ф.** Зачем хроникер в «Бесах»? / Ю. Ф. Карякин // Достоевский. Материалы и исследования. – Вып. 5. – Л. : Наука, 1983.
2. **Достоевский, Ф. М.** Петербургские сновидения в стихах и прозе / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений : в 15 т. – Л. : Наука, 1988. – Т. 3. – С. 483.
3. **Ожегов, И. С.** Толковый словарь русского языка / И. С. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М. : ИТИ Технологии, 2003.
4. **Журбина, Е. И.** Устойчивые темы / Е. И. Журбина. – Л. : Советская Россия, 1974. – С. 128.
5. **Достоевский, Ф. М**. Бесы / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений : в 15 т. – Л. : Наука, 1988. – Т. 7.
6. **Достоевский, Ф. М.** Петербургская летопись / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений : в 15 т. – Л. : Наука, 1988. – Т. 2.
7. **Лихачев, Д. С.** Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – Л. : Наука, 1967. – С. 327.

Рева Екатерина Константиновна
аспирант, Пензенский государственный
педагогический университет
им. В. Г. Белинского

Reva Ekaterina Konstantinovna
Postgraduate student,
Penza State Pedagogical University
named after V. G. Belinsky

E-mail: ekaterina.re@rambler.ru

УДК 882

Рева, Е. К.

Элементы публицистичности в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» (к вопросу о фельетонном жанре в творчестве писателя) / Е. К. Рева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 60–64.

УДК 811.511.152.1’366.54’371’367.6

Н. М. Мосина

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПАДЕЖЕЙ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию падежной категории эрзянского языка, имеющего как и многие другие языки финно-угорской семьи, обширную падежную систему, состоящую из 12 падежей. Проведенный анализ семантических значений и синтаксических функций субъектно-объектных и местных падежей позволяет глубже раскрыть содержание падежной системы эрзянского языка.

Ключевые слова: эрзянский язык, падежная система, семантическое значение, синтаксическая функция.

Abstract. This article is dedicated to the study of case category of the Erzya-Mordvin language, which has got as many other Finno-Ugric languages extensive case system and contains 12 cases. The investigation of semantic meanings and syntactic functions of the grammatical and local cases gives a possibility to discover deeply the contents of case system of the Erzya-Mordvin language.

Keywords: the Erzya-Mordvin language, the case system, semantic meaning, syntactic function.

Являясь агглютинативным, эрзянский язык в плане морфологии обладает всеми основными характеристиками данного типа языков. Среди грамматических категорий, присущих именам существительным, а именно: числа, собирательности, притяжательности, определенности-неопределенности, падежная категория является наиболее характерной в системе имени. С помощью падежа выражаются отношения между словами в словосочетаниях или предложениях.

Эрзянский язык, как и многие другие языки финно-угорской семьи, имеет обширную систему падежей, т.е. она состоит из 12 падежей: номинатив, генитив, датив, аблатив, инессив, элатив, иллатив, латив, пролатив, компаратив, абессив, транслатив. Падежи эрзянского языка по выполняемым ими синтаксическим функциям принято делить на три основные группы: 1) субъектно-объектные: номинатив, генитив, датив, аблатив; 2) местные: инессив, элатив, иллатив, латив, пролатив; 3) атрибутивные: компаратив, абессив, транслатив [1].

В данной статье мы раскроем семантические значения и проанализируем синтаксические функции субъектно-объектных и местных падежей на материале имеющихся грамматик эрзянского языка, монографии финно-угроведа Р. Бартенс, посвященной исследованию структуры мордовских языков, а также других научных исследований.

Номинатив является исходной падежной формой, имеет единственное и множественное число. В мордовских, как и во всех других финно-угорских языках, номинатив единственного числа при неопределенном склонении имеет нулевую морфему, во множественном числе приобретает суффикс ***-t***. В определенном склонении номинатив единственного и множественного числа имеет суффиксы ***-s’*** и ***-t’n’e/ -tne*** соответственно. Номинатив является одним из субъектно-объектных падежей, основными функциями которого в предложении являются функции субъекта или объекта действия.

В грамматике мордовских языков даются следующие субъектно-объектные функции имени существительного в форме номинатива: 1) субъект действия; 2) субъект состояния, нахождения; 3) носитель качества, свойства; 4) обладатель постоянного свойства; 5) объект действия; 6) лицо, к которому обращена речь [2].

Наряду с данными значениями номинатива финно-угровед Р. Бартенс в своей монографии «Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys» выделяет дополнительные функции данного падежа. При этом автором дается классификация значений отдельно по единственному и множественному числам неопределенного и определенного склонений номинатива [3].

Номинатив единственного числа неопределенного (основного) склонения служит падежом: 1) субъекта: *val'malo olgo kuc'an't' vaksso ašt'es'* ***l'išme*** – под окнами возле соломенной копны стояла лошадь; 2) объекта: ***l'išme*** *ramin'* – купил лошадь; 3) обстоятельства: *mon* ***pel'(e) ije*** *učin'* – я полгода ждал; 4) предикатива: *son* ***loman'*** – (это) он человек; 5) существительного-определения: ***kil'ej*** *pango* – подберезовик (береза, гриб); 6) главного слова послеложной конструкции: ***kudo*** *vaksso* – около дома, ***loman'*** *ikel'e* – перед человеком.

Номинатив множественного числа неопределенного склонения выступает как падеж: 1) субъекта: *vir' udalo paks'ason't'* ***c'orat*** *vans't' alašat* – за лесом в поле мужчины пасли лошадей; 2) объекта: *son ants'* ***sarast*** – он кормил кур, *s'imd'i* ***l'išmet'*** – он поит лошадей.

Номинатив определенного склонения выполняет функцию субъекта, например: ***Učit'el'es'*** *maks' t'enze pr'evt' poladoms tonavtn'emanzo Kazan'se* – учитель дал ему совет закончить свою учебу в Казани.

Р. Бартенс параллельно с данной функцией выделяет номинатив определенного склонения в качестве предикатива (составного именного сказуемого) предложения, сравните: *T'e šabran'* ***s'ejas'*** – это соседская коза.

Номинатив в мордовских языках может использоваться и как падеж прямого дополнения. В том случае, когда речь идет об объекте неопределенном, неизвестном, впервые упоминаемом, имя существительное, выражающее данный объект, принимает номинативную форму, т.е. не маркируется суффиксом.

Большинство ученых считают, что функция выражения объекта действия присуща аккузативу. Например, Д. В. Бубрих полагает, что именительный падеж для выражения прямого дополнения употребляется в том случае, если объект является неопределенным. При этом данную функцию он считает свойственной винительному падежу [4].

Известно мнение и другого ученого-лингвиста относительно объекта действия. Так, Б. А. Серебренников, описывая способы выражения значений винительного падежа (аккузатива) в мордовских языках, отмечает следующее: «в тех случаях, когда объект действия выступает как неопределенный, винительный падеж совпадает по форме с именительным», например: *Od* ***kudo*** *t'ein'* – я построил новый дом [5].

По мнению Р. Бартенс, при выражении объекта действия в мордовских языках имеется различие в использовании неопределенного и определенного склонений. Так, при обозначении неопределенного объекта используется номинатив неопределенного склонения, поэтому имя существительное либо имеет нулевую морфему ***-ø***, либо суффикс ***-t***, если слово стоит во множест-

венном числе, например: *ramin'* ***l'išme*** – купил лошадь, *ramin' od* ***l'išmet'*** – купил новых лошадей [3].

Наряду с рассмотренными функциями номинатива, такими как субъект, объект и предикатив предложения, данный падеж может использоваться в конструкциях с именами существительными, т.е. выступать как падеж слова-определения в словосочетаниях. В конструкциях такого типа используется номинатив единственного числа неопределенного склонения [3]. В грамматике мордовских языков данная падежная форма описывается как абсолютная или внепадежная форма, имеющая некоторые грамматические особенности: 1) всегда выступает перед другим именем существительным, образуя с ним особого рода синтаксическую конструкцию, перестановка компонентов которой невозможна; 2) нейтральна по отношению к категориям числа, падежа, определенности-неопределенности [2]. В той же грамматике приводятся 10 различных значений абсолютной формы, например такие, как: 1) обладатель в притяжательных конструкциях; 2) материал; 3) количество, мера, объем и т.д. [2, с. 179–181].

Так, приведенные примеры с использованием имен существительных в форме номинатива показывают, что основными функциями данного падежа являются: **назывная** – называние субъекта, объекта, **определительная** – член словосочетания, сложного слова и послеложной конструкции, **предикативная** – именное сказуемое.

Генитив в эрзянском языке наряду с номинативом, дативом и аблативом является одним из субъектно-объектных падежей. Форма генитива в эрзянском языке изменяется по категориям числа и определенности-неопределенности. В неопределенном склонении генитив как единственного, так и множественного числа имеет суффикс ***-n'***. В определенном склонении формы генитива различаются по числам: генитив в единственном числе имеет суффикс ***-n'-t'***, во множественном – ***-t'n'e-n'/-tne-n'***. Значения, передаваемые генитивом в литературном, нормированном языке, довольно многообразны. Так, в грамматике мордовских языков выделяются восемь основных значений генитива: 1) лицо, обладающее чем-либо; 2) обладатель, относящийся к обладаемому как целое к части; 3) объект, на который направлено действие; 4) предмет, который обладает каким-либо признаком, свойством; 5) субъект действия; 6) лицо, находящееся в каком-либо состоянии; 7) лицо или предмет и его отношение к другому предмету или лицу; 8) разделение или деление (распределительное значение) [2].

Наряду с классификацией, данной мордовскими лингвистами в отмеченной грамматике, Р. Бартенс дает дополнительную классификацию значений и функций генитива. Предложенная ею классификация основана на разделении значений и функций генитива неопределенного склонения и генитива определенного склонения [3]. Так, с ее точки зрения, генитив неопределенного склонения в предложении выражает следующие значения: 1) обладатель, выполняющий роль определения: *Varmas' kandi* ***t'ikšen'*** *di* ***vas'en'*** *c'ec'an' čin'e* – ветер приносит запах травы и первых цветов; 2) обладатель в хабео-конструкциях: ***Erz'an'*** *ul'nes' ajgorozo* – у эрзянина был жеребец, ***avan'*** *žo mond'ed'en' baška, ul'n'es't' ješčo n'il'e ejkakšonzo* – у матери же, кроме меня, было еще четверо детей; 3) обладатель, выполняющий роль предикатива: ***Tan'kan'*** *t'e tarkas'* – это место Танькино; 4) вид, признак чего-либо, выполняющий роль предикатива: *Maksim min'ek* ***rodon'-pl'eman'*** – Максим

нашего рода-племени; 5) главное слово в послеложных конструкциях: ***Pil'gen'*** *alo lovos' čikordi* – под моими ногами снег хрустит; 6) объект действия, только в отдельных случаях, например в конструкциях с инфинитивными формами: *tus'* ***pen'gen'*** *ker'amo* – ушел дрова рубить, ***valon'*** *jovtamo mik ez' ken'er'e* – не успел даже слово сказать.

В эрзянском языке именной компонент в послеложных конструкциях в большинстве случаев имеет форму генитива неопределенного или определенного склонения, а также генитива с посессивным суффиксом. Реже управляемое слово может принимать форму номинатива (нулевую форму). Некоторые послелоги требуют аблативного управления [2].

Основное отличие в использовании генитива и номинатива зависит, прежде всего, от определенности или неопределенности управляемого слова. При этом если имя является определенным, то оно стоит в форме генитива определенного склонения [3]. Суффикс генитива неопределенного склонения ***-n'*** также используется, например, с именами собственными, терминами родства или же с некоторыми послелогами, требующими форму генитива неопределенного склонения.

При описании номинативных форм неопределенного объекта отмечалось, что функция выражения прямого объекта действия присуща винительному падежу (аккузативу). Данное утверждение применимо также и к выражению определенного объекта предложения.

Так, Д. В. Бубрих, описывая прямое дополнение, высказывается об использовании родительного падежа прямого дополнения, если речь идет об определенном предмете. При этом он связывает данную функцию с функцией винительного падежа [4].

Также, по мнению Б. А. Серебренникова, в тех случаях, когда объект действия является определенным, винительный падеж совпадает с формой родительного падежа (генитива), например: ***Numolon't'*** *l'el'am kundiz'e* – зайца этого мой старший брат поймал [5].

В свою очередь, Р. Бартенс, исследуя объект в мордовских языках, утверждает, что падежом прямого определенного объекта действия является генитив-аккузатив определенного склонения: ***ved'en't'*** *kandija* – принес воду [3].

Кроме вышеперечисленных, Р. Бартенс выделяет также дополнительные функции генитива неопределенного склонения, при которых имя существительное в предложении выступает в роли обстоятельства. Среди них: 1) наречие образа действия: ***pil'en'*** – ушами, ***s'el'men'*** – глазами; (фолькл.) *aras'el'* ***pil'en'*** *sonzo marize* – не было никого, кто бы его ушами слышал, *aras'el'* ***s'el'men'*** *sonzo n'eize* – не было никого, кто бы его глазами видел; 2) наречие, образованное способом редупликации (повторение слова): ***gruppan'-gruppan'*** – группами, ***škan'-škan'*** – время от времени, ***tarkan'-tarkan'*** – местами.

У генитива определенного склонения автор отмечает несколько значений параллельно с функциями и при этом использует термин «генитив-аккузатив определенного склонения». Большинство значений и функций генитива определенного склонения таковы же, как и у генитива неопределенного склонения. Например: 1) обладатель, выполняющий роль определения: *kudon't' pr'azo* – крыша дома; 2) обладатель в составе хабео-конструкции: ***t'ejt'er'en't'*** *ul'n'es' paro pulozo* – у девушки была хорошая коса.

Наряду с этим, на наш взгляд, генитив определенного склонения в эрзянском языке дополнительно широко используется в качестве управляемого слова в послеложных конструкциях.

Основная и более распространенная функция генитива определенного склонения присуща аккузативу, т.е. это функция выражения определенного объекта действия: *Те* ***лишмень*** *тетям рамизе* – эту лошадь мой отец купил.

Таким образом, из отмеченных нами классификаций можно выделить основные и наиболее распространенные функции генитива: **объектную** – объект действия, член хабео-конструкции; **определительную** – член словосочетания, послеложной конструкции; **предикативную** – именное сказуемое.

Датив в эрзянском языке относится к субъектно-объектным падежам [1]. Датив изменяется по категориям числа и определенности-неопределенности. В неопределенном склонении формы единственного и множественного числа не различаются и образуются при помощи суффикса ***-n'en'/-nen'***. В определенном склонении датив единственного числа имеет суффикс ***-n'-t'-en'***, множественного числа – ***-t'n'e-n'en'/-tne-n'en'***. В языке имя существительное в форме датива выражает различные значения и выполняет множество функций. Так, в грамматике мордовских языков выделяется пять основных значений падежа: 1) предмет или лицо, к которому направлено действие; 2) субъект действия или состояния в безличных предложениях; 3) лицо, предмет, явление, вызывающие известное состояние; 4) стремление к какому-либо объекту; 5) цель, назначение предмета [2].

Грамматика эрзянского языка, описывая главным образом значения датива, также выделяет пять основных пунктов. Однако не все эти значения совпадают с вышеизложенными. Многие из представленных значений в грамматике мордовских языков 1980 г. объединены в грамматике эрзянского языка в одну функцию датива – функцию «объекта, на который направлено обращение, действие». Вместе с тем в этой грамматике дополнительно к уже описанным выделяются следующие значения падежа: 1) время завершения действия; 2) место действия; 3) объект-адресат [1].

Наряду с классификациями, предлагаемыми мордовскими языковедами, приведем классификацию, составленную Р. Бартенс, в которой параллельно со значениями описываются и функции падежа: 1) дательное значение: а) в функции обстоятельства: ***s'or'madan s'orma sazornen'*** – пишу письмо сестре, б) в функции определения: ***sazornen' s'ormas'*** – письмо сестре; 2) направительное значение в функции обстоятельства, отвечает на вопрос «к кому?»: ***mol's' orožijan'e*** – ушел к гадалке, ***ajdo n'ej avan'en'*** – пойдем сейчас к матери; 3) функция агента (действующего лица), в таких предложениях сказуемое имеет модальный оттенок, а подлежащее является лицом, испытывающим на себе действие. Используется в конструкциях: а) с инфинитивом, где сказуемым выступают или модальные глаголы ***er'avi*** (нужно, необходимо), ***savi*** (придется), а также заимствованные из русского языка ***možna*** (можно), ***n'el'z'a*** (нельзя): ***sazornen' er'avi*** *mol'ems* – сестре нужно идти; или прилагательные: *er'amskak* ***šožd'in'e*** *ul'evel' tink marto paro* ***mird'en'en'*** – хорошему мужу и жить легко было бы с вами; б) с инфинитивом-причастием: ***sazornen'*** *mol'emal'* – сестре нужно было уходить; в) с глаголами, имеющими суффикс ***-v-***: ***Nastan'en'*** *ez't' sodavo kavto c'orat'n'e* – Настя не узнала двух мужчин [3].

В отличие от предыдущих последняя классификация, предложенная Р. Бартенс, представляет довольно подробное описание субъектной функции датива. Что касается классификаций, составленных мордовскими лингвистами, то в них данная функция падежа представлена либо частично (в безличных предложениях) [2], либо не представлена совсем [1]. Р. Бартенс отдельно от основных значений, выражаемых формами датива в неопределенном склонении, отмечает также некоторые особенности при использовании датива определенного склонения. По ее мнению, датив определенного склонения несет на себе функции двух направительных падежей: иллатива и латива, т.к. последние оба не имеют форм в определенном склонении.

А. Алхониеми, исследуя датив непосредственно в системе местных падежей эрзянского языка, считает, что датив в определенном склонении в единственном числе обладает функциями неопределенного иллатива, латива и датива [6].

Одним из многих значений, которыми обладает датив эрзянского языка, является непосредственно дательное значение. Оно проявляется в тех случаях, когда имя существительное в форме датива в предложении обозначает адресата; предмет или лицо, к которому направлено обращение, действие; цель, назначение предмета и отвечает на вопросы «кому?», «чему?». В таких значениях датив в большинстве случаев несет на себе функцию непрямого (косвенного) объекта действия и имеет формы как неопределенного (***-n'en' /-nen'***), так и определенного склонений (***-n'-t'-en'***, ***-t'n'e-n'en'/-tne-n'en'***).

Инессив (внутренне-местный падеж) эрзянского языка является одним из местных падежей [1]. Форма инессива изменяется по категориям определенности-неопределенности и числа. В неопределенном склонении как в единственном, так и во множественном числе инессив имеет одну форму, образующуюся при помощи суффикса ***-so/-se***. Формы определенного склонения различаются по числам, в единственном числе падеж имеет суффикс ***-so-n't'/-se-n't'***, во множественном – ***-t'n'e-se/-tne-se***.

В нормированном языке инессив обладает многочисленными значениями и выполняет различные функции в предложении. Так, основываясь на классификации, представленной в грамматике мордовских языков, имя существительное в инессиве выражает такие значения, как: 1) место, в границах и пределах которого кто-либо, что-либо находится, пребывает, что-либо совершается, происходит, имеется; 2) средство, орудие действия; 3) предмет, лицо, которые чем-либо покрыты, одеты, наполнены, насыщены; 4) способ совершения действия или проявления признака; 5) содержание предмета; 6) состояние (физическое, психическое); 7) признак предмета; 8) предмет игры; 9) характер болезни [2].

По другой классификации, данной в грамматике эрзянского языка, большая часть значений инессива совпадает с вышеизложенными, например обозначение места, способа действия; признака предмета по месту, величине; средства передвижения, совершения действия. Кроме этого, в грамматике эрзянского языка дополнительно отмечается такое значение инессива, как признак предмета по времени.

Из приведенных классификаций следует, что в предложении основной функцией инессива является функция обстоятельства места, способа действия, времени, средства, инструмента. Наряду с отмеченными классификациями мордовских языковедов Р. Бартенс параллельно со значениями выделяет

также функции инессива. Так, по мнению Р. Бартенс, инессив является падежом, выражающим: 1) место нахождения: а) в функции обстоятельства: *sin' vas'n'a er'as't'* ***Moskovso*** – они раньше жили в Москве, б) в функции локативного предикатива: *bojar avas'* ***kudoso*** – боярыня дома; 2) средство, инструмент в функции обстоятельства: *kavto* ***sokaso*** *sokaz'* – двумя плугами вспахано; 3) способ, манеру в функции обстоятельства: *jutas' pokš* ***eskel'ksse*** – прошел большими шагами; 4) объект действия (в редких случаях): *vejke* ***loman'se*** *s'is'em lomat't' a učit'* – одного человека семеро не ждут; 5) атрибут: *kolmo* ***ijese*** *c'orazo* – его трехлетний мальчик [3].

Наряду с обозначением места действия инессив в предложении может выполнять функцию обстоятельства также и в том случае, когда используется для выражения орудия или средства совершения действия. Как отмечают в грамматиках мордовских языков [2], а также по мнению Р. Бартенс, инессив в данном значении чаще всего выступает в неопределенном склонении. В некоторых случаях инессив может использоваться с суффиксами притяжательности.

Параллельно значениям инессива неопределенного склонения Р. Бартенс выделяет также некоторые особенности использования форм данного местного падежа в определенном склонении. Так, по ее мнению, инессивный объект действия чаще всего является определенным и поэтому выражается при помощи инессива определенного склонения. Примеры, данные в вышеприведенных классификациях, показывают, что инессив определенного склонения является падежом, обозначающим также и место совершения действия.

В эрзянском языке элатив (исходный падеж) относится к местным падежам [1]. Элатив имеет суффиксы ***-sto/-ste***. С помощью этих суффиксов образуются формы имен существительных в неопределенном склонении как в единственном, так и во множественном числах. В определенном склонении элатив имеет следующие суффиксы: в единственном числе – ***-sto-n't'/-ste-n't'***, во множественном числе – ***-t'n'e-ste/-tne-ste***.

В литературном, нормированном языке элатив имеет различные значения и при этом может выполнять несколько функций в предложении. Остановимся подробнее на значениях и функциях элатива. Согласно грамматике мордовских языков имя существительное в элативной форме выражает следующие значения: 1) место, откуда, из которого, с поверхности которого уходит, удаляется, отправляется что-либо; берут, получают, находят что-либо; откуда началось, исходит действие, движение; 2) предмет, изнутри которого направлено действие другого предмета; 3) предмет, служащий началом движения в пространстве; 4) объект отстранения, отчуждения; 5) признак по месту, материалу; 6) время, с момента которого что-либо начинается, в течение которого действие совершается, продолжается, истекает [2].

В новой грамматике эрзянского языка наряду с вышеприведенными указывается еще одно значение элатива. Формулируется оно как «средство, орудие совершения действия» [1].

В представленных классификациях описываются лишь значения падежа и не исследуются его функции в предложении. Р. Бартенс же при исследовании элатива параллельно значениям отмечает также и функции падежа. Элатив обозначает: 1) место отправления, удаления: а) в функции обстоятельства: *l'is's'* ***kas'kasto*** – вышел из подпола, б) в функции предикатива: *mon* ***Moskustan*** – я из Москвы (прибыл); 2) материал, из которого что-либо дела-

ется, в функции обстоятельства: *valoms* ***s'ijasto*** – отлить из серебра; 3) происхождение в функции предикатива: *son is't'amo a-pokš* ***vel'este*** – он из такой небольшой деревни; 4) время в функции обстоятельства: *er'va* ***čiste*** *školado mejl'e tonavt'n'esin'z'e urokonzo* – каждый день после школы он делал свои уроки [3].

А. Алхониеми указывает также на некоторые отличительные особенности данного падежа в категории определенности-неопределенности. Элатив неопределенного склонения типичен для выражения таких значений, как материал, происхождение, время. Элатив с морфемой определенности может использоваться в остальных случаях, а также в послеложных конструкциях с послелогом *ez'* , маркируя послелог, например: *sin' mejl'e karmas't' s'imeme* ***vinan't' ejste*** – они потом начали пить вино [6].

Иллатив эрзянского языка относится к группе местных падежей [1]. Форма иллатива изменяется по категориям определенности-неопределенности и числа. В неопределенном склонении иллатив оформляется при помощи суффикса ***-s***. Иллатив единственного числа определенного склонения совпадает с формой датива определенного склонения и образуется посредством суффикса ***-n'-t'-en'***, а во множественном числе при помощи суффикса ***-t'n'e-s/-tne-s***.

Являясь одним из местных падежей, иллатив в нормированном эрзянском языке в большинстве случаев выражает значение места действия. Наряду с этим иллатив обладает и другими значениями, не связанными с его основным – место направления. Основываясь на классификациях, составленных разными учеными и представленных в разных грамматиках мордовских языков, опишем подробно значения иллатива.

Так, имя существительное в иллативе может выражать: 1) предмет, вовнутрь или на поверхность которого направлено движение другого предмета; 2) цель, причину действия; 3) предел во времени; 4) предел действия; 5) предмет, в соприкосновении с которым находится кто-либо или что-либо [2].

В классификации, представленной в новой грамматике эрзянского языка, помимо уже описанных выше значений иллатива выделяется еще одно. Формулируется оно как «предмет, которому необходимо привыкнуть» [1, с. 86]. Иными словами, иллатив обозначает предмет, служащий объектом совершаемого действия.

Р. Бартенс, описывая значения иллатива и его функции в предложении, выделяет только два момента, такие как: 1) обозначение места направления в функции обстоятельства: *mol'an es'in'* ***kudos*** – иду в свой дом; 2) обозначение цели, причины в функции обстоятельства с глаголами движения: ***pangs*** *mol'ems* – ходить по грибы.

Наряду с этим Р. Бартенс отмечает также, что в определенном склонении функции иллатива несет на себе датив определенного склонения, т.к. оба падежа совпадают по форме в определенном склонении.

Латив (направительный падеж) в эрзянском языке принадлежит к разряду местных падежей. Суффиксом латива является морфема ***-v***. Латив не изменяется по категориям определенности-неопределености и числа, следствием чего является отсутствие у него других суффиксальных морфем.

Латив в отличие от других местных падежей не обладает большим количеством значений. Имена существительные, маркированные лативным суффиксом, в большинстве случаев обозначают предметы, имеющие про-

странственное измерение и вмещающие в себя другие предметы. Основные значения латива следующие: 1) место, куда направлено действие; 2) направление действия с целевым значением [2].

Р. Бартенс, описывая латив, выделяет у него одно значение – значение направления, при котором латив выполняет функцию обстоятельства: *pras'* ***mastorov*** – упал на землю.

Наряду с этим Р. Бартенс также отмечает отсутствие у латива формы в определенном склонении. Данный факт объясняется тем, что латив является грамматической категорией не только имен существительных, но связан также и с наречиями.

Значения латива во многом сходны с основными значениями иллатива. Многие языковеды относят лативный падеж к разновидности иллатива, объясняя это деятельностью латива с очень ограниченной группой слов. А. Алхониеми, исследуя местные падежи, также отмечает сходство между лативом и иллативом. Так, ни латив, ни иллатив не имеют формы в единственном числе определенного склонения, и поэтому их функции передаются через суффикс датива определенного склонения ***-n'-t'-en'***. Однако при этом важно отметить, что чаще всего латив обозначает то, куда направлено движение, а иллатив то, где оно заканчивается [6, с. 34], например: *mol's' s'e* ***kudin'en't'en'****, sovas'* ***kudon't'en'*** – пошел к этому дому, зашел внутрь дома.

Пролатив (переместительный падеж) эрзянского языка является одним из пяти местных падежей. Форма пролатива в эрзянском языке образуется при помощи суффиксов ***-va***, ***-ga***, ***-ka***, которые используются в зависимости от основы слова. Пролатив изменяется по категории определенности-неопределенности, имея в определенном склонении суффиксы ***-va-n't'***, ***-ga-n't'***, ***-ka-n't'***; а также по категории числа в определенном склонении, образуясь при помощи суффикса ***-t'n'e-va/-tne-va*** множественного числа [1].

Имя существительное в форме пролатива выражает разные значения. В грамматике мордовских языков выделяют семь значений пролатива, а именно: 1) место, в пределах или на внешней поверхности которого что-либо распространяется, находится, кто-либо проходит, перемещается; 2) место, в пределах которого распространяется, размещается что-либо; 3) место, через или сквозь которое что-либо или кто-либо перемещается, передвигается; 4) предел, мера, предмет, указывающий на уровень чего-либо; 5) предмет, который служит признаком выделения или отличия другого предмета от всех прочих, подобных ему; 6) время совершения действия; 7) место расчленения предмета [2].

Большинство описанных значений пролатива связано с выражением места совершения действия. В новой грамматике эрзянского языка выделяют три основных значения падежа, объединив те из них, которые связаны с выражением места, в одно.

Р. Бартенс наряду с определением значений пролатива рассматривает данный падеж и с точки зрения его функций в предложении. Бартенс описывает пролатив как падеж, выражающий: 1) место, сквозь или через которое что-либо, кто-либо перемещается, в функции обстоятельства: *S'oma jaki* ***ki-jakska*** – Сема ходит по полу; 2) место нахождения, пребывания: а) в функции обстоятельства (в отличие от инессива обозначает менее четкое место): *er'it'* ***vel'eva*** – они живут в деревнях, б) в функции предикатива: ***ken'er'evat*** *ožanzo,* ***surpir'avat*** *nulanzo,* ***kol'inkava*** *pal'azo,* ***kočkar'avat*** *nulanzo* – по ло-

коть его рукава, до пальцев его тряпье, до колен его рубашка, до пят его тряпье; 3) время в функции обстоятельства: *t'e* ***porava*** – к этому времени.

Использование пролатива в определенном склонении не имеет особенностей, отличающих его от значений в неопределенном склонении.

Как показывает проведенное исследование, не все значения падежей, а тем более их синтаксические функции в полном объеме представлены в имеющихся грамматиках эрзянского языка. Сравнительный анализ позволил выделить наибольшее количество значений субъектно-объектных и местных падежей эрзянского языка, а также раскрыть их синтаксические функции.

Список литературы

1. Эрзянь кель. Морфология / под ред. Д. В. Цыганкина и др. – Саранск : Красный Октябрь, 2000. – 280 с.
2. Грамматика мордовских языков / под ред. Д. В. Цыганкина. – Саранск : Изд-во Мордовск. ун-та, 1980. – 432 с.
3. **Bartens, R.** Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. SUS 232 / R. Bartens. – Helsinki, 1999. – 184 s.
4. **Бубрих, Д. В.** Историческая грамматика эрзянского языка / Д. В. Бубрих. – Саранск : Мордовское книжное изд-во, 1953. – 264 с.
5. **Серебренников, Б. А.** Историческая морфология мордовских языков / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1967. – 262 с.
6. **Alhoniemi, A.** Mordvan sijasynkretismistä / A. Alhoniemi // Sananjalka. – 1992. – № 34. – S. 33–45.

Мосина Наталья Михайловна
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра финно-угорского
и сравнительного языкознания,
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева

Mosina Natalya Mikhailovna
Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of Finno-Ugric and comparative linguistics,
Mordovia State University
named after N. P. Ogarev

E-mail: natamish@rambler.ru

УДК 811.511.152.1'366.54'371'367.6

Мосина, Н. М.

Семантические и синтаксические функции морфологических падежей в эрзянском языке / Н. М. Мосина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 65–74.

П Е Д А Г О Г И К А

УДК 37.001.5

С. Н. Дорофеев, Е. А. Емелина

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРИЕМЫ В ОБУЧЕНИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ МАТЕМАТИЧЕСКИМ МЕТОДАМ РЕШЕНИЯ ПРИКЛАДНЫХ ЗАДАЧ

Аннотация. В статье представлена система задач реального содержания, обусловливающая как повышение качества математических знаний старшеклассников, так и способствующая повышению уровня сформированности умения применять эти знания в решении прикладных задач. Разработанная система задач служит эффективным средством интеграции математического образования.

Ключевые слова: математическое образование, интеграция образования, прикладные задачи, векторный метод.

Abstract. In this article represented system of real tasks, which allows improving quality of mathematic knowledge of students, also it help's to increase a level of ability to use this knowledge in solving real problems. Developed system of tasks is an effective method of integration mathematician education.

Keywords: mathematic education, integration of education, real tasks, vector method.

В современном мире в связи с быстро меняющимися техническими средствами его преобразования каждому индивиду необходимо овладение математическими методами. Поэтому разработка научных основ обучения математике является одной из актуальных задач методики преподавания естественных наук, в частности математики и физики [1]. На первый план выдвигается задача поиска оптимальных форм, методов и средств обучения школьников построению математических моделей, наиболее точно описывающих реальные процессы.

В школьном курсе геометрии в рамках углубленного изучения предмета учащиеся знакомятся с понятием вектора, с длиной вектора, его направлением и основными операциями над векторами, такими как сложение векторов, умножение вектора на число, скалярное и векторное произведения [2]. Для учащихся эти понятия являются новыми, и для их усвоения требуется значительное количество времени, отводимого на формирование у них умения применять понятия векторной алгебры к решению задач, связанных с описанием реальных процессов [3]. На их примерах у учащихся формируются элементарные представления о тернарных отношениях, определенных на множествах, состоящих из разных объектов. Построение школьных курсов математики и физики обладает достаточно высоким потенциалом, способствующим формированию у учащихся простейших представлений и о тетрарных отношениях, определенных на множествах, состоящих из элементов произвольной природы. Одним из важных примеров тетрарного отношения, определенного на множествах произвольной природы, служит смешанное произведение векторов. Однако смешанному произведению векторов в програм-

ме школьного курса геометрии внимание не уделяется. В то же время в процессе изучения физики в разделе «Электродинамика» это понятие используется при выведении формул для вычисления электродвижущей силы и магнитного потока для специального вида поверхностей.

В нашей работе мы предлагаем методику изучения смешанного произведения на факультативном курсе и систему прикладных задач, иллюстрирующих физический смысл смешанного произведения и его свойств. С этой целью мы знакомим учащихся с понятием смешанного произведения и его свойствами. С целью более глубокого и осознанного усвоения этого понятия мы предлагаем учащимся задачи векторного характера на закрепление знания его существенных признаков и свойств.

В качестве примера, иллюстрирующего применение смешанного произведения векторов, исследуем понятие магнитного потока. Как известно, магнитным потоком Φ через некоторую поверхность S называется скалярная величина, численно равная произведению модуля вектора магнитной индукции $\left|\vec{B}\right|$ на площадь этой поверхности и косинус угла α между нормалью $\vec{n}$ к ней и направлением вектора магнитной индукции $\vec{B}$: $\Phi = \left|\vec{B}\right| \cdot S \cdot \cos\alpha$.

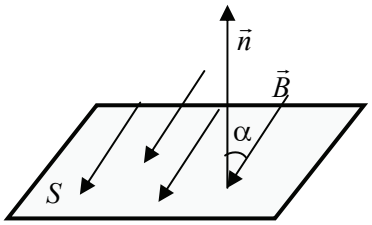


Рис. 1 Элементарная площадка

В общем случае, если поле не однородно, площадь поверхности делят на элементарные площадки (как правило, эти площадки представляют собой прямоугольники или параллелограммы) и вычисляют магнитные потоки как сумму полученных элементарных магнитных потоков (рис. 1).

Рассмотрим магнитную рамку, изготовленную в форме параллелограмма, со сторонами, определяемыми векторами $\vec{a}$ и $\vec{b}$, образующими угол γ (рис. 2). Тогда площадь рамки можно найти по формуле $S = \left|\vec{a}\right|\left|\vec{b}\right|\sin\gamma$.

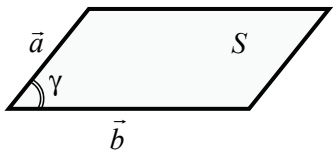


Рис. 2 Магнитная рамка в форме параллелограмма

Важно обратить внимание обучаемых на тот факт, что эта хорошо известная им формула для вычисления площади параллелограмма определяет модуль векторного произведения двух неколлинеарных векторов. Таким образом, для площади параллелограмма имеем $S = \left|\vec{a} \times \vec{b}\right|$. С другой стороны,

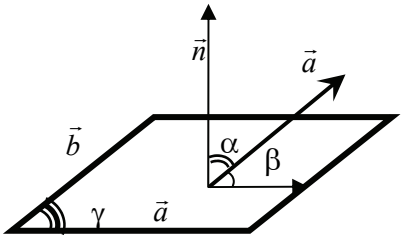
магнитный поток, проходящий через рамку площади S, равен $\Phi = \left|\vec{B}\right| \cdot S \cdot \cos\alpha$. Так как $S = \left|\vec{a} \times \vec{b}\right|$, то получаем, что $\Phi = \left|\vec{B}\right| \cdot \left|\vec{a} \times \vec{b}\right| \cdot \cos\alpha$, где α – угол между векторным произведением $\vec{n} = \vec{a} \times \vec{b}$ и направлением вектора магнитной индукции $\vec{B}$. С целью обучения старшеклассников умению анализировать конкретную ситуацию в данном случае важно заострить их внимание на правой части формулы $\Phi = \left|\vec{B}\right| \cdot \left|\vec{a} \times \vec{b}\right| \cdot \cos\alpha$. В этой части находится скалярное произведение вектора магнитной индукции $\vec{B}$ и векторного произведения $\vec{n} = \vec{a} \times \vec{b}$, т.е. $\Phi = \vec{B} \cdot \left(\vec{a} \times \vec{b}\right)$. Как показывает наш опыт, учащиеся обычно самостоятельно или с незначительной помощью учителя делают вывод о том, что смешанное произведение трех некомпланарных векторов имеет важный физический смысл: величина, численно равная значению смешанного произведения трех некомпланарных векторов $\vec{B}, \vec{a}, \vec{b}$, определяет магнитный поток Φ, протекающий через рамку, имеющую форму параллелограмма, построенного на векторах $\vec{a}, \vec{b}$.

Изложенная нами концепция изучения смешанного произведения способствует не только углублению математических знаний учащихся, но и формирует в их сознании устойчивую мотивацию к изучению предметов физико-математического цикла. С целью усиления процесса формирования мотивационного и содержательного компонентов обучения мы предлагаем использовать следующую систему задач.

Задача 1. Проволочная рамка, имеющая форму параллелограмма со сторонами 30 и 20 см и углом между ними 30°, помещена в магнитное поле. Плоскость рамки составляет с направлением магнитного поля угол 30°. Магнитный поток, пронизывающий поверхность, ограниченную рамкой, равен 0,02 Вб. Найти индукцию магнитного поля. Поле считать однородным.

Дано:	*СИ*:	*Решение.* Чтобы найти индукцию магнитного поля $\vec{B}$, воспользуемся его определением магнитного потока Φ, пронизывающего данную проволочную рамку. Как отмечено выше, магнитный поток Φ можно найти из смешанного произведения векторов $\vec{B}, \vec{a}, \vec{b}$, т.е. $\Phi = \vec{B} \cdot \left(\vec{a} \times \vec{b}\right)$. Выразим модуль магнитной индукции $\vec{B}$ из определения магнитного потока. Получим $\left|\vec{B}\right| = \Phi / \left(\left|\vec{a}\right| \cdot \left|\vec{b}\right| \cdot \sin\gamma \cdot \cos\alpha\right)$. По условию задачи нам не известен угол α между векторами $\vec{n}$ и $\vec{B}$.
a = 30 см	0,3 м	
b = 20 см	0,2 м	
$\gamma = 30°$		
$\beta = 30°$		
Φ = 0,02 Вб		
Найти:		
B – ?		

Строим чертеж и указываем на нем известные величины: стороны параллелограмма a и b, вектора нормали $\vec{n}$ и индукции $\vec{B}$ и углы β и γ.



По чертежу находим угол α между векторами $\vec{n}$ и $\vec{B}$. Очевидно, что $\alpha = 90° - \beta$. Тогда получаем $\left|\vec{B}\right| = \Phi / \left(\left|\vec{a}\right| \cdot \left|\vec{b}\right| \cdot \sin\gamma \cdot \cos(90° - \beta)\right)$.

Проверяем: $B = \left[\text{Вб}/(\text{м}\times\text{м}) = \left(\text{Тл}\times\text{м}^2\right)/(\text{м}\times\text{м}) = \text{Тл}\right]$.

$$B = \frac{0,02}{0,3 \cdot 0,2 \cdot \sin 30° \cdot \cos(90° - 30°)} = \frac{0,02}{0,06 \cdot 0,5 \cdot 0,5} = \frac{0,02}{0,015} \approx 1,3\text{Тл}.$$

Ответ: $B \approx 1,3$ Тл.

В процессе решения данной задачи учащиеся овладевают не только приемами вычисления величины магнитного потока, но и осваивают приемы применения формулы для вычисления площади параллелограмма, заданного двумя сторонами и углом между ними в новых условиях.

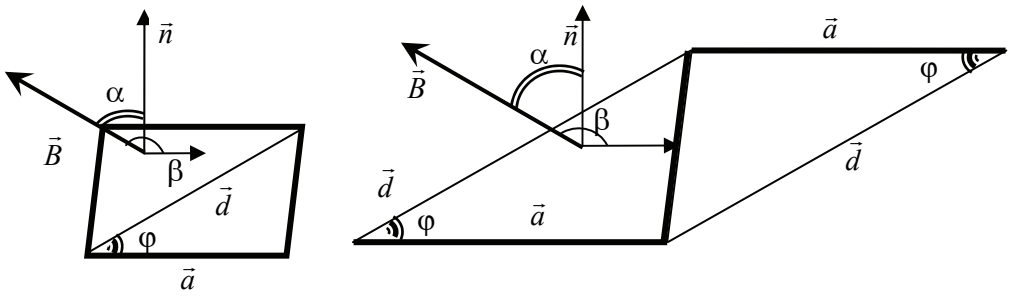
Задача 2. Магнитный поток внутри контура, имеющего форму параллелограмма со стороной, определяемой вектором $\vec{a}$ и большей диагональю, определяемой вектором $\vec{d}$, направлен под углом 150° к плоскости контура и равен 0,04 Вб. Найти индукцию магнитного поля, пронизывающего контур, если $\left|\vec{a}\right|$ = 6 см и $\left|\vec{d}\right|$ = 10 см и угол между ними равен 30°.

Вначале кратко записываем условия задачи. Обозначим угол между стороной, определяемой вектором $\vec{a}$ и большей диагональю $\vec{d}$, через φ.

Дано:	*СИ*:
a = 6 см	0,06 м
d = 10 см	0,1 м
φ = 30°	
β = 150°	
Φ = 0,04 Вб	
Найти:	
B – ?	

Решение. Чтобы найти индукцию магнитного поля $\vec{B}$, воспользуемся определением магнитного потока $\Phi = \left|\vec{B}\right| \cdot S \cdot \cos\alpha$. Напоминаем, что контур изготовлен в форме параллелограмма со стороной, определяемой вектором $\vec{a}$ и большей диагональю $\vec{d}$, образующими угол φ. Для наглядности строим чертеж и указываем на нем известные величины.

С целью поиска оптимального решения данной задачи сделаем вспомогательный чертеж, на котором имеющийся параллелограмм перестроим так, чтобы в нем диагональ $\vec{d}$ стала стороной.



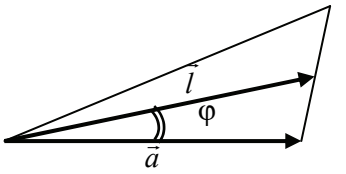
Важно напомнить школьникам тот факт, что площадь параллелограмма S равна модулю векторного произведения неколлинеарных векторов $\vec{a}$ и $\vec{d}$. Таким образом, для площади данного параллелограмма имеем $S = \left|\vec{a} \times \vec{d}\right|$. Тогда площадь поверхности, ограниченной заданным контуром, можно найти по формуле $S = \left|\vec{a}\right| \cdot \left|\vec{d}\right| \cdot \sin\varphi$.

С другой стороны, магнитный поток, проходящий через рамку площади *S,* равен $\Phi = \left|\vec{B}\right| \cdot S \cdot \cos\alpha$. В этой части находится скалярное произведение вектора магнитной индукции $\vec{B}$ и векторного произведения $\vec{n} = \vec{a} \times \vec{d}$, т.е. $\Phi = \vec{B} \cdot \left(\vec{a} \times \vec{d}\right)$. Находим угол α между векторами $\vec{n}$ и $\vec{B}$. Получаем α = 150° – 90° = 60°. Следовательно, $B = \dfrac{\Phi}{\left|\vec{a}\right| \cdot \left|\vec{d}\right| \cdot \sin\varphi \cdot \cos\alpha} = \dfrac{\Phi}{\left|\vec{a}\right| \cdot \left|\vec{d}\right| \cdot \sin\varphi \cdot \cos 60°}$. $B = \left[\dfrac{\text{Вб}}{\text{м} \times \text{м}} = \dfrac{\text{Тл} \times \text{м}^2}{\text{м} \times \text{м}} = \text{Тл}\right]$.

Вычисляем: $B = \dfrac{0{,}04}{0{,}06 \cdot 0{,}1 \cdot \sin 30° \cdot \cos 60°} = \dfrac{0{,}04}{0{,}006 \cdot 0{,}5 \cdot 0{,}5} \approx 26{,}7$ Тл.

Ответ: $B \approx 26{,}7$ Тл.

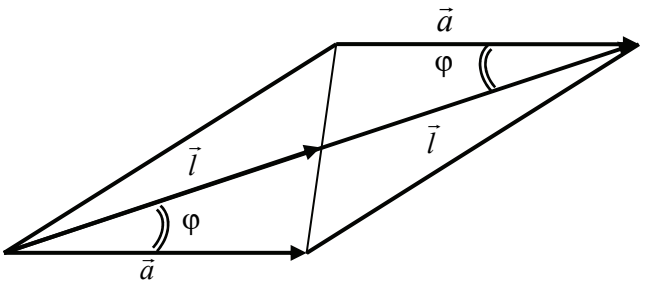
Задача 3. Контур, имеющий форму треугольника со стороной и медианой, определяемыми векторами $\vec{a}$ и $\vec{l}$, угол между которыми равен 30°, помещен в магнитное поле под углом 30°. Магнитный поток внутри контура равен 2,5 мВб. Найти индукцию магнитного поля, пронизывающего контур, если $\left|\vec{a}\right| = 4$ см и $\left|\vec{l}\right| = 5$ см. Поле считать однородным.



Дано:	*СИ*:
$\left\|\vec{a}\right\| = 4$ см	0,04 м
φ = 30°	
$\left\|\vec{l}\right\| = 5$ см	0,05 м
β = 30°	
$\Phi = 2{,}5$ мВб	$2{,}5 \cdot 10^{-3}$ Вб
Найти:	
B – ?	

Решение. Магнитный поток, проходящий через рамку, равен смешанному произведению векторов $\Phi = \vec{B} \cdot \left(\vec{a} \times \vec{b}\right)$, а следовательно, $\Phi = \left|\vec{B}\right| \cdot \left|\vec{a} \times \vec{b}\right| \cdot \cos\alpha$.

Строим дополнительный чертеж. В целях упрощения решения математической части задачи дополним треугольник до параллелограмма (площадь полученной фигуры в два раза больше площади данного треугольника). По чертежу видно, что площадь треугольника равна 1/2 площади параллелограмма.



Для случая, если рамка имеет форму параллелограмма, мы можем записать: $S = \left|\vec{a} \times 2\vec{l}\right|$. По свойству векторного произведения для любых двух векторов $\vec{a}$ и $\vec{b}$ и любого числа α имеет место равенство $(\alpha\vec{a}) \times \vec{b} = \alpha\vec{a} \times \vec{b}$; $\vec{a} \times (\alpha\vec{b}) = \alpha\vec{a} \times \vec{b}$, т.е. $S = 2\left|\vec{a} \times \vec{l}\right|$. Напоминаем, что площадь данного по условию треугольника в 2 раза меньше площади параллелограмма. Тогда получаем, что: $S_{\text{треуг}} = \dfrac{1}{2}\left|\vec{a} \times 2\vec{l}\right| = \left|\vec{a} \times \vec{l}\right|$.

Как сказано ранее, магнитный поток, проходящий через рамку в форме параллелограмма, равен скалярному произведению вектора магнитной индукции $\vec{B}$ и векторного произведения $\vec{n} = \vec{a} \times 2\vec{l}$, т.е. $\Phi = \vec{B} \cdot \left(\vec{a} \times \vec{l}\right) = \vec{B} \cdot \left(\vec{a} \times \vec{l}\right)$.

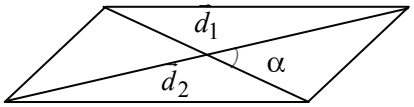
Находим угол α между векторами $\vec{n}$ и $\vec{B}$. Получаем α = 90° – 30° = 60°. Следовательно, $B = \dfrac{2\Phi}{|\vec{a}| \cdot |\vec{l}| \cdot \sin\varphi \cdot \cos\alpha} = \dfrac{2\Phi}{|\vec{a}| \cdot |\vec{l}| \cdot \sin\varphi \cdot \cos 60°}$.

Проверяем: $B = \left[\dfrac{\text{Вб}}{\text{м} \times \text{м}} = \dfrac{\text{Тл} \times \text{м}^2}{\text{м} \times \text{м}} = \text{Тл} \right]$.

Вычисляем: $B = \dfrac{2 \cdot 2{,}5 \cdot 10^{-3}}{0{,}04 \cdot 0{,}05 \cdot \sin 30° \cdot \cos 60°} = \dfrac{2 \cdot 2{,}5 \cdot 10^{-3}}{0{,}04 \cdot 0{,}05 \cdot 0{,}5 \cdot 0{,}5}$ = 25 Тл.

Ответ: B = 25Тл.

Задача 4. Проволочная рамка, имеющая форму выпуклого четырехугольника, помещена в магнитное поле с индукцией 0,3 Тл под углом 45°.



Найти магнитный поток, пронизывающий поверхность, ограниченную рамкой, если диагонали четырехугольника равны $|\vec{d}_1|$ = 15 см и $|\vec{d}_2|$ = 8 см и угол между ними α = 30°.

Примечание: $S = |\vec{d}_1 \times \vec{d}_2|$.

Ответ: $\Phi \approx$ 12,7 Вб.

Задача 5. Проволока, изогнутая в форме треугольника, определяемого векторами $\vec{a}$ и $\vec{b}$, помещена в однородное магнитное поле с индукцией 400 мТл под углом 45°. Найти магнитный поток, пронизывающий контур проволоки, если $|\vec{a}|$ = 7 см и $|\vec{b}|$ = 5 см и угол между ними равен 30°.

Примечание: $S = 1/2\left(|\vec{a} \times \vec{b}|\right)$.

Ответ: $\Phi \approx$ 0,25 мВб.

Рассмотрим применение векторного и смешанного произведений в решении количественных задач по физике по теме «ЭДС индукции». Известно, что в цепи появляется электрический ток в том случае, когда на свободные заряды действуют сторонние силы. Работу этих сил при перемещении положительного единичного заряда вдоль замкнутого контура называют электродвижущей силой (ЭДС). Следовательно, при изменении магнитного потока через поверхность, ограниченную контуром, в нем появляются сторонние силы, действие которых характеризуется ЭДС, называемой ЭДС индукции, обозначаемой ε_i. При движении проводника его свободные заряды движутся вместе с ним. Поэтому на заряды со стороны магнитного поля действует сила Лоренца. Она вызывает перемещение зарядов внутри проводника. Вычислим ЭДС индукции в прямоугольном контуре, помещенном в однородное магнитное поле.

Пусть сторона контура *MN* длиной *l* скользит с постоянной скоростью $\vec{v}$ вдоль сторон *NC* и *MD,* оставаясь все время параллельной стороне *CD.* Вектор магнитной индукции однородного поля перпендикулярен проводнику *MN* и составляет угол α с направлением его скорости (рис. 3).

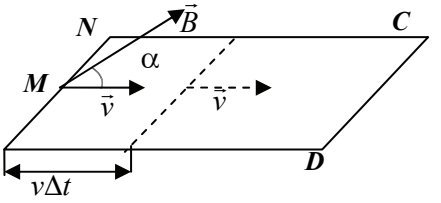


Рис. 3

Сила Лоренца, с которой магнитное поле действует на движущуюся заряженную частицу, равна:

$$\vec{F}_{\text{Л}} = I \cdot \Delta\vec{l} \times \vec{B} = \frac{q}{\Delta t} \cdot \left(\Delta\vec{l} \times \vec{B}\right) = q \cdot \frac{\Delta\vec{l}}{\Delta t} \times \vec{B} = q \cdot v \times \vec{B}.$$

Направлена эта сила вдоль проводника *MN.* Работа составляющей силы Лоренца при перемещении заряда вдоль проводника от *M* к *N* равна:

$$A = \vec{F}_{\text{Л}} \cdot \vec{l} = q \cdot \left(\vec{v} \times \vec{B}\right) \cdot \vec{l} \ .$$

Электродвижущая сила индукции ε_i в проводнике *MN* равна по определению отношению работы *A* по перемещению положительного заряда *q* к этому заряду:

$$\varepsilon_i = \frac{A}{q} = \frac{q \cdot \left(\vec{v} \times \vec{B}\right) \cdot \vec{l}}{q} = \left(\vec{v} \times \vec{B}\right) \cdot \vec{l} \ ,$$

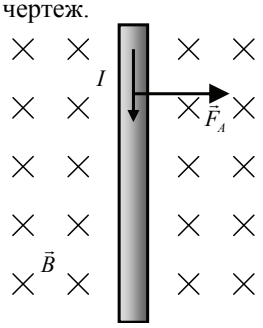
где $\vec{l}$ – вектор перемещения частицы по проводнику.

Эта формула справедлива для проводника любой формы длиной *l,* движущегося со скоростью $\vec{v}$ в однородном магнитном поле. Если другие проводники данного контура неподвижны, то в них ЭДС равна нулю. Анализируя полученные формулы, обращаем внимание старшеклассников на то, что работа составляющей силы Лоренца при перемещении заряда вдоль проводника и ЭДС содержат смешанные произведения векторов $\vec{l}$, $\vec{v}$, $\vec{B}$. Таким образом, учащиеся самостоятельно делают вывод еще об одном важном применении векторного и смешанного произведений векторов при исследовании конкретных реальных ситуаций. С целью закрепления умения применять скалярное, векторное и смешанное произведения к решению прикладных задач, связанных с вычислением электродвижущей индукции в проводнике, мы предлагаем использовать следующую систему задач.

Задача 6. В однородном магнитном поле, индукция которого равна 0,5 Тл, равномерно движется проводник длиной 10 см. По проводнику течет ток в 2 А, скорость движения проводника равна 20 см/с, угол между направ-

лением силы тока и вектором магнитной индукции равен 30°. Найти работу перемещения проводника за 10 с движения.

Дано:	*СИ*:	*Решение.* Сделаем чертеж.
Δl = 10 см	0,1 м	
B = 0, 5 Тл		
v = 20 см/с	0,2 м/с	
v = const		
I = 2А		
α = 30°;		
t = 10 с		
Найти:		
A – ?		



Изобразим магнитное поле, вектор магнитной индукции $\vec{B}$ которого направлен от нас. Сила Ампера $\vec{F}_A$, действующая на проводник с током (направление тока вниз по проводнику согласно правилу левой руки), направлена вправо.

Сила Ампера $\vec{F}_A$, определяемая по закону Ампера, равна: $\vec{F}_A = I \cdot \vec{B} \times \Delta\vec{l}$, где α – угол между направлениями вектора индукции магнитного поля и тока.

Работу по перемещению заряда определяем по формуле $A = \vec{F} \cdot \vec{S}$, где $\vec{F} = \vec{F}_A$. Тогда получаем, что $A = \vec{F}_A \cdot \vec{S} = I \cdot \vec{B} \times \Delta\vec{l} \cdot \vec{S}$, $A = I \cdot \left|\vec{B}\right| \cdot \left|\Delta\vec{l}\right| \cdot \sin\alpha \cdot \left|\vec{S}\right|$.

По условию задачи нам неизвестно перемещение. Перемещение при равномерном движении равно $\vec{S} = \vec{v}\,t$, следовательно, $A = I \cdot B \cdot \Delta l \cdot v \cdot t \cdot \sin\alpha$.

Проверяем: A = [А · Тл · м · м/с · с = А · м · $\frac{Н}{А \cdot м}$ · м = Н · м = Дж].

Вычисляем: α = 30° => sin 30° = 1/2, A = 2 · 0,5 · 0,1 · 1/2 · 0,2 · 10 = 0,1 Дж.

Ответ: A = 0,1 Дж.

Задача 7. Прямолинейный проводник длиной 86 см движется со скоростью 14 м/с в однородном магнитном поле с индукцией 0,025 Тл. Определить угол между векторами индукции поля и скорости, если в проводнике индуцируется ЭДС 0,12 В.

Дано:	*СИ:*	*Решение.* ЭДС индукции в движущемся проводнике можно определить по формуле
l = 86 см	0,86 м	
v = 14 м/с		
B = 0,025 Тл	$2{,}5 \cdot 10^{-2}$ Тл	
ε_i = 0,12 В		
Найти:		
α – ?		

$$\varepsilon_i = \frac{A}{q} = \frac{q \cdot \left(\vec{v} \times \vec{B}\right) \cdot l}{q} = \left(\vec{v} \times \vec{B}\right) \cdot l = l \cdot \left|\vec{B}\right| \cdot \left|\vec{v}\right| \cdot \sin\alpha,$$

где α – искомый угол между векторами скорости $\vec{v}$ и индукции поля $\vec{B}$.

Из полученной формулы выражаем значение $\sin\alpha = \frac{\varepsilon}{\left|\vec{B}\right| \cdot \left|\vec{v}\right| \cdot l}$, откуда получаем, что $\alpha = \arcsin\frac{\varepsilon}{\left|\vec{B}\right| \cdot \left|\vec{v}\right| \cdot l}$.

Проверяем: $\alpha = \left[\frac{В}{Тл \cdot м/с \cdot м} = \frac{Н \times м \times А \times м \times с}{Н \times А \times с \times м \times м} = 1,\ \alpha = \arcsin\frac{0{,}12}{2{,}5 \cdot 10 \cdot 14 \cdot 0{,}86}\right]$.

Ответ: $\alpha \approx 23{,}5° \approx 23°30'$.

Задача 8. Катушка перемещается в магнитном поле, индукция которого 2 Тл, со скоростью 0,6 м/с. ЭДС индукции равна 24 В. Найти активную длину проволоки в катушке, если активные части ее перемещаются перпендикулярно линиям индукции.

Дано:	*Решение.* ЭДС индукции в движущемся проводнике можно определить по формуле
$B = 2$ Тл	$$\varepsilon = \left(\vec{v} \times \vec{B}\right) \cdot l = l \cdot \left|\vec{B}\right| \cdot \left|\vec{v}\right| \cdot \sin\alpha,$$
$v = 0{,}6$ м/с	
$\varepsilon = 24$ В	
$\alpha = 90°$	где α – угол между векторами скорости $\vec{v}$ и индукции поля $\vec{B}$.
Найти:	Выразим искомую величину из формулы ЭДС индукции:
$l - ?$	$$l = \varepsilon \,/\left(\vec{v} \times \vec{B}\right) = \varepsilon \,/\left(\left|\vec{B}\right| \cdot \left|\vec{v}\right| \cdot \sin\alpha\right).$$

Вычисляем: $l = \left[\dfrac{\text{В}}{\text{Тл} \times \text{м/с}} = \dfrac{\text{Н} \times \text{м} \times \text{м} \times \text{А} \times \text{с}}{\text{А} \times \text{с} \times \text{Н} \times \text{м}} = \text{м}\right]$, $l = 24 / (2 \cdot 0{,}6 \cdot 1) = 20$ м.

Ответ: $l = 20$ м.

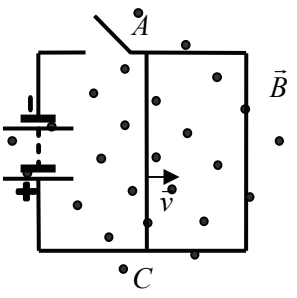
Задача 9. Прямолинейный проводник длиной 0,5 м движется в магнитном поле со скоростью 6 м/с под углом 30° к вектору магнитной индукции. Определите магнитную индукцию, если в проводнике возникает ЭДС электромагнитной индукции 3 В.

Дано:	*Решение.* ЭДС по определению равна: $\varepsilon = \left(\vec{v} \times \vec{B}\right) \cdot l = l \cdot \left|\vec{B}\right| \cdot \left|\vec{v}\right| \cdot \sin\alpha$, откуда магнитную индукцию определим следующим образом:
$l = 0{,}5$м	$$B = \frac{\varepsilon}{v \cdot l \cdot \sin\alpha},\ B = \left[\frac{\text{В}}{\text{м/с}\text{Чм}} = \text{Тл}\right].$$
$v = 6$ м/с	
$\alpha = 30°$	
$\varepsilon = 3$ В	
Найти:	Вычисляем: $B = 3 / \left(6 \cdot 0{,}5 \cdot \sin 30°\right) = 2$ Тл.
$B - ?$	*Ответ:* $B = 2$ Тл.

Задача 10. В проводнике с длиной активной части 8 см сила тока равна 50 А. Он находится в однородном магнитном поле с индукцией 20 мТл в плоскости, перпендикулярной линиям магнитной индукции. Найдите совершенную работу, если проводник переместился на 10 см строго перпендикулярно линиям магнитной индукции.

Ответ: $A = 8$ мДж.

Задача 11. Проводник AC длиной $l = 0{,}4$ м и сопротивлением $R = 4$ Ом лежит на двух горизонтальных проводниках, замкнутых на источник тока, ЭДС которого $\varepsilon_i = 2$ В. Проводники находятся в вертикальном магнитном поле с индукцией $B = 0{,}2$ Тл. Определите силу тока в проводнике, если он движется равномерно со скоростью $v = 5$ м/с: а) вправо; б) влево. Сопротивлением шин пренебречь.



Ответ: $I_а = 0{,}4$ А; $I_б = 0{,}6$ А.

Задача 12. Проволочную рамку, насчитывающую 500 витков, помещают в однородное магнитное поле, так что линии магнитной индукции перпендикулярны плоскости витков. Катушка присоединена к гальванометру. Затем катушку удаляют из поля, при этом по цепи катушки протекает заряд 10^{-2} Кл. Определите индукцию магнитного поля, если поверхность одного витка представляет из себя параллелограмм со сторонами 4 и 5 см, угол между которыми составляет 30°, а полное сопротивление цепи катушки 1 Ом. При решении использовать закон электромагнитной индукции: $\varepsilon_i = \dfrac{\Delta \Phi}{\Delta t}$.

Ответ: B = 0,02 Тл.

Таким образом, мы показали, как на примере конкретной системы задач реального содержания можно повышать качество математических знаний старшеклассников, формировать умения применять векторные методы к решению прикладных задач, организовывать самостоятельную деятельность, связанную с повторением и закреплением пройденного материала как по математике, так и по физике.

Список литературы

1. **Гордина, С. В.** Методологические основы интеграции среднего математического образования : дис. … канд. пед. наук / С. В. Гордина. – Саранск, 2002. – 178 с.
2. **Дорофеев, С. Н.** Решение геометрических задач векторным методом : учебное пособие для студентов / С. Н. Дорофеев. – М. ; Пенза : МГУ, 2000. – 55 с.
3. **Капкаева, Л. С.** Задачи как средство реализации интегративной функции обучения математике в средней школе / Л. С. Капкаева // Гуманизация математического образования в школе и вузе : межвуз. сборник научных трудов. – Вып. 2. – Саранск : Поволжск. отд. РАО МГПИ им. М. Е. Евсевьева, СВМО, 2002. – С. 57–68.

Дорофеев Сергей Николаевич
доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой математики,
Пензенская государственная
технологическая академия

Dorofeev Sergey Nikolaevich
Doctor of pedagogic sciences, professor,
head of sub-department of mathematics,
Penza State Technological Academy

E-mail: dorofeev@tl.ru

Емелина Елена Александровна
учитель физики, Лицей современных
технологий управления № 2

Emelina Elena Alexandrovna
Teacher of physics, lyceum
of modern management technologies № 2

E-mail: el.emelina@yandex.ru

УДК 37.001.5
Дорофеев, С. Н.
Интегративные приемы в обучении старшеклассников математическим методам решения прикладных задач / С. Н. Дорофеев, Е. А. Емелина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 75–84.

УДК 373

Л. В. Земляченко

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению теоретико-методологических основ гражданско-правового воспитания младших школьников в контексте традиционной культуры региона (на примере Республики Мордовии). Представленная в работе модель гражданско-правового воспитания младших школьников нацелена на обеспечение социально-педагогической поддержки личности и совершенствование системы гражданского воспитания младших школьников в условиях многонационального общества.

Ключевые слова: гражданско-правовое воспитание младших школьников, цель и задачи гражданско-правового воспитания, содержание гражданско-правового воспитания младших школьников, гражданственность, традиционная культура региона.

Abstract. The article is devoted to consideration of theoretical methodological basis of civil-law education for primary school in the context of the region's traditional culture (Mordovia). The model of civil-law education of younger pupils represented in the research work is aimed at the maintenance of socially-pedagogical person's support and the perfection of the system of education of civil-law of younger pupils in multinational society.

Keywords: civil-law of younger pupils, the aim and tasks of civil legal of younger pupils, the contents of civil-law of younger pupils, Citizenship, the region's traditional culture.

Среди проблем, стоящих перед российской системой образования, проблемы гражданского воспитания в многонациональном обществе являются одними из наиболее сложных, поскольку затрагивают не только вопросы гражданского становления личности, но и ее интеграции в поликультурное сообщество на основе этнокультурной самоидентификации, этнической толерантности и культуры межнациональных отношений. В связи с этим необходимы обновление, разработка и внедрение содержательного и технологического компонентов в процесс воспитания школьников с учетом этнокультурных особенностей народов России.

Говоря о традиционной культуре многонационального региона, мы имеем в виду совокупность этнических культур народов, проживающих на его территории. В свою очередь, традиционная этническая культура представляет собой часть культуры этноса, основанную на устойчивых, сформировавшихся в этногенезе, передающихся из поколения в поколение традициях во всех сферах культуры – материальной, духовной, социальной (Л. Н. Бережнова и др.). Она пронизывает все уровни идентификации личности (этнической, национальной, общечеловеческой), а ее освоение создает реальную основу для формирования гражданственности.

Республика Мордовия – национальный регион, представляющий собой полиэтническое единство, социально-культурное образование, интернациональную общность, поэтому рассмотрение вопросов гражданского становления личности в данных условиях позволяет учесть тенденции развития рос-

сийского образования и этнических особенностей народов, населяющих республику.

Мы исходим из понимания смысла гражданско-правового воспитания как элемента общей системы гражданского образования (Н. М. Воскресенская), процесса формирования гражданственности как интегративного качества личности (В. А. Сластенин и др.), позволяющего человеку ощущать себя юридически, социально, нравственно и политически дееспособным. Формирование гражданственности невозможно без системы правового воспитания, направленного на развитие правового сознания и мышления, правовой культуры личности, формирование законопослушания.

Гражданско-правовое воспитание школьников – непрерывный процесс на протяжении всех лет обучения ребенка. Особая роль в нем принадлежит начальной школе, являющейся основой, на которой выстраивается последующее воспитание личности. Первый этап обучения в школе – это период эмоционального освоения всеобщих духовно-нравственных ценностей, составляющих базу любой человеческой культуры. Психолого-возрастные особенности ребенка младшего школьного возраста создают благоприятные предпосылки для освоения и интериоризации этих ценностей. Кроме того, в современных условиях возрастает необходимость профилактики противоправного поведения среди детей, не несущих за него юридической ответственности, в целях предупреждения накопления опыта безнаказанных поступков.

Вопросы содержательного наполнения и организации гражданского и правового воспитания на начальной ступени школы раскрываются в работах В. В. Антонова, Е. Г. Каширцевой, Т. В. Коршуновой, А. Ф. Никитина, Я. В. Соколова, З. К. Шнекендорфа и др. В то же время следует признать недостаточность научного обоснования практической реализации различных моделей и программ гражданско-правового воспитания в полиэтнической среде, что особенно ярко проявляется на ступени начального образования.

Гражданско-правовое воспитание младших школьников в контексте традиционной культуры региона включает в себя следующие компоненты: целевой, содержательный, процессуальный, аналитико-результативный.

В нормативных документах обозначены целевые ориентиры современной системы гражданского воспитания личности: формирование гражданственности, уважения к правам и свободам человека, любви к Родине [1]; воспитание патриотов России, граждан правового, демократического государства, обладающего высокой нравственностью; формирование культуры мира [2]; формирование гражданской ответственности и правового самосознания, толерантности, духовности [3]. Анализ нормативно-правовых документов, концепций и программ воспитания школьников показывает неоднозначность трактовок целей гражданского воспитания. Вместе с тем можно выделить ряд ключевых идей, характерных для большинства авторов: ориентация на общечеловеческие демократические и нравственные ценности, приоритет правовых целевых ориентиров, принцип единства прав и обязанностей, социальная ориентированность и субъектный характер цели гражданского воспитания, идея равенства представителей различных этнических, религиозных общностей в условиях поликультурного пространства России.

Цель гражданско-правового воспитания младших школьников исходит из общей цели гражданского воспитания – формирования гражданственности личности. Обозначенную цель можно конкретизировать с учетом идей

поликультурного воспитания, сформулировав основные *задачи* гражданско-правового воспитания младших школьников в условиях многонационального региона:

– формирование системы гражданских ценностей личности на основе этнических, общенациональных и общечеловеческих нравственных ценностей; приобщение к общенародным и общечеловеческим нормам морали (доброта, взаимопонимание, терпимость, трудолюбие, уважение к старшим и т.д.), к культурно-национальным традициям региона;

– развитие внутренней свободы, чувства собственного достоинства, самоуважения, способности к объективной самооценке и регуляции поведения в соответствии с системой нравственных и гражданских ценностей;

– формирование понимания и осознания своих прав и обязанностей;

– формирование ценностного отношения к человеку, его правам и свободам; к культуре, истории своего и других народов; уважительного отношения к людям разных национальностей, веротерпимости и этнической толерантности; способности к межкультурному взаимодействию через сотрудничество и диалог;

– формирование социальной активности как способа самореализации;

– формирование умения реализовывать позитивные, ненасильственные формы поведения, защищать права и свободы человека;

– формирование навыков законопослушного и социально полезного поведения.

За основу построения процесса гражданско-правового воспитания младших школьников в контексте традиционной культуры региона приняты следующие *подходы*:

– культурологический подход, предполагающий понимание воспитания как культурного процесса, осуществляющегося в культуросообразной образовательной среде, все компоненты которой наполнены человеческими смыслами и служат человеку, свободно проявляющему свою индивидуальность, способному к культурному саморазвитию и самоопределению в мире культурных ценностей [4]. Данный подход обеспечивает сохранение национальной культуры; способствует приобщению учащихся к достижениям духовной и материальной культуры разных стран и народов и осознанию родной культуры как части мировой, воспитанию патриотизма, формированию этнической идентичности личности как основы культуры межнационального общения и этнической толерантности. Культурологический подход к организации гражданско-правового воспитания предусматривает обязательное использование средств современной и традиционной этнической культуры: духовных (народный язык, религия, фольклор, опыт народной педагогики); материальных (орудия труда, произведения народного искусства: игрушки, костюм, украшения, посуда и пр.); соционормативных (традиции, обряды, праздники, коллективные формы жизнедеятельности и труда и пр.);

– аксиологический подход, суть которого заключена в признании равноправия культур в рамках единой гуманистической системы ценностей при сохранении разнообразия ценностей этнокультур и этнических особенностей человека. Подход предусматривает выстраивание воспитательного процесса на основе этнических, общенациональных и общечеловеческих ценностей; создание условий для интериоризации детьми этих ценностей;

– этнопедагогический подход, согласно которому формирование личности гражданина осуществляется с учетом прогрессивных традиций и использования средств народного воспитания. В русской национальной культуре особый пласт составляет опыт воспитания гражданина Отечества на идеях служения, соборности, жертвенности, ценностях верности и справедливости, доблести и милосердия, уважения человеческого достоинства и благородства, долга и почтения, преданности и добросовестности. В рамках данного подхода можно выделить: а) специфический подход, когда различия в педагогике этнических групп и народов изучаются в отдельности, внутри системы; б) общий подход, объясняющий педагогические явления в культуре разных этносов на основе сравнительных исследований и выявления наиболее ярких черт, сходств и различий. Так, общими в педагогической культуре разных народов являются цели и ценности, содержание, формы и методы, средства воспитания истинного гражданина Отечества, обусловленные общностью условий развития этносов; различия же в системах подготовки подрастающего поколения обусловлены спецификой природно-климатических, социально-экономических, историко-культурных условий, этнопсихологическими особенностями и менталитетом этноса;

– личностный подход, предполагающий построение процесса гражданско-правового воспитания младших школьников с учетом личностных особенностей, этнической и религиозной принадлежности; на основе признания прав и свобод каждого ребенка на самоопределение, саморазвитие, самореализацию;

– региональный подход, учитывающий исторические и этнокультурные традиции, социально-экономические особенности, перспективы развития, природный потенциал в проектировании содержания воспитания в Республике Мордовии;

– субъектный подход, согласно которому задача гражданско-правового воспитания – помочь детям обрести активную позицию гражданина многонационального государства, предполагающую готовность нести ответственность за собственный выбор, самостоятельность, творчество и инициативность в решении задач в условиях полиэтнического состава социума, отвечающую запросам и потребностям личности и позитивным социальным ожиданиям;

– деятельностный подход, предполагающий, что воспитание в деятельности и через деятельность является основой процесса формирования сознательного, социально активного и ответственного гражданина общества.

Принципы построения системы:

– процесс гражданско-правового воспитания в многонациональном регионе базируется на ключевых принципах свободы и ответственности, равенства, партнерства, сотрудничества, охраны и защиты прав личности на полноценное воспитание, образование и развитие как основы социализации и гражданского становления, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека, Конвенции о правах ребенка, Конституции РФ, Законе РФ «Об образовании», Законе «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ», Национальной доктрине образования в РФ, Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. и др.;

– принцип культуросообразности, согласно которому содержание гражданско-правового воспитания соотносится с многоаспектностью разных

культур и направлено на отражение и воспроизведение мировых общечеловеческих и этнических ценностей в их взаимосвязи;

– принцип целостности педагогического процесса, предполагающий осуществление гражданско-правового воспитания младших школьников в единстве воспитания и обучения, взаимосвязи с внеклассной и внешкольной работой, семейным воспитанием;

– принцип социального закаливания детей (М. И. Рожков и др.), предполагающий включение воспитанников в ситуации, требующие волевого усилия для преодоления негативного воздействия социума, выработки определенных способов этого преодоления, социального иммунитета в отношении националистических и шовинистических настроений;

– принцип активности национальной культуры – превращение национально-регионального компонента образования в активную силу культурного, социального, экономического развития региона (Т. Н. Демина).

Анализ современных концепций и программ воспитания подрастающего поколения позволил выделить ряд подходов к определению *содержания* гражданско-правового воспитания школьников.

Компетентностный подход (Н. А. Голиков, В. И. Загвязинский, И. А. Зимняя, Д. А. Иванов, К. Г. Митрофанов, О. В. Соколова, В. Д. Шадриков и др.) в качестве компонентов содержания гражданского воспитания выдвигает формирование у школьников ключевых компетенций – необходимых каждому члену общества умений и качеств, обеспечивающих успешность его социализации:

– политических и социальных (способность принимать ответственность, разрешать конфликты ненасильственно, участвовать в поддержании демократических интересов);

– компетенций, связанных с жизнью в многокультурном обществе (межкультурные компетенции – принятие различий, уважение других и способность жить с людьми других культур, языков и религий) [5, с. 7].

В. Д. Шадриков к социально-личностным компетенциям относит компетенции гражданственности – знание и соблюдение прав и обязанностей гражданина, свободу и ответственность; компетенции социального взаимодействия – расовую, национальную, религиозную терпимость, умение погашать конфликты [5, с. 16]. Т. В. Поштарева считает, что процесс воспитания гражданина должен способствовать формированию этнокультурной компетентности личности, выражающейся в наличии совокупности объективных представлений и знаний о культуре этносов, реализующейся через умения, навыки и модели поведения, способствующие эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию [6].

Достаточно широкое понимание гражданской компетентности представлено в концепции «Школа как пространство социального партнерства» (Н. А. Голиков, В. И. Загвязинский), которая понимается как социальная компетентность – совокупность знаний и умений, общей готовности к выполнению социальных функций гражданина (готовность к социальному партнерству, ответственность, отсутствие ксенофобии, способность гармонично взаимодействовать в поликультурном, полиэтническом пространстве) [7, с. 104, 105].

Согласно *ролевому подходу* (Н. М. Таланчук, О. В. Амосова, Е. В. Красноярова и др.) содержание гражданско-правового воспитания направлено на формирование готовности к выполнению социальной роли

«Гражданин», представленной совокупностью качеств и свойств личности (патриотизм, национальная гордость, чувство долга, уважение к государственной власти, прав и свобод других людей, активная жизненная позиция, гражданская ответственность и др.). Н. М. Таланчук определяет необходимость подготовки школьников к выполнению следующих социальных ролей: патриотической, национально-интернациональной, политической, правовой [8, с. 18, 19]. В концепции гражданского воспитания школьников (О. В. Амосова, Е. В. Красноярова) социальная роль «Гражданин» реализуется через выполнение ролей «Профессионал», «Общественник», «Семьянин».

С позиции *интегративного подхода* содержание гражданско-правового воспитания младших школьников выстраивается через формирование гражданственности как интегративного качества личности, заключающего в себе внутреннюю свободу и уважение к государственной власти, любовь к Родине и стремление к миру, чувство собственного достоинства и дисциплинированность, гармоническое проявление патриотических чувств и культуры межнационального общения (В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев и др.) [9, с. 306]. По мнению Н. М. Воскресенской, И. Д. Фрумина, гражданственность состоит из следующих компонентов: умение реализовать свои права и свободы, не нарушая прав и свобод других граждан; способность к диалогу с другими гражданами; наличие ответственности за свои поступки и свой выбор, понимание юридических и моральных обязанностей перед обществом и государством; критическое и преобразующее отношение к социальной действительности [10].

В рамках *ценностного подхода* содержание гражданско-правового воспитания школьников составляет формирование системы гражданских ценностей личности, принимающих форму целевой установки, идеала и вытекающих в задачи формирования гражданского самосознания, ответственности за судьбу страны. Спектр предлагаемых авторами ценностей разнообразен:

– Человек, Мир, Отечество и др. (В. А. Караковский);

– Родина и Народ, Свобода и Честь, Миролюбие, Человечность и др. (А. Н. Яковлев);

– ценности культуры: жизнь Человека, жизнь Общества, образ жизни, достойной Человека, Свобода (Н. Е. Щуркова);

– ценности общественного сознания: Свобода, Достоинство, Честь, Долг, Ответственность, Толерантность (И. А. Зимняя) и др.

С позиции данного подхода гражданско-правовое воспитание школьников ориентировано на *формирование социальных отношений*, определяющих общественную направленность и гражданскую позицию личности (гражданственность, мировоззрение и т.д.), нравственных отношений (патриотизм, культура межнациональных отношений и т.д.) (И. А. Зимняя, А. Е. Белобородова, Н. Е. Щуркова и др.). По мнению ученых, именно социальные отношения являются регулятором взаимодействия с миром, определяют характер, направленность и содержательное наполнение деятельности, предполагающей обязательное формирование знаний и умений. Знания и умения в гражданско-правовой сфере выступают в роли социально-психологического основания и одновременно условия становления, формирования и реального проявления избирательных связей человека с окружающей действительностью – его отношений, гражданской позиции и ответственности.

Проведенный анализ позволяет обозначить **основные компоненты содержания гражданско-правового воспитания младших школьников в контексте традиционной культуры региона:**

– *когнитивный* (знание государственных символов России, символики Мордовии; представления об истории, географии России, Мордовии; представления о культуре и традициях своего и других народов; знание общественных и правовых норм, основных прав, свобод и обязанностей гражданина многонационального государства; понимание сущности этнических, общенациональных, общечеловеческих гражданских и нравственных ценностей; осознание своих прав и обязанностей);

– *эмоционально-оценочный* (переживание и ценностное отношение к Родине и малой родине, своей и иной культуре, к правам и свободам человека, моральным и правовым нормам; формирование установки на законопослушное поведение, уважительное отношение к представителям разных национальностей);

– *поведенческий* (умение руководствоваться в своем поведении ценностями культуры мира, реализовывать позитивные, ненасильственные формы поведения; умения и навыки социально полезного и правопослушного поведения; гражданская активность в сохранении ценностей традиционной этнической культуры, в приумножении духовного и материального богатства страны, республики, школы, города; готовность к защите прав и свобод человека, выполнению обязанностей).

Обозначенные выше подходы и принципы гражданско-правового воспитания младших школьников находят отражение в реализации **процессуального компонента** по нескольким направлениям:

1. Диагностическая деятельность, нацеленная на изучение уровня гражданско-правовой воспитанности учащихся, этнической идентичности, этнопсихологических особенностей личности, характера межличностных отношений в многонациональной школьной среде, выявление индивидуальных проблем ребенка и их причин; исследование стиля семейного воспитания и характера его влияния на гражданское становление личности.

2. Социально-педагогическая и правовая поддержка детей, направленная на преодоление и профилактику противоправного поведения и деятельности, самопознание, самоопределение и самореализацию младшего школьника в различных видах деятельности в поликультурной среде. Ключевым при осуществлении поддержки является создание условий для самоопределения – основного механизма обретения человеком и проявления внутренней свободы, выбора личностью собственной позиции.

3. Гражданско-правовое воспитание младших школьников в процессе изучения дисциплин федерального компонента содержания образования (чтение, естествознание, история, география, музыка, ИЗО).

4. Введение факультативных занятий по граждановедению, правоведению, изучению истории и традиций края, музыкального, литературного, декоративно-прикладного искусства народов России, Мордовии.

5. Важное место в гражданско-правовом воспитании младших школьников принадлежит внеурочной деятельности, нацеленной на самореализацию личности и являющейся формой творческого взаимодействия ученика, учителя и других субъектов воспитательного процесса по созданию условий

для освоения учащимися социально-культурных ценностей общества через включение в общественно полезную деятельность, неформальную организацию досуга. Именно многообразие видов деятельности, включение в систему позитивных отношений с окружающей действительностью способствует формированию истинно гражданских качеств и свойств личности.

Эффективными в плане формирования когнитивного и эмоционально-оценочного компонентов гражданственности личности являются следующие формы работы: ситуативные (рассмотрение реальных или вымышленных ситуаций); дискуссионные (обсуждение той или иной проблемы, обмен идеями, мнениями); рефлексивные (самоанализ, осмысление и оценка собственных действий); поисковые (получение определенной информации из разных источников); игровые (моделирование реальных и вымышленных ситуаций).

С позиции формирования поведенческого компонента гражданственности деятельность младших школьников может быть организована под девизом проявления разных уровней заботы (по В. А. Сухомлинскому): добрые дела для себя и своих близких; для класса и школы; для двора, улицы, города; для общества, страны.

Для современной начальной школы характерны как *традиционные* формы (выполнение общественных поручений (дежурный, санитар и др.); работа в столе находок; работа «зеленых патрулей»; работа кружка юных юристов; ролевые игры «Пешеходы», «В автобусе», «На перемене» и др.; работа мастерских, студий, кружков; проведение фестивалей народного творчества; выставки творческих работ «Страна моей мечты», «Мы – граждане многонационального государства» и др.), так и достаточно новые формы работы (разработка и защита исследовательских, творческих, игровых и других проектов; деловые игры; коллективная творческая деятельность по исследованию и решению школьных, классных и общественных проблем; конференции «Как защитить права ребенка», «Гражданин. Кто это?», «Мои права и обязанности», «Как сделать наш город красивым» и др.; развитие системы самоуправления в классном коллективе с разработкой законов детской жизни, Конституции класса и др.

4. Организация взаимодействия школы, семьи, учреждений дополнительного образования, детских организаций, учреждений здравоохранения, культуры, представителей силовых структур по реализации задач гражданско-правового воспитания младших школьников.

Согласно **аналитико-результативному компоненту** процесса гражданско-правового воспитания младших школьников результативность данного процесса определяется по следующим показателям: сформированность на определенном для младшего школьного возраста уровне основных компонентов гражданственности личности (когнитивного, эмоционально-оценочного, поведенческого); обновление содержания и технологий гражданско-правового воспитания младших школьников в контексте традиционной культуры региона; обеспечение преемственности в работе по гражданско-правовому воспитанию между начальной и основной школой; налаженное сотрудничество школы, семьи, учреждений образования, культуры, органов власти в вопросах воспитания гражданина многонационального государства.

Теоретическое осмысление проблемы гражданско-правового воспитания младших школьников в контексте традиционной культуры региона дает

возможность осуществления диагностики гражданско-правовой сферы, разработки программ для начальных классов по данному направлению и совершенствования системы воспитания младших школьников в Республике Мордовии.

Список литературы

1. О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «Об образовании» // Учительская газета. – 1996. – № 5. – С. 1.
2. Национальная доктрина образования в РФ, октябрь 2000 г. – М., 2000. – С. 4.
3. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. // Бюллетень Министерства образования РФ. – 2002. – № 2. – С. 12, 13.
4. **Бондаревская, Е. В.** Теория и практика личностно ориентированного образования / Е. В. Бондаревская. – Ростов-на-Дону, 2000.
5. **Иванов, Д.** Компетентности и компетентностный подход в современном образовании / Д. Иванов. – М. : Чистые пруды, 2007. – 32 с.
6. **Поштарева, Т. В.** Формирование этнокультурной компетентности / Т. В. Поштарева // Педагогика. – 2005. – № 3. – С. 36–43.
7. **Загвязинский, В. И.** Исследовательская деятельность педагога : учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. И. Загвязинский. – М. : Академия, 2006. – 176 с.
8. **Степанов, Е. Н.** Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания / Е. Н. Степанов, Л. М. Лузина. – М. : ТЦ Сфера, 2003. – 160 с.
9. **Сластенин, В. А.** Педагогика : учебное пособие для студентов высш. пед. учебн. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под ред. В. А. Сластенина. – М. : Академия, 2004. – 576 с.
10. Пособие по гражданскому образованию / под ред. Н. М. Воскресенской, И. Д. Фрумина. – М. : АПК и ПРО, 2000.

Земляченко Людмила Викторовна
кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики начального образования, Мордовский государственный педагогический институт им М. Е. Евсевьева (г. Саранск)

Zemlyachenko Lyudmila Viktorovna
Candidate of pedagogic sciences, associate professor, sub-department of primary education pedagogy, Mordovia State Pedagogical University named after M. E. Evsevyev (Saransk)

E-mail: metodikanachobr@rambler.ru

УДК 373

Земляченко, Л. В.

Гражданско-правовое воспитание младших школьников в контексте традиционной культуры региона / Л. В. Земляченко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 85–93.

УДК 796.011.1

В. А. Ильин, А. А. Карпушкин

КОМПЛЕКСНАЯ ПРОГРАММА ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ФИЗИЧЕСКУЮ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ ДЕТЕЙ-СИРОТ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с сохранением и укреплением здоровья детей-сирот с задержкой психического развития, воспитывающихся в дошкольных группах детских домов. Приводятся результаты влияния комплексной программы физкультурно-оздоровительных мероприятий на уровень физического развития и физическую подготовленность детей-сирот с задержкой психического развития.

Ключевые слова: задержка психического развития, состояние здоровья, дети-сироты дошкольного возраста, комплексная программа физкультурно-оздоровительных мероприятий, физическое развитие, физическая подготовленность, экспериментальная группа, контрольная группа.

Abstract. In article the questions connected with preservation and strengthening of health of children with a mental retardation, children's homes brought up in preschool groups are considered. Results of influence of the complex program of sports improving actions on level of physical development and physical readiness of children-orphans (children of the parents who have remained without care) with a mental retardation are resulted.

Keywords: a mental retardation, a state of health, children-orphans of preschool age, the complex program of sports improving actions, physical development, physical readiness, experimental group, control group.

Введение

В настоящее время у воспитанников дошкольных групп детских домов наиболее часто встречающейся формой интеллектуальных нарушений является задержка психического развития (ЗПР). По результатам медицинских осмотров данный диагноз ставится 90–95 % детей-сирот дошкольного возраста [1, 2].

Клиническая картина ЗПР характеризуется, прежде всего, замедленным темпом психического развития, личностной незрелостью, негрубыми нарушениями познавательной деятельности [3, 4]. Наряду с этим у детей с ЗПР наблюдаются и более низкие по сравнению с нормально развивающимися сверстниками показатели состояния здоровья, уровня физического развития и физической подготовленности [2, 3].

Несмотря на большое внимание, которое уделяется в последние годы детям с ограниченными психофизическими возможностями, на сегодняшний день проблема внедрения современных оздоровительных технологий в процесс воспитания и обучения детей с ЗПР из дошкольных групп детских домов является малоизученной и актуальной.

1 Материалы и методы исследования

Нами было проведено педагогическое исследование, в ходе которого изучались особенности состояния здоровья, физического развития и физиче-

ской подготовленности детей-сирот, а также условия их обучения и воспитания в дошкольных группах детских домов Пензенской области.

Анализ полученных результатов позволил разработать комплексную программу физкультурно-оздоровительных мероприятий для детей-сирот с ЗПР, воспитывающихся в дошкольных группах детских домов.

Комплексная программа физкультурно-оздоровительных мероприятий включала в себя:

– комплекс утренних физкультурно-оздоровительных процедур, состоящих из оздоровительного бега, упражнений утренней гигиенической гимнастики, расширенного умывания и полоскания горла прохладной водой;

– физкультминутки, которые проводились во время занятий. При их проведении использовались упражнения из игровых физкультурных заданий типа «Физкультурной азбуки», которые по смыслу были связаны с содержанием учебного материала, изучаемому на занятии;

– физкультпаузы, которые проводились в перерывах между занятиями и включали в себя выполнение общеразвивающих физических упражнений и заданий с использованием детских спортивных комплексов и тренажеров;

– учебные занятия по адаптивному физическому воспитанию, проводимые три раза в неделю;

– ежедневный «Час здоровья», проводимый во время дневной прогулки;

– физические упражнения в кровати, точечный самомассаж и местные закаливающие процедуры, выполняемые после дневного сна (точечный самомассаж и местные закаливающие процедуры проводились под руководством медицинских работников);

– физкультурные досуги, проводимые в виде сюжетно-ролевой игры методом круговой тренировки или путем преодоления полосы препятствий;

– походы выходного дня;

– спортивные развлечения;

– физкультурные праздники;

– самостоятельные и индивидуальные занятия по адаптивному физическому воспитанию.

2 Результаты исследования и их обсуждение

Все указанные мероприятия позволили увеличить общий объем организованной физкультурно-двигательной активности у детей-сирот с ЗПР из экспериментальной группы (ЭГ) в среднем до 15 ч в неделю. В то же время в контрольной группе (КГ) этот показатель был равен в среднем 10 ч в неделю.

Исследование эффективности экспериментальной программы проводилось на базе дошкольных групп специализированных детских домов г. Пензы и г. Кузнецка Пензенской области.

Внешним критерием здоровья, интегрально отражающим развитие функциональных систем организма ребенка и степень его зрелости, является уровень физического развития. Большинство ведущих теоретиков учения о физическом развитии трактуют его как комплекс морфофункциональных свойств, определяющих запас физических сил и выносливости организма, находящихся в тесной связи как с генетическими факторами, так и с социально-гигиеническими условиями [5].

В нашей работе мы использовали общепринятую в практике лечебно-профилактических и оздоровительно-воспитательных учреждений сокращен-

ную методику определения уровня физического развития на основе измерения длины и массы тела, окружности грудной клетки [5]. Результаты исследования представлены с помощью диаграммы (рис. 1). Из нее видно, что длина тела у детей ЭГ и КГ в начале года практически совпадала. Так, в ЭГ она равнялась 116,25 см, а в контрольной – 116,83 см. Дети из КГ имели массу тела в среднем больше на 1,4 кг и окружность грудной клетки длиннее на 2,2 см, чем дети из ЭГ (при $p \le 0,05$).

К концу учебного года дети из ЭГ выросли на 5,9 см, а из КГ – на 4,1 см, длина тела в этих группах стала соответственно 122,2 и 120,9 см (при $p \ge 0,05$). Масса тела осталась на 0,8 кг больше у детей КГ (при $p \le 0,05$), а окружность грудной клетки стала равной у детей обеих групп.

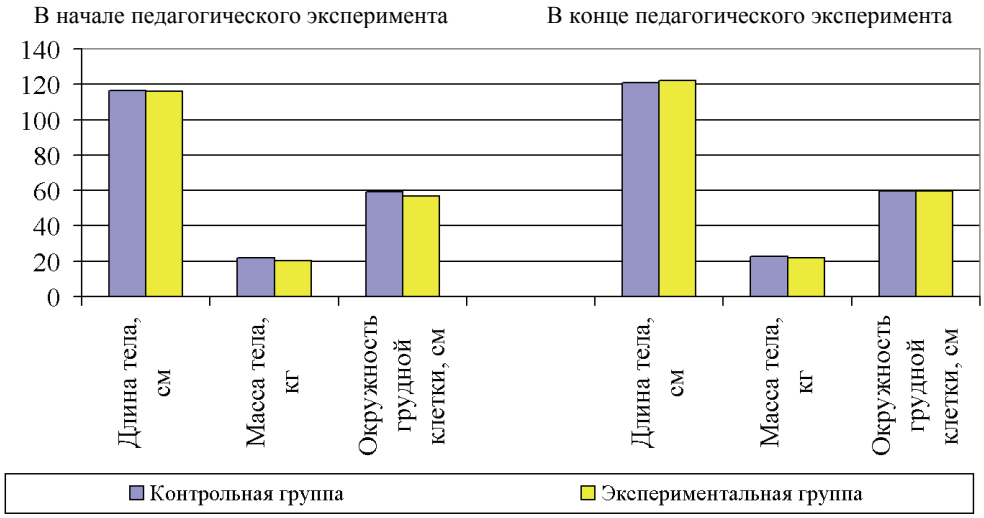


Рис. 1 Изменение показателей физического развития детей-сирот дошкольного возраста с ЗПР в ходе педагогического эксперимента

Таким образом, экспериментальная программа физкультурно-оздоровительных мероприятий способствовала улучшению показателей физического развития детей-сирот дошкольного возраста с ЗПР.

В табл. 1 представлены результаты контрольных испытаний детей ЭГ и КГ, которые позволяют судить о влиянии экспериментальной программы на физическую подготовленность воспитанников детских домов с ЗПР. Из данной таблицы видно, что в начале эксперимента дети из контрольной группы пробегали отрезок в 30 м на 0,5 с быстрее (при $p \le 0,05$), прыгали в длину с места на 0,11 м дальше (при $p \le 0,05$), наклонялись на 3,2 см ниже (при $p \le 0,05$), стояли на одной ноге с закрытыми глазами на 0,3 с дольше (при $p \ge 0,05$), затрачивали на ходьбу по 3-метровой ленточке в среднем на 0,54 с меньше времени (при $p \le 0,05$) по сравнению с детьми из экспериментальной группы.

В конце педагогического эксперимента дети из ЭГ пробегали отрезки в 30 м и 3×10 м в среднем на 0,5 с быстрее, прыгали в длину с места на 9,7 см (8,3 %) дальше, наклонялись на 5,5 см (609,3 %) ниже, на 5 с (261,7 %) дольше стояли на одной ноге с закрытыми глазами, метали теннисный мячик на

0,8 м (7,5 %) правой рукой и на 1,7 м (23,5 %) левой рукой дальше, затрачивали на 0,8 с (21 %) меньше времени на ходьбу по ленточке, делая при этом на 1,5 ошибки (57,7 %) меньше, чем дети из КГ (при $p \geq 0,05$).

Анализ полученных результатов свидетельствует об их существенном улучшении у детей из ЭГ в конце педагогического эксперимента. Так, в беге на 30 м результаты у них улучшились в среднем на 1,28 с (19,2 %), в челночном беге на дистанцию 3×10 м – на 1,5 с (13,3 %), в прыжках в длину с места – на 26,8 см (27 %), в метании мяча правой рукой – на 3,12 м (35,8 %), левой – на 2,25 см (33 %).

Таблица 1

Динамика показателей физической подготовленности детей-сирот из ЭГ и КГ в течение педагогического эксперимента

Группы испытуемых	Время исследования			
	в начале педагогического эксперимента		в конце педагогического эксперимента	
Показатели	ЭГ $M \pm m$	КГ $M \pm m$	ЭГ $M \pm m$	КГ $M \pm m$
Бег 30 м, с	7,90 ± 0,12	7,45 ± 0,15	6,68 ± 0,12	7,06 ± 0,16
Бег 3×10 м, с	11,26 ± 0,24	11,38 ± 0,2	9,79 ± 0,07	10,38 ± 0,2
Прыжок в длину с места, см	99,5 ± 2,13	110,5 ± 4,79	126 ± 2,57	116,33 ± 2,84
Метание теннисного мяча, м:				
а) правой рукой	8,68 ± 0,59	8,69 ± 0,94	11,79 ± 0,54	10,97 ± 1,25
б) левой рукой	6,8 ± 0,57	5,95 ± 0,45	9,05 ± 0,36	7,33 ± 0,69
Наклон в глубину, см	1,08 ± 1,06	4,25 ± 1,15	6,58 ± 1,33	1,08 ± 1,15
Стойка на одной ноге, с	3,41 ± 0,42	3,72 ± 0,48	8,06 ± 0,77	3,08 ± 0,43
Ходьба по ленточке:				
а) время, с	3,34 ± 0,26	2,8 ± 0,24	2,83 ± 0,21	3,58 ± 0,43
б) количество ошибок	1,92 ± 0,44	2,17 ± 0,35	1,08 ± 0,18	2,55 ± 0,44

Но наибольший прогресс был достигнут в контрольных упражнениях, характеризующих такие качества, как гибкость и равновесие. По сравнению с началом учебного года у детей из ЭГ в тесте на статистическое равновесие результаты улучшились в среднем на 326,4 %, при наклонах в глубину – на 609,3 %. На ходьбу по ленточке они стали затрачивать на 15,3 % меньше времени, сократив при этом на 43,8 % количество ошибок.

Для сравнения, в КГ результаты в беге на 30 м улучшились на 0,39 с (5,2 %), в челночном беге на дистанцию 3×10 м – на 1 с (8,8 %), в прыжках в длину с места – на 5,8 см (5,3 %), в метании мяча правой рукой – на 2,28 м (26,2 %), левой – на 1,78 м (29,6 %). Показатели же гибкости и равновесия у детей из КГ ухудшились соответственно на 74,6 и 17,3 %, им понадобилось на 27,9 % больше времени, чтобы пройти по 3-метровой ленточке, при этом они сделали на 17,5 % больше ошибок, чем в начале года.

Положительное влияние экспериментальной программы на физическую подготовленность и физическое развитие детей из ЭГ мы связываем с применением в работе с ними современных оздоровительных технологий, используемых в режиме дня детского дома и позволяющих рационально организовывать режим двигательной активности детей, в результате чего создается здоровьесберегающая среда в общеобразовательном учреждении.

Заключение

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о положительном влиянии экспериментальной комплексной программы физкультурно-оздоровительных мероприятий с широким использованием современных оздоровительных технологий на повышение уровня физического развития и физической подготовленности детей-сирот с ЗПР, воспитывающихся в дошкольных группах детских домов. Это позволяет рекомендовать данную программу к применению и в других видах специализированных дошкольных образовательных учреждений для детей как с ЗПР, так и с умственной отсталостью.

Список литературы

1. **Екжанова, Е. А.** Коррекционно-педагогическая помощь детям раннего и дошкольного возраста с неярко выраженными отклонениями в развитии : науч.-метод. пособие / Е. А. Екжанова, Е. А. Стребелева. – СПб. : Каро, 2008. – 328 с.
2. Дети с задержкой психического развития / Т. Я. Власова, В. И. Лубовский, Н. А. Цапина [и др.]. – М., 1984. – 256 с.
3. **Мастюкова, Е. М.** Основные формы двигательных, речевых и интеллектуальных нарушений у детей с анте- и перинатальным повреждением мозга / Е. М. Мастюкова // Дефектология. – 1977. – № 5. – С. 32–37.
4. **Марковская, И. Ф.** Нейропсихологический анализ клинических вариантов задержки психического развития / И. Ф. Марковская // Дефектология. – 1977. – № 6. – С. 3–11.
5. **Богина, Т. А.** Определение комплекса показателей физического развития и состояния здоровья детей 4–7 лет / Т. А. Богина // Физическая подготовленность дошкольников : сборник науч. трудов. – М. : Изд-во АНН СССР, 1988. – С. 4–21.

Ильин Валерий Алексеевич
кандидат педагогических наук, профессор, кафедра физического воспитания и спорта, Пензенский государственный университет

Ilyin Valery Alexeevich
Candidate of pedagogic sciences, professor, sub-department of physical training and sport, Penza State University

E-mail: fizvos@pnzgu.ru

Карпушкин Александр Алексеевич
кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой физического воспитания и спорта, Пензенский государственный университет

Karpushin Alexander Alexeevich
Candidate of pedagogic sciences, associate professor, head of sub-department of physical training and sport, Penza State University

E-mail: fizvos@pnzgu.ru

УДК 796.011.1

Ильин, В. А.

Комплексная программа физкультурно-оздоровительных мероприятий и ее влияние на физическое развитие и физическую подготовленность детей-сирот дошкольного возраста с задержкой психического развития / В. А. Ильин, А. А. Карпушкин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 94–98.

УДК 378.033

Н. Н. Крылова

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ[1]

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты моделирования экологического компонента профессионально-педагогического образования и особенности становления экологически целесообразного отношения будущего специалиста к природе субъектно-этического типа в условиях высшей школы.

Ключевые слова: моделирование, модель, формирование, вуз, экологический компонент, профессионально-педагогическое образование, профессионально-личностное развитие, субъектно-этическое отношение будущего специалиста к природе, образовательный процесс.

Abstract. Aspects of ecological component modeling of professionally-pedagogical education and formation features of future specialist's ecologically expedient treatment of nature of a subject-ethical type in the conditions of a high school, are considered in this article.

Keywords: modeling, a model, formation, a university, an ecological component, professionally-pedagogical education, professionally-personal development, future specialist's subject-ethical treatment of nature, an educational process.

Причиной экологического кризиса является преобладание в современном социуме антропоцентрического типа мышления, в результате которого общество существует в антагонизме с природой. Поэтому на современном этапе общественного развития проблема взаимодействия человека и природы мыслится в русле экоцентрического направления, признающего важным переосмысление ценностных ориентаций в системе отношений «Человек – Природа». Становление экологически целесообразных отношений человека, общества и природы субъектно-этического типа во многом зависит от развития экологического компонента профессиональной подготовки будущих специалистов.

Рассматриваемый вопрос в теории и практике высшей школы разработан недостаточно. Необходимо создание и широкое использование модели формирования субъектно-этического отношения студентов к природе в экологическом компоненте профессионального образования.

Процесс моделирования педагогических явлений исследователями осуществляется, как правило, в трех аспектах: функциональном, при котором описывается система, ее функциональный состав; морфологическом, вскрывающем строение системы; информационном, когда определяется характер связи между элементами системы (В. Г. Афанасьев, Н. В. Кузьмина, А. М. Новиков и др.).

В ходе построения модели формирования экологического компонента профессионально-педагогического образования необходимо руководствоваться положением о том, что деятельность рассматривается как совокуп-

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 08-06-28608 а/В «Формирование экологического компонента профессионально-педагогического образования в вузе».

ность следующих компонентов: мотив, цель, задачи, действия, операции и результат (А. Н. Леонтьев) [1].

Учитывая данную точку зрения, позиции современных авторов об организации методической системы обучения экологии и системный подход, выделен ряд блоков модели (рис. 1).

Рис. 1 Модель формирования экологического компонента профессионально-педагогического образования

Социально-целевой блок модели включает цели формирования исследуемого личностного образования в экологическом компоненте профессионально-педагогической подготовки, рассматриваемые нами как планируемые и желаемые результаты, которые должны быть достигнуты в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов в вузе.

Метод «дерева целей», применяемый в моделировании, подразумевает использование иерархической структуры, получаемой путем расчленения общей цели на подцели, а их, в свою очередь, на более детальные составляющие, которые в более конкретных приложениях называют подцелями нижележащих уровней (А. М. Новиков) [2, с. 235].

Таким образом, выделены цели первого, второго и третьего уровней.

К целям первого уровня относятся такие, как раскрытие индивидуального потенциала личности студента; содействие развитию его экологических знаний и умений; подготовка к будущей профессионально-педагогической деятельности, способствующей формированию представления о необходимости сохранения окружающей среды у учащихся начального профессионального образования.

«Дерево целей» второго уровня:

– организация структуры и механизма управления процессом формирования субъектно-этического отношения студентов к природе;

– научно-методическое обеспечение и ориентация учебно-воспитательной работы в вузе на формирование данного личностного образования у студентов;

– разработка и реализация программ спецкурса по выбору студентов «Экологический компонент профессионально-педагогического образования» и экологизация содержания общепрофессиональных дисциплин Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности 050501.65 («Введение в профессионально-педагогическую специальность», «Психология профессионального образования», «Возрастная физиология и психофизиология», «Общая и профессиональная педагогика» и др.).

Цели третьего уровня детализируют выполнение целей второго уровня и определяют, по сути, операции деятельности.

Дальнейшее обоснование модели предполагает выбор надежных методологических ориентиров, которые позволяют выявить закономерные связи и условия, дают возможность осмыслить сущность рассматриваемого явления.

Одним из важнейших является *культурологический подход,* позволяющий рассматривать педагогические явления на широком общекультурном фоне социума как совокупность культурных компонентов. В этом случае обучение будущих педагогов связывается с понятием «культурного акта», смысл которого заключается в самоутверждении себя в культуре.

В нашем случае под культурологической направленностью профессионально-педагогического образования понимается развитие ценностно-эмоциональной сферы личности, ее отношения к миру, смысла профессиональной деятельности, отношения к себе, личной позиции и т.д.

В контексте личностно ориентированного образования в представленной модели необходимо учесть:

– индивидуальные особенности студентов;

– целенаправленное использование эмпирического и социокультурного опыта каждого студента при фронтальной работе на занятиях;

– интенсификацию художественно-эстетического развития студента;

– постоянное предъявление материалов интегративного, комплексного характера, формирующих вербальную и образную составляющие целостного мышления;

– внедрение активных методов обучения в экологический компонент профессионально-педагогического образования (проблемное и игровое обучение, игровое проектирование).

Таким образом, принимая во внимание гуманистические позиции, культурологический и личностно ориентированный подходы настоящего исследования, важно учесть не только конструирование содержания, форм, методов обучения и воспитания, но и эффективное развитие индивидуальности каждого, его познавательных процессов, личностных качеств.

Учитывая комплекс принципов концепции непрерывного экологического образования А. А. Вербицкого [3], необходимо осуществить отбор и структурирование учебного материала.

Анализ работ ряда авторов (А. Г. Бусыгин, А. А. Вербицкий, Т. В. Кучер, Н. М. Мамедов, И. Т. Суравегина, В. М. Сенкевич и др.) указывает на то, что принципы системности и междисциплинарности отражают уникальность экологии как науки, ее способность интегрировать различные области теоретического знания и практической деятельности.

На современном этапе развития педагогической науки интеграция содержания профессионального образования осуществляется на различных его уровнях: общетеоретическое представление; учебный предмет; учебный материал; педагогическая действительность; уровень личности. Одним из направлений содержательной интеграции авторы считают создание интегрированных курсов, программ и проектов (М. Н. Берулава, Н. К. Чапаев и др.).

Соответственно, содержание экологического компонента профессионально-педагогического образования студентов предлагается реализовать на основе разработанных интегральных курсов (спецкурс «Педагогические основы экологического образования»; общепрофессиональные дисциплины с экологической составляющей и др.).

Учебно-тематический план этих дисциплин включает три элемента: ценностно-смысловой, когнитивный и творческий.

Основные задачи ценностно-смыслового элемента:

– формирование эмоциональной отзывчивости и эстетического вкуса будущих педагогов в отношении природных объектов;

– формирование положительной мотивации у студентов к экологически грамотной будущей профессионально-педагогической деятельности;

– формирование эмоционально-ценностного отношения к понятию «Природа».

Когнитивный элемент предусматривает:

– формирование готовности получать, искать и перерабатывать информацию об охране и сохранении окружающей среды;

– формирование комплекса специальных знаний в экологическом компоненте профессионально-педагогического образования в деловых и дидактических играх, при выполнении самостоятельных творческих заданий;

– выработку необходимых умений работы с материалом в самостоятельной внеаудиторной деятельности и умения аргументированно, кратко

и четко излагать отобранный материал в форме доклада, а также свою личную позицию в ходе дискуссий, ролевых и дидактических игр.

Задача творческого элемента – реализация личностно-творческого потенциала будущего специалиста в ходе игровых и курсовых проектов, в процессе участия в студенческой научно-исследовательской работе.

Помимо вышеуказанного, данный элемент подразумевает:

– формирование стремления будущего педагога к практическому взаимодействию с объектами природы в рамках мероприятий природоохранного характера;

– формирование активности личности будущего специалиста, направленной на изменение окружения в соответствии со своим субъектно-этическим отношением к природе, в своей будущей профессионально-педагогической деятельности;

– формирование взаимоотношений со всеми субъектами образовательного процесса на деловой основе при выполнении совместных творческих проектов.

С точки зрения развития субъектно-этического отношения студентов к природе возникает необходимость в интеграции научных (педагогических, психологических, экологических) знаний и художественных образов (искусство), являющейся орудием интеллектуально-духовного обогащения участников педагогического процесса (Н. К. Чапаев) [4].

По результатам анализа имеющихся в педагогической науке взглядов на перспективы включения искусств, художественного творчества в содержание экологического образования можно сделать вывод о том, что этот подход еще не играет значительной роли в профессиональном образовании, хотя на современном этапе проводится немало исследований.

Организационно-процессуальный блок предполагает организацию деятельности преподавателя и студента, отбор необходимых методов, средств, форм.

Развитие необходимых профессионально важных знаний, умений, навыков в экологическом компоненте профессионально-педагогического образования, саморазвитие субъектно-этического отношения будущего педагога к природе возможно в условиях творческой деятельности, осуществляемой в системе межличностного взаимодействия.

Творческая деятельность способствует развитию культуры мышления, интеллектуальных качеств личности, познавательной активности, влияет на мировоззрение и эмоционально-ценностное отношение к процессу познания.

Организация *межличностного взаимодействия* подразумевает субъект-субъектные отношения в системах «преподаватель–студент», «студент–студент» на основе эмоционального взаимодействия и диалога, что создает оптимальные условия для развития у субъектов обучения способности к самообразованию, самоопределению, самостоятельности и самореализации.

В связи с вышесказанным актуально применение различных видов самостоятельной работы студентов: обязательной, по выбору студентов и творческой. Данные виды систематической работы построены на самостоятельном изучении какого-либо вопроса или проблемы с периодическими консультациями преподавателя.

Особое внимание уделяется организации самостоятельной внеаудиторной творческой деятельности, включающей конструирование студентом раз-

личных форм творческой работы в соответствии с его интересами, например написание сочинений, стихотворений, составление кроссвордов.

Для организации эффективной деятельности преподавателя и студентов необходим отбор методов, применение которых обеспечивает проблемный, игровой и творческий характер обучения.

Использование подобных методов создает условия для проявления универсальных личностных особенностей обучаемого (мотивации, выбора, смыслотворчества, самореализации, рефлексии и др.) в личностно ориентированной ситуации (учебной, профессиональной, жизненной, познавательной).

Основными характеристиками личностно ориентированной ситуации являются жизненная контекстность, диалогичность и игровое (ролевое) взаимодействие участников.

В этом случае триада «задача–диалог–игра» выступает базовым технологическим комплексом, создающим ценностно-смысловое поле межсубъектного общения в личностно ориентированном образовательном процессе.

Реализация триады «задача–диалог–игра» в процессе формирования субъектно-этического отношения студентов к природе предполагает включение в образовательный процесс различных видов проблемных ситуаций (Е. В. Титов) [5]: рефлексивного, когнитивного и процессуального типов.

Задача проблемных ситуаций *рефлексивного типа* заключается в оценке студентами собственного отношения к определенным экологическим объектам, фактам, событиям или явлениям. Создание ситуаций *когнитивного типа* возможно в условиях игры, предполагающей рассмотрение ситуаций, в которых выявляется недостаток теоретических знаний. В ситуациях *процессуального типа* подразумевается выявление исполнительских затруднений, возникающих в связи с отсутствием практических (процедурных) знаний, опыта распознавания обследованных и разрешенных экологических ситуаций.

В последнем случае возможно применение метода мозгового штурма, главная цель которого состоит в активизации творческого мышления, в преодолении привычного хода мысли, в освобождении студентов от инерции мышления.

В анализе ситуаций различного типа актуально использование игрового проектирования. Учебно-познавательная и исследовательская деятельность студентов в этом случае направлена на коллективное проектирование изучаемого объекта.

В основе технологии проведения занятий лежат три стержневых элемента: механизм определения функционально-ролевых интересов участников игрового проектирования; алгоритм разработки проекта; механизм «экспертной оценки» проекта или игрового «испытания проекта в деятельности».

Таким образом, организационно-процессуальный блок модели предполагает качественное изменение субъектно-этического отношения личности студентов к природе, их внутреннего мира, установление интеллектуального сотрудничества и эмоциональных взаимоотношений между участниками образовательного процесса.

Эффективность осуществляемой деятельности демонстрирует **результативно-оценочный блок** модели, в котором выявлена психолого-педагогическая сущность компонентов, критерии и уровни сформированности субъектно-этического отношения студентов к природе.

Формирование исследуемого личностного образования невозможно без развития рефлексивно-оценочной деятельности, которая позволяет развить отношение к себе, самооценку, самоконтроль и самокритичность.

Таким образом, рефлексивно-оценочная деятельность будущего педагога, рассматриваемая как составляющий элемент результативно-оценочного блока, способствует осмыслению себя как субъекта профессиональной деятельности, своего поведения, своих сильных и слабых сторон.

Созданная модель процесса формирования субъектно-этического отношения студентов к природе подкрепляется целым комплексом педагогических условий, понимаемых как обстоятельства процесса обучения и воспитания, обеспечивающие достижение заранее поставленных педагогических целей. В контексте нашего исследования выделены следующие педагогические условия:

Реализация экологического потенциала содержания основных и дополнительных учебных дисциплин с целью развития субъектно-этического отношения студентов к природе. В соответствии с данным условием возникает необходимость выявления межпредметных связей в рассматриваемом аспекте, которые могут быть установлены между учебными дисциплинами, содержащими разрозненные части интегративного знания об окружающей среде и способах ее сохранения и укрепления. Осуществление межпредметных связей между учебными дисциплинами должно сочетаться с самостоятельной внеаудиторной деятельностью студентов, предусматривающей применение теоретических знаний по экологии и призванной формировать умения и навыки в сфере сохранения окружающей среды.

Создание образовательной среды, ориентирующей на личностную самореализацию в будущей профессионально-педагогической деятельности. Практическая реализация данного условия в учебном процессе предполагает использование игр, решение педагогических ситуаций и задач, индивидуальных творческих заданий, вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу. Самостоятельная внеаудиторная и творческая деятельность студентов рассматривается как элемент образовательной среды в экологическом компоненте профессионально-педагогического образования.

Выбор оптимального стиля деятельности и общения преподавателя и студентов. На учебных занятиях предполагается создание благоприятной для развития личности студента психоэмоциональной атмосферы. Реализация на практике названного условия возможна в нескольких аспектах: смещение акцента с управляемого на самоуправляемое развитие личности будущего педагога; признание субъект-субъектных отношений в качестве доминирующих; установление отношений доверия и сотрудничества в системе «преподаватель–студент».

Учет уровня сформированности субъектно-этического отношения студентов к природе. Дифференцированные задания способствуют развитию в самостоятельной деятельности будущих педагогов таких психических свойств и личностных качеств, как познавательный интерес, творческая инициатива, ответственное отношение к делу, уверенность в своих профессиональных возможностях, требовательность к себе, поиск нестандартных решений сложных вопросов. Реализация данного условия осуществляется в ходе выполнения игровых проектов и самостоятельных внеаудиторных видов деятельности.

Диагностика и самодиагностика динамики развития субъектно-этического отношения студентов к природе. Исследование динамики формирования данного личностного образования требует выделения критериев

и уровней сформированности исследуемого личностного образования, развития навыков рефлексивно-оценочной деятельности.

Обобщая вышесказанное, следует сказать, что представленная модель требует пересмотра традиционной (знаниево-репродуктивной) модели экологического образования, которая присутствует сегодня в вузе, и позволяет осуществить переход к гуманистической. Не менее важно новое понимание позиции преподавателя, который:

– перестает быть лишь наставником, несущим определенную сумму знаний, обязанным привить студенту определенные профессиональные умения;

– создает образовательную среду, в которой необходимо оказать помощь студенту, исследующему свой жизненный опыт, выявляющему его сущность и развивающему его;

– становится соучастником процесса образования, построенного по принципу диалога. В этом диалоге преподаватель выступает в роли советника и эксперта, а его опыт рассматривается как ресурс, к которому прибегают в случае необходимости.

Рассмотренная в настоящей статье модель экологического компонента профессионально-педагогического образования вполне может использоваться в условиях высшей школы при подготовке педагогов профессионального обучения. Однако следует заметить, что предложенную модель нельзя считать универсальной, она лишь дополняет методические концепции и модели эффективной профессиональной подготовки будущего специалиста.

Список литературы

1. **Леонтьев, А. Н.** Избранные психологические произведения : в 2 т. / А. Н. Леонтьев. – М. : Педагогика, 1983. – Т. I. – 392 с.
2. **Новиков, А. М.** Методология образования / А. М. Новиков. – М. : Эгвес, 2002. – 320 с.
3. **Вербицкий, А. А.** Основы концепции развития непрерывного экологического образования / А. А. Вербицкий // Педагогика. – 1997. – № 6. – С. 31–36.
4. **Чапаев, Н. К.** Педагогическая интеграция: методология, теория, технология / Н. К. Чапаев. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та ; Кемерово : Изд-во Кемеровского гос. проф.-пед. колледжа, 2005. – 325 с.
5. **Титов, Е. В.** Формирование готовности старшеклассников к исследовательской деятельности в сфере экологии / Е. В. Титов // Педагогика. – 2003. – № 9. – С. 39.– 45.

Крылова Наталья Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент, кафедра профессиональной педагогики и психологии, Пензенский государственный университет

Krilova Natalya Nikolaevna
Candidate of pedagogic sciences, associate professor, sub-department of vocational pedagogy and psychology, Penza State University

E-mail:PPiP@pnzgu.ru

УДК 378.033

Крылова, Н. Н.

Моделирование экологического компонента профессионально-педагогического образования / Н. Н. Крылова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 99–106.

УДК 593.1

Н. А. Лупанова

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ ЕЕ ИНФОРМАЦИОННОГО НАСЫЩЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социального и профессионального самоопределения личности в процессе ее информационного насыщения в референтном поле самореализации.

Ключевые слова: самоопределение личности, профессиональное самоопределение, социальное самоопределение личности, информационное насыщение.

Abstract. In the article the features of social and professional self-determination of personality are examined in the process of its informative satiation in the reviewer field of self-realization.

Keywords: self-determination of personality, professional self-determination, social self-determination of personality, an informative satiation.

Психолого-педагогический анализ особенностей взаимосвязи социального и профессионального самоопределения личности в различные периоды ее информационного насыщения показывает наличие взаимосвязи социальной значимости этого процесса и субъективной потребности личности в информационном обеспечении.

Охарактеризуем основные особенности и условия, при которых взаимовлияние информационного поля и развития личности способствует продуктивному самоопределению человека.

Психологические особенности развития и самоопределения младшего школьника (6–7 – 9–12 лет) изучали: Г. С. Абрамова, Ш. А. Амонашвили, П. П. Блонский, Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, М. Р. Львов, В. С. Мухина, Ж. Пиаже, В. А. Сухомлинский, Л. П. Фатеева, Д. Б. Эльконин [1, с. 24].

Важнейшими особенностями в самоопределении младшего школьника являются: установление социальных связей; охрана границ собственного «Я», структурирование собственного психического пространства, обозначение принадлежности окружающего предметного мира своему «Я» (тайная вещь, моя тайна…); осознанная мера регуляции своих поступков и своей биографии (белая ложь), «пробы себя», смена читательских интересов (о сверстниках, приключениях, реальной жизни), соотнесение концепций («Я-концепция» и концепция «Другого человека»). Кроме того, образуется «мера правильности» – единица измерения отношений (ты сломал мою игрушку), начинает проявляться педантичность, происходит осознание норм отношений между людьми (мера соблюдения правильности), мера оценки себя становится обобщенной и обезличенной (ориентир – с реальных отношений на возможные), дети хотят жить «правильно» (послушность, роль школьных правил). Ребенок начинает овладевать трудолюбием (это моя жизнь). Он способен действовать по правилам [1, с. 31].

Абсолютная роль в самоопределении младшего школьника принадлежит учебной деятельности (важна не отметка, а конкретные умения и навыки; реализация ситуаций «педагогической помощи» (Л. Ф. Спирин, В. В. Сохра-

нов); поощрение активности и самостоятельности; развивающий и проблемный характер обучения, домашнее задание – по желанию, свержение идеала – отметки, учимся ради развития памяти, воли, речи и др.) [1, с. 39].

В психолого-педагогическом знании имеется четко сформулированная концепция о необходимости избегания дефицитных свойств личности (страх ошибки, неуверенность в себе, сокращение жизненных перспектив) (В. Л. Леви, А. Г. Асмолов и др.) [1, с. 34].

Учение должно быть пронизано уважением к личности ребенка и его информационным потребностям.

Развитие личности, определяющее направленность и содержание самоопределения личности в данном возрасте, – прямое подражание взрослым (учителю). Начинается преобладание «Я – должен» над «Я – хочу» и «Я – могу».

Общение становится особой средой социальных отношений. В этот период особую важность играет педагогическая коррекция деструктивных состояний самоопределения ребенка данного возраста.

Реально в человеческих отношениях можно различать следующие типы поведения в ситуациях фрустрации:

1) активно включаемый, адекватно лояльный, стремящийся к преодолению фрустрации тип поведения – адаптивная (высокая позитивная) форма социального нормативного регулирования;

2) активно включаемый, неадекватно лояльный, фиксированный на фрустрации тип поведения – адаптивная форма социального нормативного реагирования;

3) активно включаемый, адекватно нелояльный, агрессивный, фиксированный на фрустрации тип поведения – негативная нормативная форма социального реагирования;

4) активно включаемый, адекватно нелояльный, игнорирующий, фиксированный на фрустрации тип поведения – негативная нормативная форма социального реагирования;

5) пассивный, невключаемый тип поведения – неразвитая, неадаптивная форма социального реагирования.

В период, когда ребенок начинает ходить в школу, новая социальная ситуация, в которую он попадает, приводит к тому, что сложившийся в семье стиль общения с ребенком обретает новые нюансы. Это основано на расширении поля жизнедеятельности ребенка. Выделяются:

1) авторитарный стиль – жесткое руководство, подавленные инициативы и принуждение в отборе потребляемой информации;

2) либерально-попустительский стиль – принцип вседозволенности в отборе информации. Попустительство приводит к тому, что ребенок не может развиваться в социально зрелую личность, т.к. возникает информационный конфликт;

3) гиперопекающий стиль – семья полностью фиксирует свое внимание на ребенке и информации, влияющей на его развитие. Он займет подчиненную позицию, найдя себе покровителя среди одноклассников;

4) ценностное отношение к ребенку с высокой ответственностью за него – наиболее эффективный стиль воспитания. Здесь ребенку выражают любовь и доброжелательность, с ним играют и разговаривают на интересующие его темы. Информация поступает к ребенку естественным образом – через процесс реализации его интересов и потребностей;

5) отчужденный стиль – глубокое безразличие взрослых к личности ребенка и потокам информации, поступающим к нему.

Стиль семейных взаимоотношений, конечно, определяет стиль воспитания ребенка и влияния информации на его развитие и самоопределение. Серьезная социальная проблема – агрессивные отношения в семье, когда агрессия направлена на каждого ее члена. Лишь здоровые физически и психически, любящие ребенка родители обеспечивают ему реализацию чувства защищенности, доверия и условия для нормального существования и потребления информации.

Социальные и психосоматические особенности самоопределения личности в подростковом возрасте рассматривали Г. С. Абрамова, Н. А. Бердяев, Л. И. Божович, И. В. Дубровина, Б. Заззо, М. К. Мамардашвили, М. М. Рубинштейн, Н. А. Рыбников, В. Сатир, В. С. Соловьев, В. А. Сухомлинский, Н. Н. Толстых, Д. И. Фельдштейн, В. Е. Франкл, Э. Фромм [1, с. 67].

Взаимосвязь самоопределения личности подростка и его информационного насыщения отличается следующими особенностями: стремлением к взрослой культуре, переживанием вторичного полового созревания, отсутствием логики самовыражения, характерным поведением взрослых, событийностью и ситуативностью жизни, реализацией жизни подростка как смены «зноя» и «ливня», самовлюбленностью, «трагедийностью» материальной культуры.

Главный вопрос подросткового развития «Зачем живут люди?» побуждает к дальнейшему развитию информационного поля. Подросток осваивает жизнь во всей ее полноте, он формирует целостный образ себя, что осуществляется на основе функциональной интеграции переживаний подростков и реализуется чаще всего на основе удовлетворения музыкального интереса.

Подростковое самоопределение характеризуется ситуативностью, аритмичностью, остротой соматического и эмоционального проявления. Завершается половое созревание.

Динамика самоопределения подростков взаимосвязана с «ранним старением детей», обусловленным их вредными привычками (социальный дискомфорт развития, алкоголизм, наркомания, курение, путанство и т.д.), что связано с неконтролируемыми информационными потоками, влияющими на самоопределение личности.

Подростковое самоопределение – сочетание реализма и романтизма.

Подросток стремится к стереотипизации восприятия мира (видео-, телеинформационные коммуникации).

В подростковом периоде наблюдается несоответствие действий и качественного их анализа; проявление подростковой культуры взаимосвязано с соотнесением ее и взрослой культуры на основе информационных потоков при осуществлении информационной деятельности.

Общение и игра являются ведущими подвидами познавательной деятельности, которые определяют возможную оптимальность информационного насыщения, развития и самоопределения подростка при условии восприятия информационного потока. В подростковом возрасте проявляется неадекватность самооценки; повышена роль референтной социальной среды как источника информации.

Подросток осуществляет поиск реализации своей информационной индивидуальности и ищет для этого неформальную среду взаимодействия

при условии взаимовлияния информационного поля и самоопределения личности.

В самоопределении и самореализации подростки проявляют групповую солидарность, тем самым осуществляя канал коммуникации при отборе информации. В подростковом возрасте происходит самоопределение на основе реализации близкой перспективы трудовой и спортивной деятельности.

В юношеском возрасте, который изучали Г. С. Абрамова, Г. С. Альтшуллер, Э. Берн, Л. И. Божович, И. В. Дубровина, И. С. Кон, А. В. Мудрик, В. С. Мухина, А. В. Петровский, Т. В. Снегирева, Л. Н. Толстой, З. Фрейд, Э. Фромм, Ж. Пиаже, Э. Эриксон, проявляются следующие особенности взаимовлияния информационного поля и самоопределения личности:

1. Выбор жизненных ценностей («Каким «Я» должен быть?», «Я» и общество?», «Я» – могу – хочу – должен?»). Ценность впервые в жизни появляется в качестве смыслообразующего информационного социального фактора, который используется в личностно значимой ситуации и направлен на реализацию перспективы ближнего информационного самоопределения личности юношей и девушек.

2. Многообразие духовной, материальной и телесной жизни. Многоликость юношеского самовыражения связана с ситуативностью интересов, которые юношество реализует, исходя из природных наклонностей, условий жизнедеятельности, ценностных ориентаций референтной для его развития социальной среды и особенностей информационных потребностей социальной среды.

3. Выбор внутренней позиции, который осуществляется на основе внешнего и внутреннего подражания элементам взрослой культуры, определяющим образом воздействующей на юношу, связан с формированием потребностей. Важное значение в данный период самоопределения личности имеет возможность реализации юношами и девушками права на выбор и на ошибку. Это является основой информационного запроса личности и ее самоопределения.

4. Накопление социального опыта, происходящее при включении юношества в такие подвиды познавательной деятельности, как общение, игра, профессиональная деятельность.

5. Юношеская влюбленность (всепоглощающая страсть). Подростковая сексуальность переходит в романтическое состояние взаимного сопереживания, побуждающего юношество к проявлению альтруизма, гуманности. Это формирует умения социально-бытового, интимно-личностного и профессионального общения.

6. Определение нового уровня социальных взаимосвязей с родственниками. Юношество проявляет потребность к реализации управленческой позиции и стремится определить собственную социальную и профессиональную нишу жизнедеятельности.

7. Стремление к осознанной рефлексии с самим собой, девушкой (юношей), сверстниками. В юношеском возрасте большинство из коммуникативных актов совершается как запланированное (продуманное) действие, что приводит к более глубокому взаимодействию личностей юноши и девушки с окружающим миром.

8. Переход от внешнего подражания к внутреннему (поиск идеала или(и) подражание асоциальной личности). В юношеском возрасте происхо-

дит приобщение к взрослой культуре, характерной чертой которой является символическое социальное соотнесение моторных действий. Стремясь понять глубину отношений между взрослыми, юноша развивает умение реализации интуитивности, стремится действовать в соответствии с идеями, которые он узнал, и считает возможным использовать их в качестве перспективы самоопределения.

9. Формирование опыта саморегулирования. Юношеский возраст является наиболее благодатным периодом для развития опыта личностного и профессионального саморегулирования на всех уровнях: физиологическом, психическом и социальном. В этом возрасте формируются умения, которые позволяют юношеству использовать саморегуляционность в качестве базовой личностной характеристики своего поведения. Личность начинает процесс самоинформационного обеспечения, причем избирательно.

10. Осуществление профессионального выбора. Юношеский возраст решает три основных проблемы: формирование мировоззрения, создание семьи и осуществление профессионального выбора. Профессиональный выбор юношей и девушек связан с двумя факторами – природными задатками личности и социальными условиями жизнедеятельности человека.

11. Формирование способностей к альтруизму, идентификации (установление общности себя и мира) и обособлению. Юношеский возраст – это период завершения становления основных способностей человека. В связи с юношеской предрасположенностью к формированию мировоззрения развиваются, прежде всего, способности к моральному соотнесению совершаемых действий с существующими нормативными установками референтной социальной среды. Поэтому они могут быть как нравственными, так и негативными.

12. Стремление к самоопределению (Ж. Ж. Руссо). Юношество завершает развитие самостоятельности, ответственности, гражданской позиции и персонализируется на уровне позиции «Я и общество».

13. Интегрированное самоопределение – психосоматическое и социальное развитие в юношеском возрасте приобретает характер целостности, человек получает возможность осуществления результатов личностного и профессионального самовоспитания, в которые он был включен с подросткового возраста.

14. Поиск друга. Юношеский возраст характеризуется явно выраженной индивидуализацией мышления и действий. Объективно ни один человек не может оценить себя, результаты своего действия, достигнутый уровень развития без «отражения» (К. К. Платонов) себя в образе другого человека – друга, с которым (и только с ним) он чувствует себя естественно и свободно.

15. Формирование и поиск способа удовлетворения социальных потребностей. Юношеский возраст завершает формирование сферы потребностей личности и осуществляет выбор путей самоутверждения. Возможны как позитивные, так и негативные пути самореализации.

16. Стремление сделать карьеру проявляется как соотнесение подростковой фантазии с объективным волевым усилием юношей и девушек по достижению намеченных целей.

Проблема юношества – выбор, осуществляемый в информационном поле «Школа как взрослая жизнедеятельность?». Учащиеся 9-х классов впервые в жизни нормативно побуждаются к социальному выбору, который может перевести их в полноправные члены общества, т.е. завершить процесс их

движения к взрослой культуре. Конфликтность этого процесса взаимосвязана с динамикой развития социальных институтов общества и неопределенностью нормативных актов, раскрывающих содержание возможной в данном обществе юношеской самореализации, а также недостаточной осведомленностью юношества, что связано с некачественными информационными услугами по обеспечению развития и самоопределения юношей и девушек.

У учащихся 10-го класса возникают следующие проблемы самоопределения: социально-психологическая адаптация в новом коллективе, установка на продление моратория (запрет) профессионального самоопределения, абулия выбора (безволие), новые информационные потребности, связанные с профессиональным самоопределением.

Роль социализации, самовоспитания в развитии и самоопределении юношества – определяющая (Э. Берн, А. А. Реан, К. Э. Рудестам, Н. С. Пряжников, Н. В. Самоукина, П. Г. Щедровицкий и др.), т.к. осуществляется самоотбор необходимых информационных потоков [2, с. 75].

Таким образом, на основе анализа особенностей социального и профессионального самоопределения личности по возрастным периодам мы пришли к выводу, что профессиональное самоопределение личности осуществляется в четыре этапа.

Первый этап – процесс довузовской подготовки (профессиональная направленность социализации детей в семейно-бытовой культуре; соотнесение учебных действий школьников с характеристиками основных профессиональных типов личности, профильные классы, курсы, факультет дополнительной подготовки и др.), который выполняет главную задачу – побуждает личность к самоанализу и соотнесению своих особенностей с требованиями, которые предъявляются к работе специалиста. Цель довузовской подготовки – сформировать осознанность профессионального выбора.

Второй этап – период непосредственного профессионального образования. Он имеет две составляющие. Первая – фундаментальное образование, позволяющее накопить необходимые для специалиста знания, умения и навыки. Вторая – технологическая, являющаяся основой профессионального взаимодействия. Их взаимосвязь позволяет специалисту развить необходимые профессиональные качества и решить для себя две основные задачи: осознать правильность профессионального выбора и при положительном решении этого вопроса включиться в процесс профессионального самовоспитания. Все формы и методы подготовки специалистов имеют большое значение и должны отличаться проблемностью, открытостью, четкой постановкой цели, структурной ясностью, личностной ориентированностью, технологичностью. Лекции, семинары, практические занятия, различные виды практики должны быть связаны с конкретными моделями деятельности специалиста.

Третий этап профессионального самоопределения личности – процесс прохождения практики. В отечественном образовании сложилось два подхода к ее осуществлению: студент проходит практику либо на предприятии, либо изучает различные концепции и модели. Обе формы приемлемы. Проблема в обеспечении личности профессионально значимыми информационными потоками заключается в содержательном аспекте деятельности студента-практиканта. Она проявляется, прежде всего, в недостаточном временном периоде, отводимом на практику. Второй проблемный момент – содержание деятельности практиканта на предприятии. Необходимо реализовать систем-

ный и деятельностный подходы, которые позволят студентам (особенно выпускникам) принять на себя все обязанности специалиста. Студент-практикант должен выходить на заключительную практику со своей моделью профессионального действия.

На данном этапе профессионального самоопределения решаются следующие задачи: обеспечивается информационное насыщение личности, формируются алгоритмы ее профессионального самовыражения, личность побуждается к профессиональному самовоспитанию, формируется опыт профессионального саморегулирования, стимулируется соотнесение образа жизнедеятельности с совокупностью взглядов общества на профессиональную деятельность.

Последний этап профессионального самоопределения личности осуществляется непосредственно на предприятии и проходит в течение трех–пяти лет. В педагогической теории он носит название «послевузовская профессиональная адаптация». Цель этого периода профессиональной подготовки заключается в становлении личностной методики профессионального образа жизнедеятельности.

Последний период является самым сложным, т.к. он требует от специалиста проявления всех знаний и опыта, которые накоплены им в ходе семейного воспитания, общего и профессионального образования и личностной социализации.

В этот период должны быть реализованы особенности эффективного самоопределения личности в информационно насыщенном профессиональном поле деятельности, к которым можно отнести: применение педагогом в своей деятельности социально востребованных профессиональных знаний и умений; готовность участников педагогического процесса к профессионально значимому управлению собой; достаточное для комфортной жизнедеятельности материальное обеспечение; гуманистичность включения учащихся и студентов в систему педагогических отношений; постоянное профессионально значимое педагогическое сопровождение и консультирование учащихся и студентов; индивидуально-личностный характер отношений в системе «педагог – учебная группа»; формирование у учащихся и студентов совокупности умений, качеств и свойств личности, позволяющих обеспечить их подготовку к тому виду профессиональной деятельности, который наиболее близок их личностным особенностям.

Большую роль в профессиональном самоопределении личности играет система внутреннего контроля и аттестации специалистов. С одной стороны, существующие нормативные положения дают возможность специалисту в первый год своей работы не проходить аттестационных мероприятий. С другой стороны, как правило, начинающий специалист недостаточно включается в работу методических объединений.

Активное побуждение личности к профессиональному самоопределению решает следующие задачи: специалист включается в систему профессиональных традиций учреждения; педагог соотносит имеющийся опыт личностной и профессиональной жизнедеятельности с представлениями, принятыми в конкретном коллективе; специалист воспринимает (прямая или защитная мотивация) модель профессионально-личностных отношений, поощряемых в учреждении.

Готовность личности к профессиональному самоопределению формируется под влиянием всех работников учреждения. Совокупность нормативно-моральных воздействий приводит к включению специалиста в процесс профессионального самовоспитания. Он состоит из следующих этапов: самопознание – самоактуализация – самокоррекция. В случае прямой мотивации включения личности в профессиональное самовоспитание оно соотносится с профессиональным самоопределением и приносит более существенные профессиональные результаты.

Список литературы

1. **Сохранов, В. В.** Состояние и тенденции профессиональной социализации педагогических кадров на вузовском и послевузовском этапах подготовки и переподготовки / В. В. Сохранов. – Пенза : ПГПУ, 2000 – 96 с.
2. **Батаршев, А. В.** Базовые психологические свойства и профессиональное самоопределение личности : практическое руководство по психологической диагностике / А. В. Батаршев. – СПб. : Речь, 2005. – 208 с.

Лупанова Наталья Александровна
кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии профессионального обучения, Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского

Lupanova Natalya Alexandrovna
Candidate of pedagogic sciences, associate professor, sub-department of pedagogy and psychology of vocational education, Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky

E-mail: berezka_pgpu@mail.ru

УДК 593.1
Лупанова, Н. А.
Характеристика особенностей социального и профессионального самоопределения личности в различные периоды ее информационного насыщения / Н. А. Лупанова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 107–114.

УДК 377.5 + 378.4

А. С. Мещеряков, В. В. Землянский

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ «КОЛЛЕДЖ – УНИВЕРСИТЕТ»

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления и механизмы интеграции среднего и высшего профессионального образования в условиях университетского комплекса.

Ключевые слова: интеграция, непрерывное профессиональное образование, университетский комплекс, колледж.

Abstract. The main directions and mechanisms of integration of secondary and higher professional education in conditions of university complex are examined in this article.

Keywords: integration, continuous professional education, university complex, college.

Развитие системы профессионального образования в России характеризуется усилением интеграционных процессов, отражающих глобальные тенденции формирования единого мирового образовательного пространства [1]. В исследованиях последних лет подчеркивается мысль об опережающем характере развития интеграции в образовании по отношению к этому процессу в других областях жизни. При этом в самом общем виде интеграция рассматривается как целостный процесс взаимной адаптации и объединения образовательных систем и составляющих их структур.

Как известно, интеграция (в переводе с лат. *integratio* – восстановление, восполнение) – понятие теории систем, означающее состояние связанности отдельных дифференцированных частей в целое, укрепление корреляционных связей, а также процесс, ведущий к этому состоянию.

По мнению Е. О. Галицких, три основных направления интеграции в науке (межнаучный синтез, методологический синтез, социально-проблемный синтез) создали теоретико-методологические предпосылки интеграции в образовании. Интеграция как явление межнаучного масштаба имеет свою эволюцию, историю развития, накопленный научный опыт 80-х и 90-х гг. XX в., когда понятие «межпредметные связи» уступило место понятию «интеграция» и приобрело значение междисциплинарного термина, отражающего общенаучную закономерность [2].

Развитие идеи интеграции в образовательном пространстве может быть представлено в нескольких направлениях:

– образование как форма отражения интегративных тенденций развития науки и культуры в целом, единой картины мира, которая становится основой мировоззрения человека;

– образование как интегрированная область человеческой деятельности, предметом которой является профессионально-личностное становление человека в системе профессионального образования;

– образование как часть мегапроизводства (мегадеятельности), включающего в себя два глобальных производства – производство человека (воспитание, образование, обучение) и производство средств его существования (производство как таковое) как взаимосвязанные и взаимообусловленные ка-

тегории, обладающие определенной степенью автономности и самодостаточности. При осуществлении мегапроизводства человек, с одной стороны, создает средства и условия своего существования; с другой стороны, преобразуя в процессе производства мир, он преобразует, развивает себя [3].

Методологической основой интеграции образования служат философские идеи целостного человека, синергетической картины мира, диалога культур и цивилизаций, опираясь на которые, можно говорить о принципиально новом этапе развития интеграции как педагогической проблемы. Интеграция в образовании – это не механическое соединение частей, не сумма их, а органическое взаимопроникновение, которое дает новый качественный результат.

Интеграция нашла воплощение в целом ряде педагогических концепций (А. П. Беляева, В. С. Безрукова, А. Я. Данилюк, Г. В. Мухаметзянова, Ю. Н. Петров, Е. В. Ткаченко, Н. К. Чапаев и др.). Интеграция является важным фактором целостного профессионально-личностного развития будущего специалиста. Педагогическая интеграция в самом широком значении слова – это «процесс и результат развития, становления и формирования многомерной человеческой целостности в условиях осуществления интегративно-педагогической деятельности» [13].

Идея интеграции реализуется через всю совокупность образовательных институтов и соответствующих им органов управления, где функционируют специфические связи между образовательными системами, направленные на всемерное расширение возможностей развития личности школьника, студента, специалиста. В этой связи образование рассматривается как «источник социальной компетентности личности, условие достижения личного и профессионального успеха» [4, с. 9], своеобразный «социальный лифт», позволяющий повысить социальную статусность субъекта.

«Образование через всю жизнь» – такова концептуальная основа развития многоуровневого интегрированного образования, ориентированного на удовлетворение актуальных и перспективных потребностей личности, запросов экономической, научной и духовной сфер общества. В этом смысле профессиональное образование выступает как непрерывный процесс, обусловленный необходимостью постоянного совершенствования профессионализма рабочих и специалистов, когда человек открывается новому опыту, проявляет способность свободно ориентироваться в сложном комплексе социальных и профессиональных проблем и успешно адаптироваться к изменяющимся условиям жизнедеятельности.

Содержание и технологии профессионального образования направлены не только на формирование конкретных профессиональных знаний и умений, но и на развитие ключевых компетенций специалиста. Их выделяется как минимум четыре:

– инструментальные, включающие в основном базовые общекультурные знания и общие знания по профессии;

– межличностные, описывающие готовность личности к социальному взаимодействию, умение работать в группе (команде), приверженность этическим ценностям, толерантность;

– системные, отражающие способность человека системно применять полученные знания на практике, осуществлять исследования, генерировать новые идеи, адаптироваться к новым ситуациям;

– специальные, характеризующие владение предметной областью на определенном уровне [5].

Современный конкурентоспособный специалист – это не простой исполнитель определенной социальной роли, детерминированной совокупностью внешних обстоятельств, а творческая, интеллектуальная личность, носитель духовного начала, свободный в выборе сфер познания, образовательных траекторий и созидательной деятельности, нацеленный на непрерывное саморазвитие, полноценную жизненную самореализацию (Б. С. Гершунский).

Действующее законодательство Российской Федерации в области образования создало предпосылки для формирования и развития системы непрерывного профессионального образования в различных моделях взаимодействия начального, среднего и высшего профессионального образования:

– университетские комплексы, включающие в свою структуру образовательные учреждения среднего профессионального образования;

– многопрофильные учебно-научно-производственные комплексы, включающие в свою структуру не только образовательные учреждения высшего, среднего и начального профессионального образования, но и научно-исследовательские институты, производственные структуры;

– региональные университетские комплексы, включающие в структуру несколько вузов и несколько колледжей;

– региональные центры непрерывного образования и др.

В исследованиях Г. В Мухаметзяновой подчеркивается, что создание образовательных комплексов обусловлено всем ходом социального, экономического, научно-технического развития общества на современном этапе. В системе непрерывного профессионального образования образовательные комплексы выполняют функции активной профессиональной адаптации личности, формирования профессиональной мобильности в условиях наукоемкого высокотехнологического производства, наиболее полного развития способностей, склонностей, интересов учащихся, осуществления завершенной дифференцированной, поэтапной подготовки [6, с. 50].

В основе организации образовательных комплексов, образовательных округов лежит использование возможностей горизонтальных и вертикальных связей, возникающих в процессе интеграции. Объединение профессиональных образовательных учреждений по вертикали основано на углублении общего и специального образования, повышении профессиональной компетентности будущего выпускника. Такая подготовка направлена на формирование у специалиста самостоятельности в решении организационных и управленческих задач. Ее результатом является постепенное повышение уровня квалификации будущего специалиста в процессе обучения.

Объединение образовательных учреждений по горизонтали основано на расширении профиля специалиста, на получении им более серьезной общепрофессиональной и общеобразовательной подготовки, обеспечивающей мобильность в профессиональной деятельности.

С этих позиций становится очевидной необходимость расширения интеграционных процессов в профессиональной школе как в содержательном, так и в организационном аспектах. Первый из них проявляется в развитии преемственности образовательных программ различных уровней на основе координации содержания всех этапов профессиональной подготовки, второй – в расширении взаимодействия образовательных учреждений различных ти-

пов и профилей. Рассмотрим подробнее названные аспекты интеграции на примере взаимодействия среднего профессионального образования (СПО) и высшего профессионального образования (ВПО).

Научная основа интеграции образовательных структур СПО и ВПО заложена в работах академика РАО А. М. Новикова, который в качестве организационных предпосылок содержательного и структурного сближения подсистем профессионального образования называет создание университетских образовательных комплексов и развитие колледжей как интегративных учебных заведений при сохранении завершенности, самоценности каждой ступени образования [7].

В настоящее время в нашей стране насчитывается более 1200 колледжей. Колледжи осуществляют многоуровневую подготовку специалистов со средним профессиональным образованием, являются, как правило, многофункциональными и многопрофильными образовательными учреждениями. Сегодня колледжи занимают значительное место в образовательных системах практически всех регионов России. Многофункциональность колледжей характеризуется более широким спектром их деятельности по сравнению с техникумами как по реализации образовательных программ, так и по выполнению других функций. Колледжи реализуют программы СПО базового и повышенного уровней, а также дополнительного профессионального образования (повышение квалификации, профессиональная переподготовка кадров, содействие местным органам службы занятости и трудоустройства населения в виде организации курсов, семинаров и т.д.). Колледжи осуществляют методическую, научно-методическую, научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую деятельность, проводят профориентационную работу среди школьников.

Колледжи активно участвуют в интеграционных процессах как внутри уровня СПО («горизонтальная» интеграция), так и между уровнями профессионального образования («вертикальная» интеграция средних специальных учебных заведений с высшими учебными заведениями и учреждениями начального профессионального образования).

Вертикальная интеграция наиболее развита между средними специальными и высшими учебными заведениями. В настоящее время функционируют более 160 подразделений вузов, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования. В последние годы в структуру вузов включено более 100 средних специальных учебных заведений.

Разработанные многими высшими учебными заведениями модели учебных планов позволяют выпускникам колледжей при безусловном выполнении государственных образовательных стандартов СПО и ВПО освоить специальные дисциплины вузовского цикла за 2–3 года. Альянс «колледж – вуз» несет в себе неоспоримые плюсы. Он позволяет интегрировать, а значит, эффективнее использовать имеющуюся учебно-материальную базу, интеллектуальный, педагогический потенциал, объединить и обогатить стратегические идеи развития образовательных учреждений, создать общие традиции и т.д. У педагогических коллективов колледжей появляются мощные стимулы для профессионального роста, в том числе и научного. Примером может служить Пензенский колледж управления и промышленных технологий им. Е. Д. Басулина.

Тесное взаимодействие колледжа и университета представляет особую значимость, т.к. дает возможность пополнять контингент студентов высшего учебного заведения молодежью, которая по сравнению с выпускниками школ имеет более высокий уровень мотивации профессионального выбора, лучше ориентирована в отношении будущей специальности. Выпускники колледжей получают среднее профессиональное образование, изучив при этом часть дисциплин общего гуманитарного и социально-экономического, математического и естественнонаучного, а также общепрофессионального циклов, которые входят в число изучаемых на младших курсах вуза.

При всех неоспоримых достоинствах рассмотренной схемы взаимодействия учебных заведений СПО и ВПО все же наиболее оптимальной моделью интеграции представляется создание в условиях вуза интегрированного образовательного пространства, в котором объединены различные уровни профессионального образования: начальное, среднее, высшее, послевузовское. Это открывает возможность полноценной реализации в условиях одного образовательного учреждения идеи непрерывного профессионального образования. Перспективы подобной интеграции могут быть связаны с созданием на базе Пензенского государственного университета регионального многоуровневого территориально распределенного образовательного комплекса как инновационной модели профессионального образования в Пензенском регионе.

Профессиональная подготовка, основанная на синтезе начального, среднего и высшего профессионального образования и осуществляемая в одном образовательном учреждении, позволяет получить принципиально новый эффект в плане личностного становления специалиста. Тем самым обеспечивается социальная защищенность личности посредством освоения рабочих профессий, квалификаций техника, инженера, экономиста и т.д. Это достигается за счет более раннего профессионального самоопределения студента, ориентации образовательных программ на формирование интегральных структур личности, ее ключевых компетенций.

Юношеский возраст, в котором находятся студенты, сензитивен для интенсивного развития самосознания, целенаправленного самоопределения в различных социально-профессиональных ролях. В связи с этим в процессе непрерывного образования происходит не просто «надстраивание» нового знания и социального опыта, а личностное и профессиональное становление специалиста. Для реализации жизненной перспективы студент сознательно выбирает и выстраивает собственный мир ценностей, овладевая творческими способами решения научных, производственных и жизненных проблем, используя при этом возможности университетской образовательной среды [8].

В процессе профессиональной подготовки особое внимание уделяется развитию не только когнитивной сферы личности будущего специалиста, формированию у него интегральных характеристик мышления и деятельности (аналитико-синтетические, рефлексивные умения, креативность, системный подход к профессиональной деятельности, владение современными информационными технологиями и др.), но и опыта эмоционально-ценностного отношения студента к избранной профессии как особой области культуры, к окружающему миру в целом.

Непрерывное профессиональное образование осуществляется с единых концептуальных позиций, и соответственно этому организуется образовательный процесс. Продвижение студентов по уровням образования (верти-

кальная мобильность) рассматривается как поэтапное изменение социальной ситуации развития личности, ее непрерывные социализация и профессионализация. Это дает основание полагать, что интегрированное образование в условиях высшего учебного заведения формирует качественно новый тип практико-ориентированного специалиста [9].

Важно отметить, что центр тяжести в многоуровневой образовательной системе переносится с организационных аспектов на содержательную сторону образования, когда появляется возможность поиска и реализации различных путей и способов интегрирования образовательных программ на основе личностно ориентированного подхода.

Наиболее развитыми и эффективными видами учебной деятельности, в которых используются личностно ориентированные методы обучения и обеспечивается взаимопроникновение различных организационных форм обучения, являются комплексное курсовое и дипломное проектирование, лабораторный практикум, студенческие научно-исследовательские работы, студенческие конструкторские и проектные бюро.

Образовательная среда вуза не исчерпывается системой факторов и условий, непосредственно связанных с процессом обучения. Безусловно, важна та сфера академической среды, к которой относят морально-психологический климат, атмосферу доброжелательности и взаимной ответственности, общие дела, благоприятный имидж образовательного учреждения. Важна и та внеучебная деятельность (участие в работе творческих центров, творческих коллективов), которая может служить неким стержнем личностного и профессионального развития специалиста.

Таким образом, развитие многоуровневых профессиональных образовательных учреждений представляет собой перспективную модель реализации основных положений Федеральной целевой программы развития образования до 2010 года. Опыт убеждает, что в условиях складывающейся демографической ситуации и, соответственно, сокращения спроса на образовательные услуги возникает объективная необходимость в оптимизации сети профессиональных учебных заведений путем их укрупнения, создания интегрированных образовательных структур, ориентированных на личностные запросы обучающихся и постоянное изменение конъюнктуры рынка труда. Это позволит сохранить существующий потенциал системы профессионального образования и создать основу для ее дальнейшего развития.

Список литературы

1. **Лиферов, А. П.** Основные тенденции интеграционных процессов в мировом образовании : автореф. дис. … доктора пед. наук / А. П. Лиферов. – М., 1997.
2. **Галицких, Е. О.** Интегративный подход как теоретическая основа профессионально личностного становления будущего педагога в университете : автореф. дис. … доктора пед. наук / Е. О. Галицких. – СПб., 2002.
3. **Чапаев, Н. К.** Интеграция образования и производства: методология, теория, опыт / Н. К. Чапаев, М. Л. Вайнштейн. – Челябинск ; Екатеринбург, 2007.
4. **Асмолов, А. Г.** Образование России: от «культуры полезности» – к «культуре достоинства» / А. Г. Асмолов, А. М. Кондаков // Педагогика. – 2004. – № 7. – С. 3–11.
5. **Татур, Ю. Г.** Компетентность в структуре модели качества подготовки специалистов / Ю. Г. Татур // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3. – С. 20–26.

6. **Мухаметзянова, Г. В.** Колледж – инновационный тип среднего профессионального учебного заведения / Г. В. Мухаметзянова, В. А. Ермоленко. – Казань : ИСПО РАО, 2002.
7. **Новиков, А. М.** Построение системы непрерывного образования / А. М. Новиков. – М., 2000.
8. **Маклецова, О. В.** Становление и развитие субъектности студента в образовательной среде университета / О. В. Маклецова // Философия и история образования: проблемы гуманизации : межвузовский сборник научных трудов. – Пенза, 2002. – С. 166–172.
9. **Худолий, Н. Г.** Интегрированное многоуровневое профессиональное образование / Н. Г. Худолий // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 6. – С. 13–17.

Мещеряков Анатолий Семенович
доктор педагогических наук,
профессор, заведующий кафедрой
профессиональной педагогики
и психологии, Пензенский
государственный университет

Meshcheryakov Anatoly Semenovich
Doctor of pedagogic sciences, professor,
head of sub-department of vocational
pedagogy and psychology,
Penza State University

e-mail:PPiP@pnzgu.ru

Землянский Валентин Валентинович
кандидат педагогических наук, доцент,
заместитель директора
по научно-методической работе,
Пензенский колледж управления
и промышленных технологий
им. Е. Д. Басулина

Zemlyansky Valentin Valentinovich
Candidate of pedagogic sciences, associate
professor, deputy director of methodology,
Penza College of Management
and Industrial Technologies
named after E. D. Basulin

E-mail: zvv-penza@mail.ru

УДК 377.5 + 378.4
Мещеряков, А. С.
Интеграционные процессы в образовательной системе «колледж – университет» / А. С. Мещеряков, В. В. Землянский // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 115–121.

С О Ц И О Л О Г И Я

УДК 31633

В. П. Букин

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассмотрены теоретико-методологические основы, новые исследовательские подходы к социализации современной российской молодежи. На основе социологического исследования, проведенного в Республике Мордовии, Пензенской и Ульяновской областях, выявлены возрастные особенности и проблемы социализации провинциальной молодежи, определена типология, изучены вопросы самоидентификации молодежи в соответствии с ее социально-статусной принадлежностью.

Ключевые слова: молодежь, социализация, идентификация, адаптация, интеграция, инновация, парадигма, социализационная траектория, социализационная норма, регион, провинция.

Abstract. The article considers theoretical-methodological bases, new research approaches to socialization of the present day young people of Russia. The typology is defined, and the questions of personal identification according to their sociological status are studied on the basis of the sociological researches having taken place in the Republic of Mordovia, Penza and Ulyanovsk regions.

Keywords: young adults, socialization, identification, adaptation, integration, innovation, paradigm, trajectory of socialization, norm of socialization, region, province.

Перемены в политической, социально-экономической жизни России требуют новых подходов к решению вопросов интеграции молодых поколений в общество.

Специфика российского молодежного социума заключается в том, что в его развитии находят отражение как глобальные проблемы, характерные для молодежи развивающихся и экономически развитых стран, так и национально-региональные особенности, связанные с социальной трансформацией российского общества.

Проблема социализации личности является одной из основных в социологии молодежи. В рамках этой проблемы изучаются действующие в обществе механизмы передачи социального опыта от поколения к поколению, соотношение процессов и институтов социализации. Учитывая роль, место и значение социализации в становлении молодых людей, рассмотрим некоторые концептуальные аспекты этого сложного и противоречивого процесса.

Термин «социализация» в лексикон общественных дисциплин был введен более ста лет назад. Его автором признается американский социолог Ф. Гиддингс, опубликовавший в 1887 г. книгу «Теория социализации». Большой вклад в теоретическое осмысление проблем социализации внесли Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Г. Тард, Н. Смелзер.

Э. Дюркгейм, исследуя отношения человека и общества, неоднократно обращался к вопросам воспитания подрастающих поколений. «Общество, –

отмечал Э. Дюркгейм, – может выжить только тогда, когда между его членами существует значительная степень однородности. Воспитание устанавливает и подкрепляет эту однородность, фиксируя у ребенка с самого начала существенные, типичные характеристики, требуемые коллективной жизнью.

Но, с другой стороны, воспитание гарантирует постоянство... разнообразия, будучи само по себе разнообразным и специализированным» [1, с. 12, 13]. Суть позиции Дюркгейма, таким образом, – в признании за обществом активного начала и приоритета его перед человеком в процессе социализации.

Ядром дюркгеймовской концепции социализации стала теория морали как системы объективных правил поведения, отличительным признаком которых была их императивность. По мнению Дюркгейма, социальные нормы влияют на индивидуальное поведение не непосредственно, а через определенные механизмы их интериоризации.

Процесс социализации Т. Парсонс рассматривает в рамках развернутой социологической теории функционирования общества, описывающей в том числе процессы интеграции человека в социальную систему и адаптации его в ней. Универсальной задачей социализации является формирование у вступающих в социальную систему индивидов устойчивых ценностных ориентаций и других компонентов культуры. При этом обеспечивается непрерывность и воспроизводство общественных процессов [2, с. 438–440].

Н. Смелзер утверждал, что «общество не может сохраниться, если его ценности и нормы не усваиваются его новыми членами. Однако социализация никогда не может быть эффективной на сто процентов. Дети оказывают сопротивление усилиям взрослых и изменяют процесс социализации на многих этапах своего развития. Иногда социализация терпит полное фиаско… Однако такие неудачи могут послужить основой для социальных перемен в жизни грядущих поколений» [3, с. 126].

Основой теории социализации, разработанной Г. Тардом, является принцип подражания. При этом отношение «учитель–ученик» провозглашается типовым во всем многообразии социальных отношений. Наряду с трактовкой социальности как подражательности, являющейся, по его утверждению, проявлением основного Закона всего сущего–всемирного повторения, Г. Тард связывал возможность социальной эволюции с инновациями как отношениями от строгого повторения [4].

Исследуемый социальный процесс характеризуется многообразием его определений. В большинстве из них подчеркивается процессуальная сторона данного явления. Например, в энциклопедическом словаре «Социология молодежи» социализация определяется как «двусторонний процесс: 1) постоянной передачи обществом и 2) освоения индивидом в течение всей его жизни социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения, позволяющих индивиду функционировать в данном обществе» [5, с. 442]. В Российской социологической энциклопедии указывается, что «социализация – это процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования индивида в данном обществе» [6, с. 478].

В конце XX в. и в настоящее время в зарубежной и отечественной социологии обозначились новые исследовательские подходы к социализации молодого поколения.

В этой связи перспективным представляется создание С. В. Полутиным концептуальной модели социализации молодежи в условиях изменяющейся социальной среды.

Предлагаемая им концептуальная модель включает в себя три универсальных и последовательных этапа социализации молодежи, для каждого из которых характерен преобладающий тип взаимодействия с социальным окружением:

АДАПТАЦИЯ --------► ИНТЕГРАЦИЯ -------► ИННОВАЦИЯ

Адаптация молодежи (адаптационная деятельность) рассматривается как приспособление к условиям окружающей социальной среды, в ходе которого реализуются первичные потребности личности. На этом этапе социальный субъект (личность, группа, поколение) преимущественно выступает в качестве объекта социальной защиты и поддержки со стороны общественных институтов.

Интеграция (интеграционная деятельность) – это осознание и постижение проблем внешнего мира, стремление к сохранению равновесия (избеганию конфликта) между личностно значимыми ценностями и нормами и требованиями общества. На этом этапе социальный субъект становится неотъемлемой частью социума, т.е. воплощает в себе коллективные интересы и устремления.

Инновация (инновационная деятельность) рассматривается как устойчивое стремление к достижению определенных изменений окружающей социальной среды в соответствии с собственными интересами, которые могут как совпадать, так и расходиться с целями (внешними потребностями) группы, организации, в целом общества на определенном этапе его развития. Деятельность социального субъекта в данном случае носит творчески-преобразующий характер.

Предложенная модель имеет системный характер, и каждый этап социализации личности органично включает в себя результаты предшествующего [7, с. 123].

На основе многолетних исследований проблем социализации, поиска теоретических и методологических подходов, помогающих глубже понять и объяснить процесс социализации молодежи, А. И. Ковалевой выдвинуты новые концептуальные положения: концепция социализационной нормы, характеристика отклоняющейся социализации, типология процессов социализации, особенности и траекторная модель социализации молодежи.

Ключевым понятием в указанной модели выступают множественные социализационные траектории, представляющие собой интегральный показатель характера социализации, отражающий ее объективную и субъективную стороны, определяющий характеристики направленности и результативности.

Наряду с понятием социализационной траектории вполне обоснованным является новое понятие «социализационная норма».

В широком смысле социализационная норма определяется как результат успешной социализации, позволяющей индивидам и обществу воспроизводить социальные связи, общественные отношения и культурные ценности и обеспечивать их дальнейшее развитие. На индивидуальном уровне указанная норма – это многомерный этап социализированности человека с учетом его возрастных и индивидуально-психологических характеристик. На уровне

общества она представляет собой устоявшуюся совокупность правил передачи социальных норм и культурных ценностей от поколения к поколению [8, с. 109].

Проведенный российскими учеными анализ позволил выделить следующие основные особенности социализации российской молодежи с учетом перехода от советской модели социализации (единообразной по нормативности, с равными стартовыми возможностями и гарантиями, обеспечивающей предсказуемость жизненного пути) к другой модели (пока лишь складывающейся, вариативной, стратификационной): трансформация основных институтов социализации; деформация ценностно-нормативного механизма социальной регуляции и становление новой системы социального контроля; дисбаланс организованных и стихийных процессов социализации в сторону стихийности; изменение соотношения общественных и личных интересов в сторону расширения автономии формирующейся личности и пространства для самодеятельности, творчества и инициативы человека [9].

Процессы социализации современной российской молодежи имеют ярко выраженную региональную специфику. Центр тяжести и степень ответственности за экономическое, социальное, политическое, духовное развитие молодого поколения перемещается в регионы-субъекты РФ.

Правовые основы для работы с молодежью по месту проживания созданы Федеральным законом от 31 декабря 2005 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием полномочий», который закрепил за регионами и муниципальными образованиями полномочия в сфере работы с молодежью.

По мнению М. К. Горшкова, «в современной социологической науке наряду с исследованиями глобального плана и национально-социетального характера резко возрос интерес к социальным проблемам регионального плана. Для российского общества это обстоятельство имеет особую значимость в силу разнообразия природных, экономических и социальных условий. Россию справедливо называют страной регионов» [10, с. 23].

Как отмечает А. И. Сухарев, «исторически Российская Федерация формировалась разными путями из тех или иных «частей», но, став ею, она обрела свою системную логику, согласно которой у федерации в целом есть свои относительно самостоятельные приоритеты, а у субъектов федерации – иные. Противопоставлять целое и его части – это означает искусственно рвать системы. Но и не замечать их объективной относительной самостоятельности, их специфических интересов, которые не всегда и не во всем совпадают, столь же губительно» [11, с. 16].

Вполне естественно, что региональные особенности в значительной степени детерминируют процесс социального воспроизводства и социализации молодежи региона, формируют ее качественные характеристики и инновационные возможности в рамках территориальных социальных общностей.

Молодежная проблематика имеет разные измерения и соответствующие решения в центре (столицах) и провинции. В свою очередь, жизненные перспективы провинциальной молодежи имеют значительную региональную дифференциацию, наблюдаются разные условия социализации.

С учетом этих особенностей в декабре 2005 г. в Республике Мордовии, Пензенской и Ульяновской областях по инициативе Института социологии РАН при представительстве Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации

с участием автора проведено социологическое исследование «Российская молодежь в регионах «скромного достатка»: каковы жизненные перспективы?».

Исследование проведено в регионах Приволжского Федерального округа, имеющих примерно одинаковые социально-экономические условия: площади территории и численности населения, в том числе молодежи, экономику индустриально-аграрного характера, сравнительно высокий удельный вес сельского населения (свыше 30 %), сопоставимые величины регионального прожиточного минимума, среднедушевых доходов и бюджетной обеспеченности населения, социальной инфраструктуры и т.п.

По целевой (учащиеся и работающие, городские и сельские жители) выборке было опрошено 1500 респондентов (по 500 в каждом регионе) в возрасте 16–30 лет.

Результаты опроса, анализ вторичных материалов и государственной статистики позволил выявить следующие положения и факторы социализации провинциальной молодежи в важнейших сферах жизнедеятельности:

– типологические и классификационные характеристики молодежи российской провинции как определенного регионального субсоциума;

– жизненные стратегии провинциальной молодежи, на чем они основаны и какие механизмы реализации предполагают;

– социально-ценностные установки и идеалы молодежи в контексте провинциальной ментальности;

– профессионально-трудовое определение молодежи, сферы занятости, работа по специальности, мотивация и ориентация на бизнес;

– образование как старт и потенциал жизненной перспективы;

– материальные условия, уровень и качество жизни молодежи в провинции;

– молодежная семья, супружество официальное и неофициальное, дети и репродуктивные планы;

– жилье для молодежи: реальность и надежды;

– здоровье в системе жизненных ценностей молодежи;

– отношение к власти и участие в общественно-политической жизни;

– досуг, виды и формы занятий в свободное время.

Все изученные проблемы в основе своей характеризуют вопросы социального самоопределения и самоидентификации молодежи российской провинции как одни из существенных интегральных качеств, обретаемых молодыми людьми в процессе их социализации. В социологии молодежи социальное самоопределение рассматривается, с одной стороны, как поэтапный процесс включения молодежи во все сферы общественной жизни и достижения относительно равновесного состояния в социально-стратификационной структуре общества, с другой – как процесс осознания молодыми людьми своей принадлежности к определенным социальным группам с закрепленными в них социальными статусами и ролями, т.е. формирования устойчивой социальной идентичности.

Соответственно, социальная идентичность в значительной степени есть результат социализации, наиболее активная фаза которой приходится на период молодости.

По определению В. В. Маркина, «региональная идентификация предполагает выработку и закрепление определенных социальных представлений образов субсоциетальной принадлежности к локализованному социальному

пространству. И здесь, конечно, процесс региональной идентификации включает индивидуально личностный уровень, когда отдельный индивид-житель какого-то региона соотносит и отождествляет себя и других с территориальными социальными образцами, группами, типами, признаками и т.д.» [12, с. 17].

В ходе нашего исследования была предложена процедура самоидентификации, т.е. отнесения принадлежности респондентов к одной из десяти (в порядке возрастания) групп социальной иерархии. Итоги отражены в табл. 1.

Таблица 1

Самоидентификация провинциальной молодежи, $N = 1500$

Шкалы социальной иерархии	В нашем обществе есть люди, которых можно отнести к верхним слоям, и люди, которые принадлежат к нижним слоям общества	
	Куда бы Вы поместили себя на этой шкале в настоящее время?	А где бы Вы хотели на этой шкале находиться в будущем?
	%	%
1	1,3	0,4
2	2,8	0,5
3	14,6	0,4
4	19,4	0,9
5	28,2	5,0
6	14,3	5,7
7	9,8	14,7
8	4,5	26,6
9	0,7	20,0
10	0,8	22,3
Всего	96,5	96,5
Количество неответивших	3,5	3,5
Всего респондентов	100,0	100,0

Анализ данных, представленных в этой таблице, показывает, что количество тех, кто в настоящее время указывает на свою принадлежность к самым нижним или самым верхним ступеням социальной иерархии, незначительно (первая ступень – 1,3 %, вторая – 2,8 %, девятая – 0,7 %, десятая – 0,8 %). Основная масса опрошенных в этой шкале помещает себя на третью–восьмую ступени, т.е. идентифицирует себя со средними и верхними слоями общества.

В то же время данное распределение респондентов по группам социальной иерархии выглядит чрезвычайно интересно через призму желаемой социальной мобильности, т.е. «притязаний» на перемещения в социальной иерархии.

В будущем на нижних ступенях социальной иерархии хотели бы находиться единицы ответивших на этот вопрос: 0,4 % – на первой, 0,5 % – на второй, 0,4 % – на третьей ступени из 1445 респондентов. Остальные хотят занимать более высокие социально-статусные позиции.

Здесь прослеживается следующая тенденция: провинциальная молодежь стремится к резко вертикальному социальному перемещению. Кроме

того, почти две трети респондентов хотят достигнуть «высокого положения» и четверть – «высшего положения».

Графическое изображение самоидентификации провинциальной молодежи представлено на рис. 1.

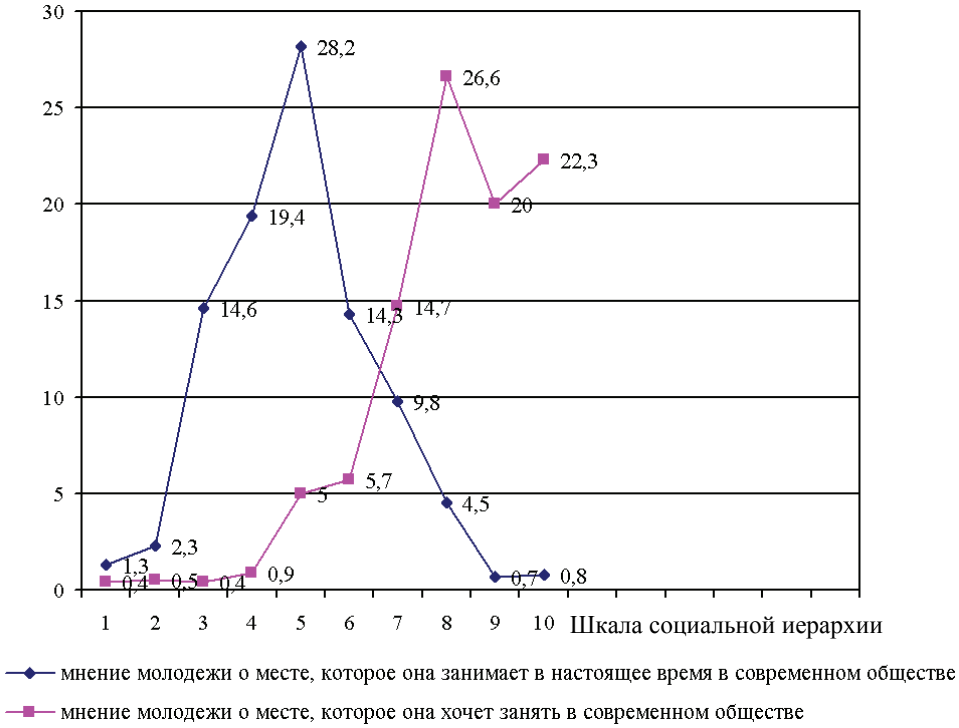


Рис. 1 Самоидентификация провинциальной молодежи

Социальная дифференциация молодежи в определенной степени обусловлена спецификой ее социальной адаптации к условиям окружающей среды. Молодежь в силу объективных причин представляет собой не жестко структурированную группу с устоявшейся нормативно-ценностной структурой, а «мягкую» структуру, обусловленную неполнотой социального статуса входящих в нее индивидов и в целом переходным характером возрастной фазы молодости. Данная структура более динамична и восприимчива к внешним социальным влияниям и может пластично изменяться в зависимости от изменений условий внешней среды.

Специфика социализации молодежи связана с особенностью этапа социализации, включающего завершение первичной ее стадии и начало вторичной. Первичную стадию индивид проходит в детском возрасте. Благодаря ей он становится полноценным членом общества. Вторичная стадия – это последующий процесс, происходящий уже с социализированным индивидом.

Для нас представляется важным изучение проблем вторичной стадии социализации провинциальной молодежи с учетом ее возрастной классификации. Следует отметить, что в научной литературе рассматриваются различные возрастные классификации с выделением различных возрастных групп внутри молодежи. До последнего времени общепринятые для российской действительности возрастные группы молодежи были определены в интерва-

ле от 15 до 29 лет, т.е. в пределах 15 лет. Целостный процесс социализации и индивидуализации молодежи условно разграничивался на определенные временные этапы: подростки до 18 лет, молодежь 18–24 лет и молодые взрослые 25–29 лет.

В нашем исследовании использовалась градация молодежи по следующим возрастным группам, отражающим уровни ее социализации:

– 16–21 год: происходит потенциальное самоопределение личности во всех наиболее значимых жизненных сферах (труд, быт, семья, культура, досуг, общественно-политическая жизнь и т.д.); большинство молодых людей в этом возрасте получают базовое образование с определенной профессиональной подготовкой;

– 22–26 лет: начинается многосторонняя реализация этого потенциала, связанная с окончанием учебного заведения, трудоустройством, созданием собственной семьи и рождением первых детей, устройством быта, развитием дружеских отношений и т.д.;

– 27–30 лет: практически полностью могут реализоваться жизненные стратегии в трудовых, деловых достижениях (становление профессионализма), более полном обустройстве быта (прежде всего жилья), семейных отношениях (развитие статуса родителя), участии в общественном управлении, закреплении форм проведения досуга, любительских занятий и т.д.

Разумеется, эта градация по возрастным группам имеет гендерную (социально-половую) специфику. Именно в рамках указанного социального возраста рассмотрены основные проблемы социализации молодежи в российской провинции.

Качественное изменение социальной среды существования молодежи российской провинции в последние годы значительно изменило условия и механизмы социализации молодых людей, усилило процессы социальной дифференциации, усложнило пути достижения приемлемого социального статуса. Во взрослую жизнь входят первые возрастные когорты, наиболее интенсивная фаза социализации которых пришлась на самый драматичный период трансформации российского общества и развития рыночных отношений.

Список литературы

1. **Дюркгейм, Э.** Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М., 1999.
2. **Парсонс, Т.** О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М., 2000. – С. 438–440.
3. **Смелзер, Н.** Социология / Н. Смелзер. – М., 1993.
4. **Тард, Г.** Социальная логика / Г. Тард. – СПб., 1996.
5. Социология молодежи : энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. – М. : Academia, 2008. – 608 с.
6. Российская социологическая энциклопедия / под общей редакцией академика РАН Г. В. Осипова. – М. : НОРМА-ИНФРА, 1999. – 672 с.
7. **Полутин, С. В.** Молодежь в системе социального воспроизводства (социологический анализ) : монография / С. В. Полутин. – Саранск : Изд-во МГУ им. Н. П. Огарева, 2000.
8. **Ковалева, А. И.** Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория / А. И. Ковалева // Социс. – № 1. – 2003.
9. **Ковалева, А. И.** Социализация личности: норма и отклонение / А. И. Ковалева. – М., 1996.

10. **Горшков, М. К.** Уроки и перспективы отечественной социологии / М. К. Горшков // Социс. – № 7. – 2008.
11. **Сухарев, А. И.** Основы регионологии / А. И. Сухарев. – Саранск : НИИ регионологии, 1996. – 45 с.
12. **Маркин, В. В.** Региональная идентификация и социальное моделирование российских регионов: проблема социологической интерпретации / В. В. Маркин // Региональная социология в России : сборник материалов социологических исследований / отв. ред. В. В. Маркин ; Институт социологии РАН. – М. : Экслибрис-Пресс, 2007. – 480 с.

Букин Василий Петрович
кандидат социологических наук, профессор, кафедра государственного управления и региональной социологии, декан факультета инновационных технологий обучения, Пензенский государственный университет

Bukin Vasily Petrovich
Candidate of sociology, professor, sub-department of public administration and regional sociology, the dean of the faculty of innovative technologies in education, Penza State University

E-mail: gmu_08@mail.ru

УДК 31633
Букин, В. П.
Социализация молодежи в современном российском обществе: региональный аспект / В. П. Букин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 122–130.

УДК 316.35:39

Л. В. Рожкова

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ[1]

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты социальной адаптации к изменяющимся социально-экономическим условиям, исследуются условия предпринимательской деятельности этнических мигрантов, выявляются основные проблемы социальной адаптации этнических предпринимателей.

Ключевые слова: предпринимательство, социально-экономические условия, социальная адаптация, этнические мигранты.

Abstract. In the article the attention is paid to consideration of theoretical aspects of social adaptation to changing social and economic conditions, investigation of conditions of ethnic migrants' enterprise activity, revelation of main problems over social adaptation of ethnic businessmen.

Keywords: business, socio-economic conditions, social adaptation, ethnic migrants.

Этнический аспект миграции долгое время не являлся предметом специального анализа. То, что социологией не рассматривалась данная проблематика, объясняется во многом жестким идеологическим запретом публичных обсуждений тех процессов, которые происходили в этнической сфере жизни советского общества. Поэтому сама проблематика этнической миграции с точки зрения социологического анализа в настоящее время недостаточно разработана, хотя сам процесс этнической миграции не является принципиально новым феноменом для России.

Теоретическое и эмпирическое исследование проблем межэтнического взаимодействия и межэтнических отношений в контексте этнических миграций, этнического фактора в миграционных процессах нашло отражение в работах Л. М. Дробижевой, Н. М. Маликовой, С. В. Рязанцева, С. А. Татунц, О. В. Щедрины и др. По мнению А. А. Сусоколова, этносоциологический подход к управлению миграцией предполагает изучение специфики миграционной подвижности представителей разных этносов, но не ограничивается им; главная задача этносоциологических исследований в области миграции – показать, с одной стороны, как особенности культуры этноса, выработанной им в течение поколений традиции отражаются на миграционном поведении его членов, а с другой – как миграции влияют на структуру этноса, его традиции, на межэтнические отношения. Социологический подход к исследованию миграций – это не просто выявление еще одного аспекта миграции наряду с демографическим, экономическим и т.д., а новый более глубокий уровень понимания ее механизмов, неотделимый от учета исторических традиций народа, в том числе отражающих прежний миграционный опыт [1, с. 91, 92].

Этническая миграция выделяется, прежде всего, по субъекту социального движения: речь идет о территориальном перемещении этноса или отдельной его части. Н. М. Лебедева определяет этническую миграцию как

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Межэтнические коммуникации в многонациональном социуме», проект №09-03-95271 м/Мл.

«случаи массовых перемещений, когда представители того или иного этноса (этнокультурной группы) добровольно или вынужденно покидают территорию места формирования этноса и переселяются в иное географическое или культурное пространство» [2, с. 5]. Такой подход предполагает рассмотрение этноса как некоторой целостности, имеющей социумные характеристики.

По данным исследования Института социологии РАН (2004–2006), выделяются три типа стратегий, которые мигранты реализовывают посредством приезда в Россию. Во-первых, это ориентация на модернизированный образ жизни: желание жить «по-европейски», устроить личную жизнь, открыть свое предприятие, магазин, приобрести жилье, сделать карьеру. Во-вторых, это ориентация на образование и профессиональный рост, что включает в себя намерение приобрести профессию, повысить квалификацию, продолжить образование, найти интересную работу. В-третьих, это просто ориентация на заработок для обеспечения своей семьи и родственников [3]. Что же касается реализации этих планов, то длительность пребывания в России (соответственно, накопленный опыт, социальный, культурный и материальный капитал) и этническая принадлежность мигрантов являются определяющими факторами стратегии планирования и реализации их жизненных целей. Однако при всем многообразии мотивов, побуждающих мигрантов приезжать в Россию, главенствующее место, несомненно, отводится экономической мотивации, стремлению получить материальную выгоду от своей деятельности, наладить перспективные деловые связи. Осуществление этой цели достигается при помощи различных стратегий поведения, направленных на успешную адаптацию в новой среде, среди которых ведущее место в процессе этнической мобильности, по нашему мнению, отводится социальной адаптации и адаптационным стратегиям.

Рассматривая проблемы адаптации этнических мигрантов, следует отметить, что само понятие социальной адаптации вошло в социологию под влиянием представителей органической школы. По мнению Г. Спенсера, социальная адаптация предстает как совокупность реакций приспособления на изменение условий и факторов жизнедеятельности индивидов. С точки зрения М. Дюркгейма, социальная адаптация – это соответствие внутреннего содержания индивида имеющимся в обществе нормам морали. М. Вебер определял социальную адаптацию как рациональное ориентированное на общество поведение индивида. Наиболее подробно проблемы социальной адаптации в обществе рассматривали американские социологи Т. Парсонс и Р. Мертон.

В условиях трансформации российского общества процесс социальной адаптации обычно начинается с общего шока, затем развертывается как мобилизация адаптационного потенциала, который реализуется в адаптационных стратегиях. Социальная адаптация при этом охватывает все сферы деятельности: ценностно-нормативную, социально-трудовую и др.

В социологической литературе под адаптационной стратегией понимается поведение социальных субъектов, обусловленное ценностно-мотивационными установками, имеющимися ресурсами, трансформацией общества и направленное на приспособление к изменяющимся социальным условиям. Отметим, что не все ученые рассматривают стратегии только как рациональное образование, формирующееся в определенной структуре деятельности личности. На наш взгляд, под адаптационной стратегией необходимо понимать скопированный или сконцентрированный способ реализации адаптационного по-

тенциала путем оптимального использования всех доступных ресурсов с целью достижения искомого приспособительного эффекта, который субъективно оценивается в качестве необходимого и достаточного [4, с. 15]. Адаптивные возможности характеризуются адаптационным потенциалом, в качестве которого выступает совокупность адаптационных ресурсов: чем выше адаптационный потенциал, тем легче происходит процесс социальной адаптации.

Зарубежные исследователи Р. Уолдингер, Х. Олдрич, Р. Уорд последовательно рассматривают этнические стратегии и предлагают построение интерактивной модели развития этнического предпринимательства (рис. 1) [5].

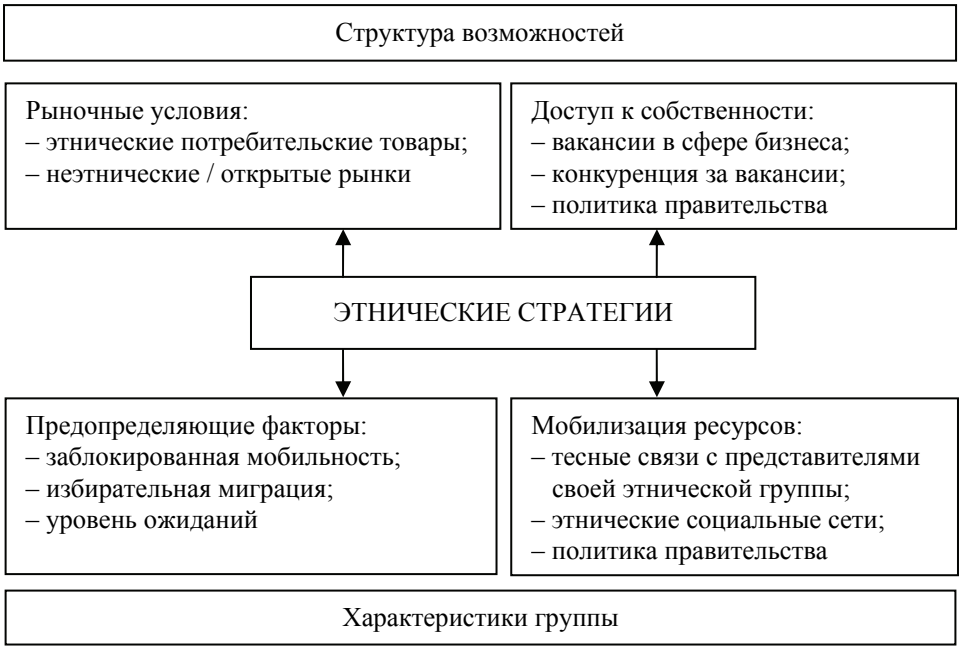


Рис. 1 Интерактивная модель развития этнического предпринимательства

В соответствии с этой моделью на этнические стратегии влияют возможности, открывающиеся для потенциальных владельцев этнического бизнеса. К данным возможностям относятся рыночные условия, доступ к собственности и характеристики группы, включающие в себя предопределяющие факторы и мобилизацию ресурсов. Важной проблемой здесь является доступ к бизнесу, который часто зависим от государственной политики и контролируется представителями коренного населения.

Несмотря на большой адаптационный потенциал мигрантских меньшинств, имеются серьезные препятствия для его реализации: сложившиеся практики способствуют скорее социальной изоляции мигрантов, чем их аккультурации. Перекрытие каналов социальной мобильности для мигрантов определенных этнических групп ограничивает возможности их доступа на рынки труда. Важное значение приобретает фактор разницы «урбанизационных потенциалов» территорий выхода и вселения мигрантских этнических общин. Так, достаточно сложно адаптироваться к российским условиям не только таджикам, но и выходцам из сельской местности других государств Средней Азии, Азербайджана, республик Северного Кавказа. Важно и каче-

ство городской среды: традиции и нормы поведения, сложившиеся даже в больших городах Средней Азии, несут печать традиционного общества и кардинально отличаются от российских. Не меньшее значение имеет и опыт этнокультурных контактов населения посылающего сообщества [3].

Многие исследователи указывают на вынужденный характер этнического предпринимательства, некоторые определяют его как «тотальное освоение территории под собственные экономические уклады» [6, с. 111] и интересы отдельных этнических меньшинств.

Отсутствие законных оснований для проживания/пребывания и работы на территории России у граждан других государств СНГ автоматически закрывает им доступ к занятости в бюджетной сфере, к рабочим местам в частном секторе, связанным с материальной и/или административной ответственностью. Это подтверждают и данные проведенных социологических исследований [3]. Большая часть опрошенных респондентов фиксируют безнадежность попыток устроиться куда-либо вне частного сектора, вне торговли. Мигранты стремятся легализоваться всеми доступными способами. Относительно просто получить регистрацию пребывания, существенно сложнее – разрешение на занятие трудовой деятельностью. При этом легальный статус приобретается наличием обоих разрешений: отсутствие либо первого, либо второго автоматически превращает временного трудового мигранта в незаконного мигранта. Отсутствие гражданства, регистрации, плохое знание русского языка, недостаточная квалификация и пробелы в образовании становятся серьезными препятствиями для социальной мобильности иноэтнических мигрантов, делая их неконкурентоспособными во всех сферах социально-экономической жизни принимающего общества.

Наблюдается также и предубежденность со стороны органов государственной власти и местного самоуправления по отношению к представителям некоторых меньшинств. По данным социологических исследований, лишь 27 % респондентов полагают возможным для мигрантов сделать карьеру в России в правоохранительных органах или российской армии. С возможностью карьеры мигрантов в России в области государственной, муниципальной службы согласны менее четверти респондентов. Несколько лучше ситуация на предприятиях и в учреждениях бюджетной сферы, где требования к претенденту не столь жесткие (медицина, образование, ЖКХ, социальная работа), однако и там возникают трудности [3]. В частном секторе, по сложившемуся мнению, дискриминация менее распространена, чем в бюджетных организациях. Подавляющее большинство респондентов (более трех четвертей давших ответ) считают возможным сделать карьеру в частном бизнесе. Представители меньшинств в силу ужесточения порядка в государственных организациях выталкиваются в частный бизнес, теневую экономику. Таким образом, малый бизнес становится чуть ли не единственной применяемой стратегией выживания этнических мигрантов.

Практически в частном и государственном секторах, в разных отраслях, регионах действуют относительно автономные, независимые системы социальной стратификации и мобильности. По важному замечанию Т. И. Заславской, наличие таких автономных систем разрушает традиционные институты восходящей мобильности [7, с. 541].

По мнению Р. Уолдингера, Х. Олдрича, Р. Уорда, мощным стимулом к предпринимательской деятельности является блокировка мобильности.

К развитию навыков ведения бизнеса подталкивает иммигрантов и ограниченность доступных им видов работ и возможностей заработка [5]. Существуют также и психологические факторы, объясняющие склонность иммигрантов к малому бизнесу (в социологических исследованиях владелец малого предприятия зачастую описывается как анахроничный тип, стремящийся к автономии и независимости). Социальное происхождение иммигрантов также оказывает влияние на то, как они оценивают свои шансы на продвижение: они более высокого мнения о работе на низших должностях, нежели коренное население.

Таким образом, частный бизнес и теневая экономика выполняют для иноэтничных мигрантов роль альтернативных каналов социальной мобильности, они становятся вынужденными для них, поскольку общественное мнение настроено категорически против их доступа к иным сферам занятости. Однако в общественном восприятии эта вынужденность представляется как осознанный выбор, диктуемый национальной традицией. Устойчиво мнение, что кавказцы целенаправленно ориентированы на торговлю, сферу обслуживания, где они достаточно успешны. Выходцы из Центральной Азии также заняты в торговле, обслуживании, однако не в качестве предпринимателей, а наемных рабочих, занятых тяжелой, низкооплачиваемой деятельностью, особенно вьетнамцы, таджики, узбеки [3].

В научной литературе проблема этнического предпринимательства впервые была рассмотрена в начале XIX в. немецким историком В. Зомбартом, который предполагал возможность существования явной предрасположенности отдельных народов к занятию предпринимательством по причине наличия особых «нравственных» сил [8, с. 167]. Этническое предпринимательство, по мнению С. В. Рязанцева, неразрывно связано с этническими миграциями как формой социально-экономической адаптации мигрантов, которые, попав в иную среду, мобилизуют свои внутренние ресурсы и, пытаясь выжить, открывают собственное дело [9].

Ряд экономических концепций исходит из того, что иммигранты, попадая в довольно специфическую ситуацию и оказываясь в проигрышном положении меньшинства, в то же время имеют в своем распоряжении дополнительные ресурсы, называемые «этническими», которые основаны на идентификации человека с определенным этническим сообществом. Использование таких ресурсов позволяет мигрантам не только осесть на новом месте, но и эффективно включиться в экономическую жизнь принимающей страны. Представители этнического меньшинства имеют возможность объединиться на основе общей этничности и организовать совместный бизнес. Такое явление называют «этническим предпринимательством», «этнической экономикой».

Этнические предприниматели создают так называемые этнические социальные сети как часть социальной структуры семейств, соседей, друзей и знакомых. Попадая в новую для себя среду, мигранты начинают активно создавать социальные мигрантские сети и увеличивать свой «социальный капитал», который будет помогать им находить жилье, работу, передавать свой опыт, устраивать детей в школы, пользоваться медицинскими услугами и другими социальными возможностями.

Мигранты доверяют друг другу не только лишь потому, что принадлежат к общей этнической группе. Скорее, доверие, основанное на разделенной

этнической идентичности, помогает сформировать «этнические» социальные сети, сокращает возможные временные, экономические и психологические издержки, связанные с недоверием и осторожностью, являющимися сопутствующими факторами поведения любого предпринимателя, находящегося в начальной стадии развития своего дела. При этом излишним становится использование посредников, выступающих гарантами в бизнесе [3]. Однако прежде чем получить «кредит доверия» в экономической среде, этнические предприниматели должны активизировать, актуализировать свои существующие сети для того, чтобы они могли стать «социальным капиталом». Интересно, что первоначальная бедность социального капитала подталкивает мигрантов к более активному, по сравнению с местным населением, освоению социальных сетей и созданию новых связей (иногда и коррупционного характера), что в конечном итоге выступает социальным и экономическим преимуществом перед принимающим сообществом.

Признание друг друга частью той же самой этнической группы определяется обеими сторонами ситуативно, в зависимости от обстоятельств. Основами для выстраивания такой скорее квазиэтнической, нежели собственно этнической, солидарности могут быть язык, родство, общие друзья, религия, традиционные праздники. Другими словами, люди признают как близких только тех, кто входит в этническую сеть. Кроме таких прямых связей, члены сети включены и в другие сети, косвенно замыкающиеся на общей этнической принадлежности. Таким образом, этнические предприятия создаются на основе этнических сетей поддержки в своей общине. Экономическая деятельность этих предприятий вписывается в более широкие сети этнических взаимоотношений в общине.

Важно подчеркнуть, что развитие связей с этническими соотечественниками, являющимися гражданами России и проживающими в ней, а также с национально-культурными объединениями этих соотечественников является общей тенденцией для мигрантов из стран СНГ и дальнего зарубежья. Это помогает им быстрее и надежнее адаптироваться в новой среде. Однако некоторые исследователи проблематики этнического предпринимательства говорят о небольшом влиянии этнических сетей, которые, по мнению зарубежных исследователей, являются почвой для становления этнического предпринимательства. Например, по данным исследования мигрантских сообществ (2005 г.) [3], выстраивание собственного бизнеса стоит на последнем месте в перечне услуг, предоставляемых этнической сетью ее членам. Поэтому некоторые исследователи говорят лишь о внешне сходной с феноменом этнического предпринимательства ситуативной концентрации представителей определенных этнических групп мигрантов в отдельных отраслях российской экономики.

В. А. Авксентьев предлагает использовать термин «этнопрофессионализм», который, по его мнению, обозначает этносоциальный феномен [10, с. 90]. Факт «этнических различий» в предпринимательской деятельности (как внутрирасовых, так и в пределах отдельных наций) признает В. В Радаев [11, с. 80]. Большинство ученых полагают, что этническая специализация может трансформироваться при определенных внешних и внутренних условиях. Различные исследования фиксируют концентрацию мигрантов определенной национальности или страны исхода в конкретных сферах экономической деятельности. Следует отметить, что в реальности достаточно строго

соблюдается этническая сегментация сфер деятельности для различных групп мигрантов из стран СНГ и дальнего зарубежья в субъектах РФ.

В Пензенской области доминируют мигранты из Узбекистана, торгующие плодоовощной продукцией, товарами массового спроса, произведенными как в Узбекистане, так и в Китае и других странах. Таджики в Пензе традиционно активны в торговле сухофруктами. Азербайджанцы специализируются на реализации местным продавцам оптовых партий импортной плодоовощной продукции, других товаров. Китайцы и вьетнамцы имеют свою «нишу» в торговле ширпотребом, ввозимым из КНР и Вьетнама [12, с. 42].

Многие этнические меньшинства, попадая в новую социокультурную среду, находят экономические ниши, ранее им не свойственные, и начинают осваивать совершенно незнакомые виды деятельности. Одна из главных причин столь высокой профессиональной мобильности этнических мигрантов и развития этнического предпринимательства, по мнению В. В. Радаева, заключается в социально-экономической маргинальности этнических меньшинств. Этнические мигранты создают достаточно прочные общины, представляющие собой изолированную среду, которая оказывает поддержку вновь прибывшему, обучает и передает опыт и квалификацию [11, с. 85]. Спустя время, в течение которого будет накоплен необходимый стартовый капитал, освоен язык и произведена рекогносцировка экономического пространства, иммигрант открывает свой бизнес. Таким образом, вчерашние мигранты на новом месте проживания приобретают необходимые квалификацию и профессию, востребованные на данном рынке труда. Вместе с тем этнические предприниматели, добившись успеха в бизнесе, не останавливаются на достигнутом и идут далее вверх по социальной лестнице, многие из них занимают прочное положение в бизнесе. В случаях, когда мигранты заполняют «непрестижные» ниши, коренное население относится к ним пренебрежительно. В ситуации, когда вчерашние маргиналы занимают престижные места и, следовательно, продвигаются по лестнице социального благополучия, коренное население резко ожесточается, иногда происходит полное отторжение и выталкивание этнического меньшинства [12].

По мнению В. В. Радаева, этнические предприниматели-мигранты обычно на рынке находят четыре ниши. Первая ниша – поставка, производство и реализация этнических потребительских товаров для внутренних нужд общин этнических мигрантов на основе эпизодических миграций, которые носят нерегулярный и часто случайный характер. Вторая ниша связана с поставкой этнических товаров для коренного населения – предложение «экзотики» на местном рынке, в основе чего лежит челночная, или маятниковая, миграция. В большинстве своем это прочно монополизированные рынки с ярко выраженной моноэтнической принадлежностью. Третья ниша – удовлетворение местных потребностей в разного рода услугах, необходимых потребителю в условиях переселения на постоянное место жительства. Многие этнические предприниматели разворачивают обширный бизнес, что свидетельствует об их прочном закреплении в России. Четвертая ниша – заполнение слабозащищенных и неустойчивых рынков, а также занятость в непрестижных сферах экономики, оставляемых коренными жителями достаточно охотно. В данном случае среди мигрантов-предпринимателей преобладают сезонные и вынужденные мигранты [11]. С. В. Рязанцев выделяет пятую нишу, которую занимают нелегальные мигранты этнических меньшинств во мно-

гих регионах. Это деятельность в сфере криминальной экономики с целью удовлетворения узких корпоративных интересов определенных групп, в основном теневых структур [9].

На рис. 2 представлена общая характеристика деятельности этнических предпринимателей [9, 11].

Рис. 2 Ниши этнических предпринимателей-мигрантов на рынке труда

Несомненно, проблема развития этнического предпринимательства требует комплексного подхода и специальных исследований в различных регионах России, учитывая разные миграционные процессы в субъектах РФ.

Легальное этническое предпринимательство развивается достаточно широко, однако это не означает отсутствие нелегального. И в этом коренится одна из проблем. Деятельность в сфере криминальной экономики достаточно прочно занимает свои позиции. По нашему мнению, это связано со сложным порядком регистрации места жительства, а также юридических и физических лиц без образования юридического лица. Кроме того, местные власти не склонны поддерживать этническое предпринимательство и при выборе между коренным населением и мигрантами отдают предпочтение первым.

Важной проблемой также является адаптация мигрантов к новой среде; здесь в определенной мере играет роль этническая толерантность. По мнению А. В. Дмитриева, толерантность понимается не только как индифферентность к разного рода отличиям (этническим, расовым и др.), но и как способ взаимодействия, предусматривающий сближение разных субъектов [13, с. 5]. Основная угроза, которая, по мнению принимающего населения, исходит от этнических мигрантов, характеризуется как угроза относительной стабильности (своего рода безопасности). «Пытаться обеспечить собственную безопасность, не учитывая интересы других субъектов, – значит снижать уровень их безопасности, на что последние отвечают вполне определенным образом, в частности агрессией, непринятием, отчуждением. Здесь же необходимы баланс, равновесие, толерантность» [13, с. 15]. Основу толерантного отношения и сознания в ситуациях социального взаимодействия А. В. Дмитриев видит в корректировке принципов государственной миграционной политики. Кроме того, на данном этапе развития общества, для которого характерно противостояние принимающего населения и этнических мигрантов, обязательной яв-

ляется организация адаптации с социальной составляющей принимающего сообщества.

Таким образом, мигранты не только придают определенный социокультурный колорит предпринимательству, но часто выступают в роли катализаторов его развития. Важным здесь является создание условий для нормального развития этнического предпринимательства, предпринимательства в рамках закона, которое цивилизованно и взаимовыгодно сосуществует с предпринимательством коренного населения регионов России.

Феномен этнического предпринимательства определяется как внутренними субъективными факторами, так и внешними, далеко не всегда находящимися в зоне влияния этнических бизнесменов. Этническое предпринимательство есть специфический способ организации и ведения дела этнических меньшинств в иноэтничной среде. В случае, если стратегия этнических предпринимателей направлена на освоение незанятых экономических ниш или диверсификацию деловой структуры принимающей территории, до определенного момента их действия не будут вызывать серьезного отторжения принимающей среды. Если же этнические предприниматели своими действиями вытесняют коренные этносы из традиционной экономической ниши и если экономическая мобильность таких этносов достаточно низка, то возникают объективные предпосылки для формирования противоречий, субъектами которых выступают представители различных этнических сообществ, а объектом является специфический сегмент экономики или средства производства, иными словами, велика вероятность возникновения этноэкономического конфликта. Профилактика и разрешение этноэкономических конфликтов с участием этнических предпринимателей в значительной степени находятся в ведении органов государственной власти, институционально определяющих рамки распространения этнического предпринимательства и регулирующих экономические отношения субъектов взаимодействия [14].

Интолерантность принимающего населения – значимый фактор напряженности между мигрантами и местным населением. Однако дискриминационные социальные практики не способствуют преодолению барьеров между мигрантами и принимающим населением. Кроме того, дискриминационные практики способствуют этносоциальной стратификации различных групп этнических мигрантов, что не может не дестабилизировать социальные и межэтнические отношения. Борьба с дискриминацией – важное условие социальной адаптации мигрантов, перевода части социокультурных различий между мигрантами и принимающим населением из разряда «значимых» в «незначимые», повышения социальной мобильности этнических мигрантов [15]. В противном случае неизбежно формирование социальной модели современного российского общества, важным компонентом которой будет являться этносоциальная стратификация, которая становится практически единственной основой стратегии взаимодействия принимающего населения и иноэтничных мигрантов. Социальная конвенция, основывающаяся на такой стратификации, может быть относительно эффективна в краткосрочной перспективе, однако она не отвечает долгосрочным целям развития российского общества, т.к., специфическим образом канализируя общественные коммуникации и социальные связи, видоизменяя социальные ценности, воссоздает контуры сегментированного общества с соответствующим нарастанием кон-

фликтного потенциала, подрывая основы формирующегося гражданского общества.

В России необходимы разработка, принятие, финансирование различных программ социального характера в отношении этнических предпринимателей-мигрантов, иноэтничных трудящихся-мигрантов с привлечением представителей общественности, средств массовой информации, религиозных и культурных деятелей, что позволит мигрантам интегрироваться в принимающую среду с меньшей долей социальной напряженности. Воспитание толерантности полиэтничных российских граждан в различных национальных вопросах может способствовать снижению напряженности и погашению потенциальной стадии межнациональных конфликтов.

Список литературы

1. **Арутюнян, Ю. В.** Этносоциология / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 271 с.
2. **Лебедева, Н. М.** Социальная психология этнических миграций / Н. М. Лебедева. – М.,1993.
3. **Кузнецов, И.** Формирование этнических ниш в российской экономике / И. Кузнецов, В. Мукомель // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 1 (51).
4. Социокультурный портрет населения Пензенской области на рубеже XX–XXI вв.: препринт / Г. Б. Кошарная, Л. Т. Толубаева, Л. В. Рожкова [и др.] ; под ред. Г. Б. Кошарной. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2008. – 40 с.
5. **Waldinger, R.** Ethnic Entrepreneurs / R. Waldinger, H. Aldrich, R. Ward // Entrepreneurship. The Social Science View / Ed. by R. Swedberg. – Oxford : Oxford University Press, 2000.
6. **Андреев, А.** Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства / А. Андреев // Общественные науки и современность. – 1996. – № 1.
7. **Заславская, Т. И.** Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М. : Дело, 2002.
8. **Зомбарт, В.** Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного человека / В. Зомбарт. – М., 1924.
9. **Рязанцев, С. В.** Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов [Электронный ресурс] / С. В. Рязанцев. – Режим доступа: www.antax.ru
10. **Авксентьев, В. А.** Феномен этнопрофессионализма и этнические процессы на Северном Кавказе / В. А. Авксентьев // Проблемы населения и рынки труда России и Кавказского региона. – М. ; Ставрополь, 1998.
11. **Радаев, В. В.** Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия / В. В. Радаев // Полис. – 1993. – № 5.
12. **Пядухов, Г. А.** Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения / Г. А. Пядухов. – Пенза : ПГАСА, 2003.
13. **Дмитриев, А. В.** Социальная толерантность: возможности и пределы / А. В. Дмитриев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2004. – № 1 (10). – (Общественные науки).
14. **Иванова, С. Ю.** Экономические предпосылки межэтнических конфликтов / С. Ю. Иванова // Будущее России: стратегии развития : тезисы докладов II Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения – 2005». – М. : МГУ, 2005.
15. **Мукомель, В. И.** Дискриминация представителей этнических меньшинств на рынках труда и жилья [Электронный ресурс] / В. И. Мукомель. – Режим доступа: http://minorities.ceprs.indem.ru/DiskrTrJil.htm

Рожкова Лилия Валерьевна
кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет

Rozhkova Liliya Valeryevna
Candidate of sociology, associate professor, sub-department of sociology and human resource management, Penza State University

E-mail: siup@pnzgu.ru

УДК 316.35:39
Рожкова, Л. В.
Предпринимательство как способ социальной адаптации этнических мигрантов / Л. В. Рожкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 131–141.

УДК 316

О. В. Бессчетнова

РОЛЬ СЕМЬИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ[1]

Аннотация. В статье представлен социологический анализ роли национальной культуры в иерархии жизненных ценностей студенческой молодежи на основе анкетирования 247 студентов вузов Саратовской области. Выявлено отношение молодежи к людям другой национальности, межэтническим бракам, определен уровень знания студентами своей национальной культуры в эпоху глобализации и расширения социального взаимодействия между представителями различных этнических групп.

Ключевые слова: семья, культура, дети, молодежь, социализация, Саратовская область.

Abstract. The social analysis of the role of family and culture in the hierarchy of youth' values, based on the survey of 247 university students, living in Saratov region, are presented in the article. In addition to that, the students' attitudes to people of different nationalities, marriages among them, knowledge of their own national culture in the globalization epoch and expanding of social interaction between the representatives of different ethnic groups are analyzed.

Keywords: family, culture, children, youth, socialisation, Saratov region.

На рубеже XX–XXI вв. в условиях дегуманизации культуры с необычайной остротой начинают звучать вопросы о месте человека в современном мире, поэтому изучение процесса культурной адаптации личности, ее социализации становится как никогда актуальным. С 1990-х гг. российское общество оказалось в ситуации дефицита духовных побудительных мотивов развития, когда ни одна из многочисленных политических сил не могла предложить ей конкретный путь государственного устройства. Все эти факторы способствовали обращению граждан к своему национальному сознанию, самоидентификации, возрождению забытых и во многом утраченных традиций и обычаев национальной культуры. По словам Н. В. Наливкиной, «у человека, в сущности, не так уж и много объектов для самоидентификации – семья в качестве более или менее устойчивой ценности и этническая группа, национальность» [1, с. 72]. Поэтому далеко не случайно современные социальные науки о человеке отличает интерес не только к уровню развития реальных общественных отношений, в которые включена личность, но и к характеру взаимосвязей в семье как важнейшему индикатору зрелости общества.

Проблемы генезиса семьи в зарубежной и отечественной науке находят свое отражение в трудах философов – Аристотеля, Гегеля, И. Канта, Платона, Ф. Аквинского, Ф. Бэкона, Фалеса, Эзопа; исследованиях социологов – Ле Пле, Л. Г. Моргана, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, М. Стросса, Т. Парсонса, Н. К. Михайловского, М. М. Ковалевского, П. А. Сорокина, Л. М. Дробиже-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках регионального научно-исследовательского проекта РГНФ «Национальные семейные традиции народов Поволжья в культурно-историческом наследии России (на примере Саратовской области)», грант № 08-03-27307а/В.

вой, А. И. Антонова, А. Г. Харчева, А. Г. Вишневского, В. М. Медкова, М. С. Мацковского; представителей отечественной культуры – Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева, Л. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевского; научных работах культурологов – А. Крёбера, К. Клакхона, Л. Е. Кертмана, К. Уислера, Л. Бернарда, А. Здравомыслова, С. Иконникова, Е. Г. Смирнова, И. Ильинского; классиков мировой литературы – И. А. Бунина, И. А. Гончарова, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, А. П. Чехова.

Несмотря на обилие публикаций по данной проблеме, в настоящее время существует ряд неизученных вопросов, связанных, в частности, с исследованием восприятия образа семьи и национальной культуры в массовом сознании студенческой молодежи. Актуальность проблемы позволила автору провести социологическое исследование среди студентов высших учебных заведений Саратовской области. Основным методом сбора информации выступало анкетирование, стандартизированное интервью и метод статистической обработки данных. Объем выборочной совокупности составил 247 человек, проживающих преимущественно в сельской местности на территории Саратовской области. В исследовании принимали участие 78,5 % девушек и 21,5 % юношей. По возрастному составу респонденты распределились следующим образом: 17–20 лет – 70,8 %; 21–23 года – 24,3 %; 24–26 лет – 2,4 %; 27–30 лет – 2,5 %. Подавляющая часть респондентов, принимавших участие в опросе, не состояли в браке – 87 %; были замужем/женаты – 10,1 %; состояли в разводе – 0,8 %; состояли в незарегистрированном браке – 2 %. По национальному составу 98 % опрошенных были русскими, остальные 2 % – представителями молдавского, армянского, азербайджанского, украинского, татарского, немецкого этносов.

Как известно, понятие «культура» многозначно и в настоящее время в научной литературе существует более 500 его определений. Вместе с тем чуть менее половины респондентов считают, что культура – это «система общечеловеческих ценностей» и «набор традиций, обычаев, верований»; остальные рассматривают ее как «нечто, что объединяет людей одной национальности» и абстракцию (рис. 1).

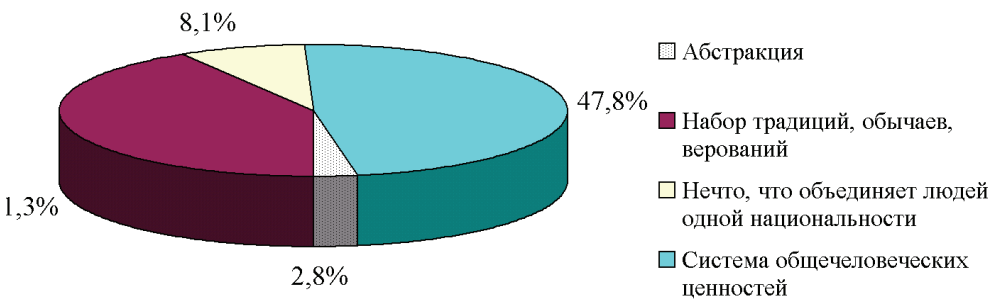


Рис. 1 Определение понятия «культура»

По мнению подавляющей части респондентов, культурный человек – это «высокообразованный человек», «человек, который знает свою национальную культуру», реже – «человек, имеющий интеллектуальную профессию». Остальная доля ответов звучала следующим образом: «человек с высокой нравственностью», «высокообразованный человек, знающий свою куль-

туру», «человек, который интеллектуально развит, знает культурные ценности и традиции, умеет вести себя в обществе», «человек, который может правильно себя поставить, может располагать к себе людей», «культурный человек должен уважать себя, мнение других людей, хотя ему и не обязательно быть образованным» (рис. 2).

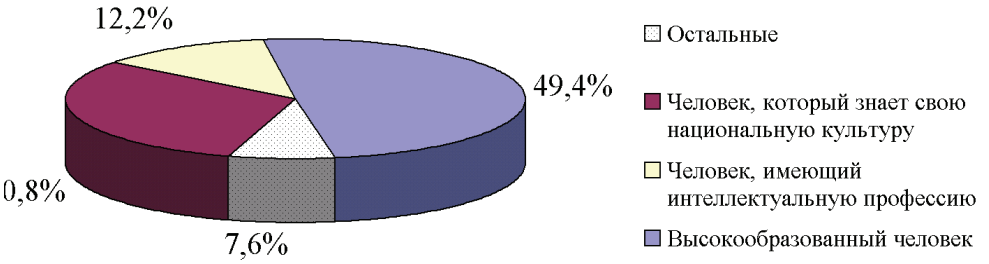


Рис. 2 Понятие «культурный человек»

Для 61,1 % опрошенных национальность человека практически не имеет особого значения при взаимодействии с ним, т.к. приоритетное место респонденты отдают социально-психологическим качествам личности индивида – его поведению, умению общаться, проявлять дружеские чувства и участие, оказать помощь в случае необходимости и т.д. 25,1 % респондентов рассматривают принадлежность человека к той или иной национальности как значимый фактор, который следует учитывать, чтобы не «задеть чьи-то чувства», указывают, что необходимо «знать правила поведения, характерные для конкретной национальности». 13,8 % молодежи не смогли дать ответ на поставленный вопрос. Л. М. Дробижева утверждает: «Межличностные отношения людей разной национальности – особая сфера. Общаясь повседневно в деловой и неформальной обстановке – соседском, дружеском, семейном окружении – люди на практике ощущают равенство или неравенство, партнерство или ущемление, уважение или унижение, все то, что в науке мы определяем как толерантные или интолерантные, дружественные, нейтральные или напряженные отношения» [2]. По данным опроса, молодые люди проявляют достаточную демократичность в отношениях с лицами различных национальностей, о чем свидетельствуют 85 % положительных ответов на вопрос «Есть ли у Вас друзья, родственники, знакомые другой национальности?», 12,2 % дали отрицательный ответ, а 2,8 % затруднились ответить.

Несмотря на то, что в настоящее время миграционный потенциал молодежи вырос в несколько раз, появились возможности для получения образования в различных коммерческих и бюджетных учебных заведениях как на территории России, так и за ее пределами; возможность выехать за рубеж с целью получения работы, повышения квалификации, туризма, создания семьи и т.д., тем не менее результаты проведенного исследования показывают низкий уровень эмиграционного потенциала молодежи и отсутствие сильной мотивации на переезд в другую страну даже при возникновении реальной возможности это сделать (рис. 3).

В качестве трудностей, которые может испытывать человек, оказавшийся за рубежом, респонденты указывают на «разный менталитет», «нерав-

ноправие между людьми различных национальностей», «другой язык», «наличие финансовых проблем», «незнание законов», «трудности адаптации», «тоску по Родине», «конфликтные отношения с местными жителями». На наш взгляд, результаты опроса позволяют говорить о намечающихся позитивных тенденциях социально-экономического и внутриполитического характера, направленных на возрождение могущества и благосостояния страны, повышение стабильности в обществе, возможности молодежи учиться, создавать семью и работать на благо своей Родины.

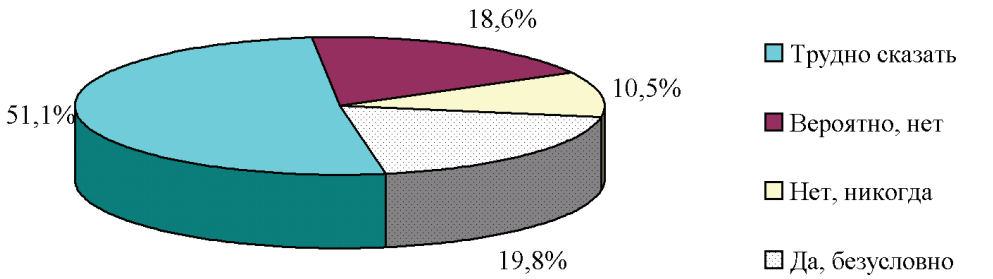


Рис. 3 Уровень эмиграционного потенциала молодежи

На вопрос «Что Вы думаете о желании российских девушек выйти замуж за иностранных граждан и эмигрировать за границу?» большинство респондентов ответили достаточно демократично, считая это индивидуальным правом выбора любого человека и способом улучшения качества жизни в материальном, профессиональном и духовном плане. Вместе с тем небольшая часть молодежи считает, что «это ни к чему хорошему не приведет», а остальные рассматривают это как «предательство, измену Родине» (рис. 4).

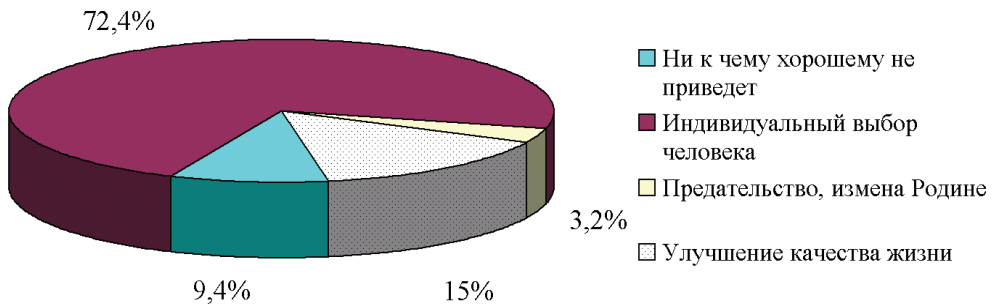


Рис. 4 Мнение респондентов о браках российских девушек с иностранными гражданами

Лояльное отношение большинства опрошенных к бракам российских девушек с гражданами других государств может свидетельствовать о снижении фактора национальной или расовой принадлежности в иерархии жизненных ценностей современной молодежи, что доказывается положительным (22,6 %) и нейтральным (67,6 %) отношением подавляющего числа респондентов к заключению межэтнических браков, против которых выступает лишь небольшая доля опрошенных (9,8 %).

Национальная принадлежность супругов в браке для большинства молодежи не представляет реальной угрозы его стабильности (64,8 %), поскольку, по мнению респондентов, она зависит от других более значимых факторов, таких как любовь, общность интересов, взглядов на жизнь, личностные качества человека. Относительно прочности брачного союза взгляды студентов разделились: чуть больше четверти опрошенных рассматривают мононациональные браки как более крепкие (23,9 %), мотивируя свой ответ тем, что из-за межкультурных, религиозных и других различий между супругами возникает больше разногласий и конфликтов, остальные отдают предпочтение межнациональным бракам (11,3 %).

Однако настораживает факт, что наряду с отмеченными демократическими взглядами и лояльным отношением к представителям других национальностей четверть молодых людей, участвующих в опросе, рассматривают националистические выступления скинхедов и национал-социалистов как «борьбу за интересы людей своей национальности». Другая четверть респондентов вообще не интересуется данным вопросом; остальные расценивают подобное поведение как «нарушение конституционных прав человека» и «преступление» (рис. 5).

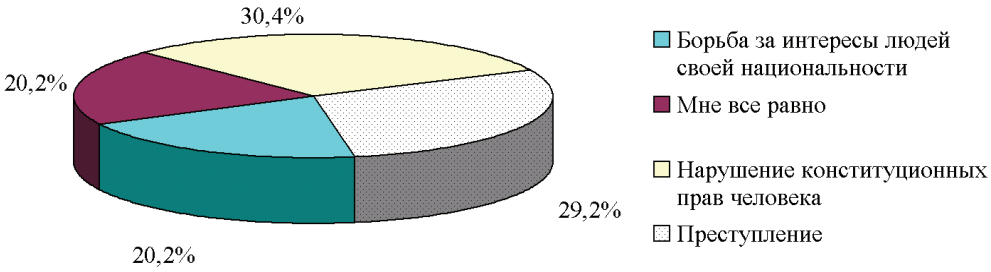


Рис. 5 Отношение молодежи к национал-социалистам и скинхедам

Согласно результатам опроса, свой уровень знания национальной культуры 83 % представителей студенческой молодежи оценили как средний, 10,9 % – как высокий и 6,1 % – как низкий, мотивируя это тем, что недостаточно владеют знаниями в области национальных традиций, обычаев, фольклора и т.д. Вместе с тем, анализируя уровень знания современной молодежью своей национальной культуры в целом, респонденты оценили его как низкий и средний, реже как крайне низкий (рис. 6).

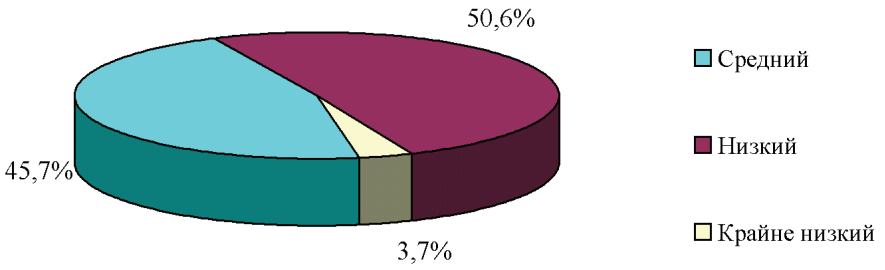


Рис. 6 Оценка национальной культуры современной российской молодежью

Тенденции глобализации, начавшиеся в начале XX в., наряду с позитивными явлениями привели к смешению культур, языков, моде на западный образ жизни, изменению системы ценностей, внедрению в массовое сознание культа силы, денег, свободных сексуальных отношений, индивидуализма и гедонизма, особенно в молодежной среде, что в полной мере проявилось в связи с открытием «железного занавеса» в «лихие 90-е гг.». Тем не менее в настоящее время более половины респондентов (54,6 %) указывают на необходимость сохранения самобытности каждого народа, его индивидуального характера независимо от его «важности» и «размера»; чуть менее половины (40,6 %) вообще не задумывались над этой проблемой, и лишь небольшая доля опрошенных (4,8 %) рассматривает возрождение национальной культуры как препятствие для развития партнерских отношений между этносами в эпоху глобализации.

Результаты опроса показали, что подавляющее большинство опрошенных считают необходимым введение специальных дисциплин в учебные планы школ и вузов для ознакомления учащихся и студентов с особенностями своей национальной культуры в обязательном порядке или на факультативной основе; остальные уверены, что культуре не следует обучать, поскольку она усваивается человеком с рождения (рис. 7).

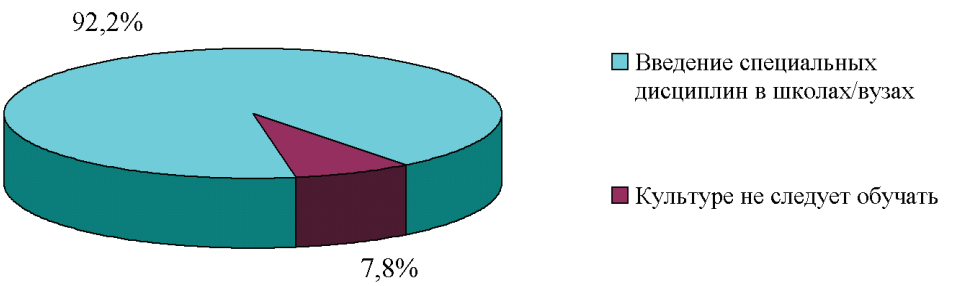


Рис. 7 Отношение молодежи к введению дисциплин, посвященных культуре, в учебные планы школ и вузов

Мнения респондентов по поводу положения детей в межнациональных семьях разделились: одни (15,4 %) считают, что они «счастливчики», т.к. имеют возможность приобщаться к двум различным культурам одновременно; другие (30,3 %) уверены, что дети не испытывают никаких трудностей, потому что межнациональная семья является их социализирующей средой с рождения; третьи (30 %) полагают, что дети сталкиваются с серьезными трудностями в общении, этнической самоидентификации и так далее из-за различия культур своих родителей; остальные (24,3 %) не смогли ответить на поставленный вопрос (рис. 8).

Специфика этнического самосознания подростков из национально-смешанных семей является недостаточно исследованной областью научного знания. Являясь уникальным биосоциальным образованием, семья принципиально отличается от других социальных институтов своей ролью в становлении культуры и ее сохранении, поскольку именно в семье дети воспринимают родной язык, особенности культуры, обычаи, традиции, нормы поведения, принятые в каждом конкретном обществе. Б. Р. Могилевич писал: «В каждой культуре существуют свои, выработанные веками, способы социализации,

передаваемые в процессе целенаправленного воспитания в виде передачи социокультурного опыта… Процессы социализации происходят одновременно с инкультурацией – освоением родной культуры и формированием когнитивной, эмоциональной и поведенческой идентичности, отличной от представителей других культур» [3, с. 52].

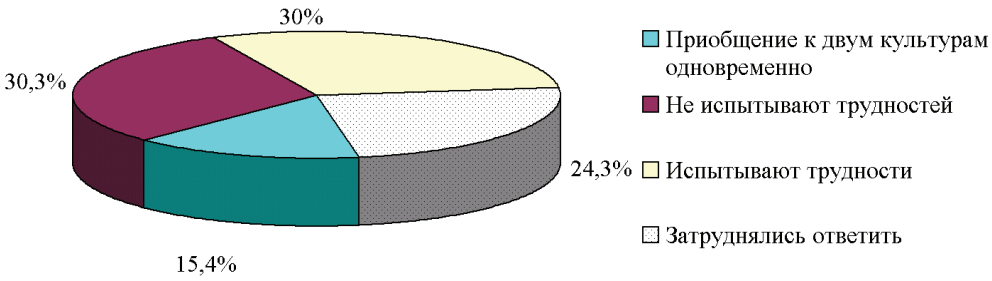


Рис. 8 Положение детей в межнациональных семьях

По мнению ученых, в смешанных семьях при равном этнокультурном положении обоих родителей, их уважении к национальным обычаям и традициям друг друга у ребенка возникает двойственное национальное самосознание, которое впоследствии сохраняется и у взрослого человека, что побуждает его неоднозначно отзываться о своей национальной принадлежности [4, 5]. В частности, по утверждению В. Ю. Хотинец, непосредственное влияние этнокультурного фактора на становление этнического самосознания происходит через отождествление с этнической культурой [4, 5], причем в однонациональной семье – по одной линии (от родителей к детям), в национально-смешанной – по двум (от обоих родителей к детям). В последнем случае национальное самоопределение молодого поколения будет зависеть от позиции доминирования одного из родителей в семейной структуре, опоры в воспитании на его национальность, этнического окружения, языка, национальной политики государства, положения этнических меньшинств. Вместе с тем, несмотря на рост национального самосознания, бережного отношения к собственной национальной культуре, нельзя приуменьшать ту положительную роль для развития общества в целом, которую играют межнациональные браки, принимая в расчет влияние, которое могут оказать когорты их потомков на будущие общественно-политические процессы, выступая в роли посредников в диалоге культур в качестве специфического канала передачи этнокультурной информации.

Для выполнения этой общественно значимой роли выходцы из поликультурных семей должны знать и принимать обе культуры, в которых они существуют, однако на практике эта задача не всегда может быть решена из-за того, что родители в национально-смешанных семьях сами «ломают» национально-культурные границы и имеют скорее нигилистическое отношение к национальным ценностям и нормам, не обращая внимание на процесс формирования национально-культурной компетентности и национальной идентичности своих детей [5].

«Свобода» формирования национального самоопределения способствует тому, что вместо обретения «двойного» культурного богатства дети получают ощущение ущербности в ситуациях национального взаимодействия или

конфликта. И наоборот, близкие, эмоционально-окрашенные отношения с родителем, идентификация с ним могут сыграть позитивную роль в формировании национальной идентичности подрастающего поколения из национально-смешанных семей. Таким образом, любые изменения, происходящие с семьей как социальным институтом, имеют аксиологический смысл и изменяют социокультурную динамику общества.

Результаты нашего опроса показывают, что, по мнению подавляющего числа студентов, семья играет важную роль в развитии и сохранении национальной культуры. Вместе с тем небольшая часть молодежи приоритетное место отдает деятельности специалистов – культурологов, педагогов, лингвистов и так далее, остальные утверждают, что «культура не нуждается в возрождении, т.к. она сдерживает развитие цивилизации и возвращает нас к прошлому» (рис. 9).

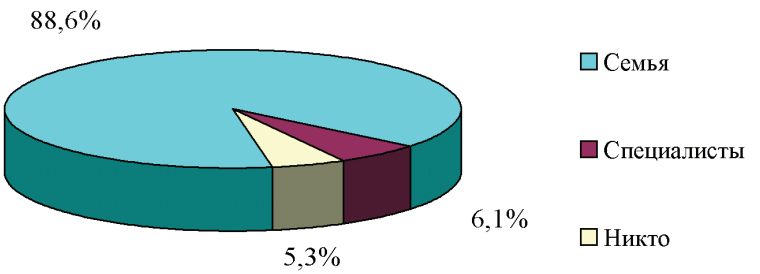


Рис. 9 Факторы, влияющие на сохранение национальной культуры

Таким образом, из всего вышесказанного следует вывод о том, что в системе разнообразных общественных групп и социальных институтов, оказывающих постоянное воздействие на формирование личности ребенка, его сознание и самосознание, важная роль принадлежит семье с ее особой, неповторимой морально-психологической атмосферой и спецификой межличностных взаимоотношений между супругами, родителями и детьми. Своеобразие психологического климата в семье, в свою очередь, определяется рядом факторов: материальными условиями семьи, уровнем образования ее членов, особенностями их нравственных ценностей, национальными традициями и обычаями. Вместе с тем под воздействием негативных образцов западной культуры происходит отход от национальных культурных ценностей, норм и образцов поведения, изменение морально-нравственного облика детей и молодежи, утрата «точек соприкосновения» между поколениями, снижение авторитета родителей в структуре межличностных отношений в семье. Следовательно, для сохранения и поддержания образцов национальной культуры, этнического самосознания народа необходимо в первую очередь целенаправленно прививать подрастающему поколению знания о национальных традициях, обычаях, фольклоре, способствовать сохранению народных промыслов и особенностей национальной самобытности, языка, формировать чувство гордости и патриотизма за свою страну и свой народ, развивать морально-нравственные качества детей и молодежи, укреплять этническое самосознание, толерантное отношение к людям другой национальности, всемерно способствовать выполнению семьей своих функций. В связи с этим считаем необходимым введение в национально-региональный компонент учеб-

ных планов школ и вузов факультативных/элективных дисциплин, курсов по выбору, направленных на ознакомление молодежи с особенностями своей национальной культуры, обычаями, традициями, фольклором, образом жизни предков с целью сохранения самобытности каждого народа в эпоху массовой глобализации.

Список литературы

1. **Наливкина, Н. В.** Проблемы посткоммунистической национальной идентичности России / Н. В. Наливкина // Вестник ТПГУ. – 2006. – Вып. 7 (58). – (Гуманитарные науки). – С. 71–74.
2. **Дробижева, Л. М.** Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л. М. Дробижева. – М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – С. 263.
3. **Могилевич, Б. Р.** Межкультурная коммуникация как аспект социологического знания / Б. Р. Могилевич // Известия Саратовского университета. – 2007. – Вып. 2. – Т. 7. – С. 50–55. – (Социология. Политология).
4. **Хотинец, В. Ю.** Индивидуально-психологический фактор становления этнической толерантности / В. Ю. Хотинец // Психологические исследования этнической толерантности / под ред. Е. И. Маркиной. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2003. – С. 200–224.
5. **Хотинец, В. Ю.** Этническое самосознание / В. Ю. Хотинец. – СПб. : Алетейа, 2000.

Бессчетнова Оксана Владимировна
доцент, кафедра социальной работы,
Саратовский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского
(филиал в г. Балашове)

Besschetnova Oksana Vladimirovna
Associate professor, sub-department
of social work, Saratov State University
named after N. G. Chernishevsky
(branch in Balashov city)

E-mail: sharon_oksana@rambler.ru

УДК 316
Рожкова, Л. В.

Роль семьи и национальной культуры в системе социализации детей и молодежи в современном российском обществе / О. В. Бессчетнова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 142–150.

УДК 316.334.22

В. Ю. Бочаров

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ДОГОВОРНЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье обосновывается актуальность и эффективность комплексного институционального подхода к анализу договорных трудовых отношений в промышленности. На основе результатов социологических исследований НИИ «Социальные технологии» Самарского госуниверситета в рамках мониторинга социально-трудовой сферы предприятий и организаций Самарской области в 2000–2007 гг. даются характеристики институциональным элементам договорных трудовых отношений и делаются выводы относительно условий, необходимых для становления цивилизованного социального института трудового найма.

Ключевые слова: договорные трудовые отношения, социальный институт трудового найма, институциональные элементы, профессиональный союз, коллективный договор, трудовой кодекс.

Abstract. In article the urgency and efficiency of complex institutional approach to the analysis of contractual labour relations in the industry is proved. On the basis of results of sociological researches of scientific research institute «Social technologies» of the Samara state university within the limits of monitoring of sociolabor sphere of the enterprises and the organisations of the Samara region in 2000–2007, are given characteristics to institutional elements of contractual labour relations and conclusions concerning conditions necessary for formation of civilised social institute of labour hiring become.

Keywords: contractual labour relations, social institute of labour hiring, institutional elements, trade union, collective agreement, labour code.

В настоящее время многие отечественные исследователи, анализируя современное состояние договорных трудовых отношений чаще всего и прежде всего, обращаются к рассмотрению последствий изменений, произошедших в системе собственности, в экономической сфере общества и в положении предприятий на рынке. То есть развитие договорных трудовых отношений рассматривается как некое социальное последствие произошедших в российском обществе перемен. Вообще, под договорными трудовыми отношениями сегодня принято понимать «отношения, складывающиеся между работниками наемного труда и работодателем по поводу оплаты труда, его условий, гарантий занятости и способов разрешения трудовых конфликтов» [1]. И, рассматривая некоторые отдельные характеристики договорных трудовых отношений, многие исследователи утверждают, что низкий уровень развития этих отношений ведет к конфликтам на производстве и негативно влияет на развитие трудового потенциала. Все это верно, но не способствует решению проблем, присущих в целом наемному труду, т.к., по сути, взаимосвязанные элементы целого рассматриваются по отдельности [2]. В то же время теоретическая разработка проблем договорных трудовых отношений в рамках социологической науки, т.е. с точки зрения их изучения на институциональном уровне, в нашей стране только начинается. В связи с этим особенно актуальны разработка комплексного подхода к изучению договорных трудовых отношений с точки зрения процесса институциализации этой системы социаль-

ных отношений в сфере наемного труда и формирования на их базе социального института трудового найма.

Сегодня в социологии труда принята трактовка социального института трудового найма как комплекса «формальных и неформальных правил, норм и социальных механизмов, посредством которых организуется система наемного труда в рамках всего общества, обеспечивается устойчивость и регулирование связей субъектов договорных трудовых отношений» [3]. В методологическом плане во многом такая формулировка опирается на мнение Д. Норта, считающего, что «институты – это набор формальных правил, неформальных ограничений и механизмов их принудительного осуществления» [4]. При этом очевидно, что формальные правила формируются, а их исполнение контролируется властными государственными структурами, а неформальные нормы возникают в рамках повседневных взаимодействий субъектов договорных трудовых отношений на основе общепринятых стандартов и смыслов поведения, а также системы ценностей, иначе говоря, организационной культуры предприятия.

Становление современного социального института трудового найма происходит за счет постепенной и последовательной институциализации договорных трудовых отношений. Сущность этого процесса развития и совершенствования договорных трудовых отношений связана, прежде всего, с изменением роли и места человека в труде и обществе, с повышением культуры общества и ее правовой составляющей в соответствии с потребностями прогресса как производственного, технического, так и общественного. В экономически развитых странах мира процесс институциализации договорных трудовых отношений шел достаточно долго, порождая потребности в создании, последующей формальной регуляции и закреплении определенных норм, социальных механизмов, ролевой и организационной структур. И сегодня для подавляющего большинства жителей экономически развитых стран мира, работающих в рамках капиталистической экономической системы, социальный институт трудового найма объективен. Люди вступают в отношения найма посредством трудового договора (контракта) и вынуждены исполнять свои договорные обязательства в рамках этого института, являющегося регулятором сферы приложения их трудовых усилий. По сути, структуры социального института трудового найма довлеют над субъектами договорных трудовых отношений, задавая рамки их трудовых взаимодействий.

Начиная с 1995 г. в Самарской области по инициативе областного правительства осуществляется информационно-исследовательский проект, обеспечивающий регулярный сбор и анализ данных о состоянии социально-трудовой сферы промышленных предприятий в режиме мониторинга. Объектами наших мониторинговых исследований являются 50 предприятий пяти–шести отраслей промышленности (видов экономической деятельности). Из их числа на каждом этапе осуществляется отбор объектов, на которых проводится выборочный опрос работников. Выборка двухступенчатая, целевая. В представленной статье используются данные исследований 2000–2007 гг. Объем выборки: в исследованиях 2000–2002 гг. – 600 человек; в исследованиях 2003–2007 гг. – 1000 человек. Опросы имеют вид формализованных интервью. Наряду с этим проводятся свободные (неформализованные) интервью с руководителями предприятий, специалистами, руководителями муниципальных органов власти. Организация и проведение исследований осуще-

ствляется сотрудниками НИИ «Социальные технологии» Самарского государственного университета.

О методологии самарского мониторинга как системе получения первичных данных подробно говорилось в свое время в работах Б. Г. Тукумцева [5] и Н. В. Авдошиной [6].

Наши социологические исследования показывают, насколько сильно отличаются формальные и неформальные нормы регулирования договорных трудовых отношений в малом бизнесе, жилищно-коммунальном и сельском хозяйстве, здравоохранении, образовании, строительстве от норм трудовых отношений, существующих на промышленных предприятиях. Безусловно, различия есть и между отраслями промышленного производства, и даже между предприятиями одной отрасли, но они, как правило, не столь велики и в основном касаются неформальных взаимодействий и территориальной специфики. Поэтому это дает нам основание говорить о схожих и относительно стабильных элементах в структуре социального института трудового найма в промышленности. К таким элементам мы относим: 1) профессиональные организации наемных работников и механизм их представительства в договорных трудовых отношениях; 2) локальные коллективные трудовые соглашения (коллективные договоры); 3) уровень интернализации формальных законодательных норм, регулирующих договорные трудовые отношения; 4) присущее наемному труду состояние трудового конфликта, проявляющегося в латентной форме через социальную напряженность [7].

Итак, в соответствии с выделенными нами институциональными элементами рассмотрим состояние договорных трудовых отношений на основе данных наших социологических исследований, проведенных в 2000–2007 гг. на промышленных предприятиях Самарской области.

Профессиональные организации наемных работников и механизм их представительства в договорных трудовых отношениях

Полученные в ходе исследования, проведенного 2007 г., данные свидетельствуют о сохранении достаточно высокого уровня профсоюзного членства на предприятиях Самарской области. В целом по массиву опрошенных членами профсоюза являются около 2/3 работников, и ситуация практически не меняется все годы мониторинговых замеров (2000 г. – 62,6 %, 2001 г. – 58,5 %, 2002 г. – 59,5 %, 2003 г. – 69,0 %, 2004 г. – 65,0 %, 2005 г. – 65,9 %, 2006 г. – 67,4 %, 2007 г. – 61,9 %). Однако, во-первых, надо сказать, что на многих предприятиях Самарской области профсоюзных комитетов просто нет. Во-вторых, во многом существующий уровень членства в рядах профсоюза искусственен. Ведь, если бы профсоюзы до настоящего времени не сохранили бы старый порядок сбора членских взносов через бухгалтерию предприятия, неизвестно, какую бы часть своих членов они сохранили.

Кроме того, руководители ряда предприятий изменили свое отношение к профсоюзным организациям. Они начали осуществлять поддержку социально-бытовой деятельности профсоюзного комитета и реализовывать через его структуры всю свою социальную политику. Поэтому членство в профсоюзе на этих предприятиях становится практически всеобщим. Так, традиционно лидируют по уровню профсоюзного членства работники производства кокса и нефтепродуктов (так теперь называются предприятия нефтеперерабатывающей отрасли), где более 9/10 опрошенных респондентов являются

членами профсоюза. И во многом на этих предприятиях уровень профчленства высок в основном благодаря сохранившейся у них социальной инфраструктуре, контролируемой профсоюзами, и социальной политике патернализма со стороны администрации.

Между тем малоперспективная тенденция для будущего профсоюзных организаций, входящих в Федерацию независимых профсоюзов России (ФНПР) (альтернативные профсоюзы в ходе наших многолетних исследований на предприятиях за исключением единичных случаев так и не появились), прослеживается, если рассматривать ситуацию с точки зрения возраста респондентов. Меньше всего членов профсоюза среди молодых работников до 30 лет (в 2006 г. – 60,8 %, в 2007 г. – 52,3 %), а больше всего среди работников возрастной группы 46–60 лет (в 2006 г. – 70,2 %, в 2007 г. – 69,4 %). Надо сказать, что такие данные наших мониторинговых исследований вполне сопоставимы с данными опросов ВЦИОМа и с мнениями экспертов, подчеркивающих тенденцию старения профсоюзов системы ФНПР [8].

В то же время само по себе членство в профсоюзе достаточно большой доли работников промышленности Самарской области далеко не главный критерий для оценки деятельности этой организации. Гораздо важнее, как работники оценивают ту роль, какую играют профсоюзы в регулировании договорных трудовых отношений на предприятии, как они влияют на улучшение условий и оплаты труда наемного персонала. Но авторитет профсоюзных органов не повышается. Лишь менее половины опрошенных, являющихся членами профсоюза, считают, что эта организация в той или иной мере влияет на решение актуальных проблем и улучшение ситуации в сфере договорных трудовых отношений (в 2006 г. об этом сообщали 48,0 %, а в 2007 г. – 46,5 % опрошенных членов профсоюза).

Исследования последних лет показали, что удовлетворены деятельностью своего профсоюза (а это почти половина опрошенных) большей частью работники, которые пользовалась его поддержкой в качестве социально-бытовой службы предприятия (получали путевки в дом отдыха, пособия на лечение и т.п.). Одновременно люди скептически оценивают способность профсоюзной организации отстаивать их интересы на предприятии. В наших исследованиях работникам, являющимся членами профсоюза, задавался вопрос: «А у Вас не появляется желание выйти из профсоюза?». И ответы, полученные от респондентов, показывают, что низкая оценка деятельности профсоюзных организаций заставляет людей задумываться о целесообразности нахождения в рядах организации, столь слабо отражающей их интересы перед работодателем. В мониторинговых исследованиях 2004–2006 гг. о своем желании покинуть ряды профсоюза заявляли 41–45 % респондентов. Примерно такая же доля опрошенных сообщила об этом и в 2007 г. – 45,9 % от числа респондентов по всему массиву.

Итак, сегодня очевидно, что профсоюзные организации по-прежнему не находят серьезной поддержки у персонала. Многие из работников остаются членами профсоюза «по привычке», особенно имеющие стаж работы на предприятии более 20 лет и вступившие в профсоюз «автоматически» еще в советское время. При этом доля работников, являющихся членами профсоюза, не растет. Более того, наблюдается тенденция к ее сокращению. Однако никаких реальных шагов по активизации своей роли в договорных трудовых отношениях руководством отечественных профсоюзов системы ФНПР

не предпринимается, а первичные профсоюзные организации занимаются привычными вопросами, относящимися к социальной политике патернализма. Надо сказать, что до сих пор само наличие профсоюзного комитета на предприятии зависит от желания и воли работодателя. При этом, как правило, создается некий «симбиоз» руководства и профсоюзного комитета, при котором профсоюзные лидеры и собственники приучают людей к мысли о невозможности сегодня решить жгучие социальные вопросы.

Локальные коллективные трудовые соглашения (коллективные договоры)

В целом, по данным департамента труда Министерства здравоохранения и социального развития Самарской области, в первом полугодии 2007 г. коллективными договорами было охвачено менее 60 % работающих во всех отраслях экономики Самарской области. При этом сохраняется ситуация, при которой заключение коллективного договора зависит от воли руководителя предприятия либо в некоторых случаях от позиции муниципальной администрации.

И согласно данным наших мониторинговых исследований на многих предприятиях коллективные договоры также вообще не заключаются. Особенно это касается новых промышленных предприятий с участием иностранного капитала, организаций строительного комплекса и торговли. Нет коллективных договоров и на половине сельхозпредприятий. При этом на тех предприятиях, где коллективный договор был формально заключен, о его наличии, по данным опроса 2007 г., были информированы лишь 59,7 % респондентов, опрошенных по всему массиву. Такая доля работников, информированных о наличии на предприятии коллективного договора, немного ниже, чем фиксировавшаяся согласно данным мониторинга в последние годы (в 2005 г. – 68,5 %, в 2004 г. – 66,0 %, в 2003 г. – 67,2 %, в 2006 г. – 60,2 %).

Такое положение, когда люди не знают о существующем формально на предприятии коллективном договоре, вовсе не является неожиданным, учитывая, что в социальный механизм переговоров, по данным наших опросов, не включено 3/4 работников. То есть обсуждение и принятие самого текста коллективного договора проходит в узком кулуарном кругу без участия основной массы работников, а нередко и просто в составе директора и председателя профкома. Логично, что в сложившейся ситуации определенная доля ответственности за то, что значительная часть персонала отчуждена от практики заключения коллективных договоров, лежит на также формально присутствующих на предприятиях профсоюзных организациях.

Стоит заметить, что ряд коллективных договоров предприятий, включенных в исследование, содержит нормы, ухудшающие положение работника на предприятии, а в ряде случаев – противоречащие федеральным и региональным законодательным актам и отраслевым соглашениям. В частности, нередко встречаются положения, противоречащие региональным нормам Самарского областного трехстороннего соглашения, заключенного между Правительством Самарской области, Федерацией профсоюзов Самарской области и Союзом работодателей Самарской области, о регулировании социально-трудовых отношений на 2006–2008 гг. И такая ситуация наблюдается постоянно.

Парадоксально, но согласно данным наших исследований в среднем 2/3 работников обрабатывающих производств считают, что содержание коллективных договоров соответствует их интересам. И это в условиях, когда в большей части этих документов нет даже упоминания о политике изменений в оплате труда, о повышении у части работников уровня оплаты труда, соответствующего порогу нищеты, или хотя бы о компенсации инфляции. Но в сознании работающих господствует еще стереотип коллективного договора советских времен, когда об изменении уровня зарплаты нельзя было даже «заикаться». И в коллективный договор, как правило, включаются вопросы, не играющие ключевой роли в отношениях работников и работодателей. Например, могут предусматриваться какие-либо льготы для работников (дополнительный выходной женщинам с детьми, подарок на юбилей) либо оговариваться моменты, дублирующие трудовое законодательство. А работники воспринимают коллективный договор как социальный пакет, как добрую волю работодателя, а не как заслугу профсоюзного комитета, защищающего права работника.

Итак, состояние коллективно-договорного регулирования договорных трудовых отношений на промышленных предприятиях нельзя признать удовлетворительным и соответствующим трудовому законодательству. Работники как один из субъектов трудовых отношений мало интересуются наличием коллективного договора, доля знающих о его существовании постоянно снижается.

Уровень интернализации формальных законодательных норм, регулирующих договорные трудовые отношения

В исследованиях 2004–2006 гг. респондентам задавался вопрос относительно знания ими содержания Трудового кодекса РФ. Вопрос в исследовании звучал так: «С 1 февраля 2002 года введен новый Трудовой кодекс. Знакомы ли Вы с его содержанием?». В целом за прошедшее время доля опрошенных, знакомых с трудовым законодательством, несколько увеличилась, но по-прежнему невысока. В 2006 г. о своем знании содержания Трудового кодекса сообщили 39,5 % респондентов, опрошенных по всему массиву (табл. 1).

Таблица 1

Доля работников различных профессионально-квалификационных групп, знающих содержание Трудового кодекса РФ

Группы работников	Количество знакомых с содержанием Трудового кодекса (в процентах)		
	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Рабочие 1–3 разряда	26,8	23,4	19,3
Рабочие 4–6 разряда	28,1	27,3	40,7
Специалисты	55,0	54,2	53,1

Представленные цифры свидетельствуют о существенном увеличении доли респондентов, знающих содержание Трудового кодекса РФ, среди рабочих 4–6 разряда. В то же время стоит обратить внимание на неуклонное снижение доли работников 1–3 разряда, знакомых с нормами закона. Возможно, на это положение влияет привлечение к малоквалифицированному труду ра-

ботников-мигрантов, у которых более низкие правовая культура и образовательный уровень. Так, среди работников, имеющих неполное среднее образование (это в основном и есть работники 1–3 разряда), честно признаются, что не знакомы с содержанием ТК РФ, около 9/10.

Отмеченные факты правовой безграмотности персонала наряду с неразвитым социальным механизмом переговоров и дисфункциональными в своей массе профсоюзными структурами позволяют по-прежнему говорить об отсутствии ускорения в процессе формирования современного социального института трудового найма. Более того, доминирование неформальных норм и межличностных способов регуляции способствует лишь ухудшению обстановки в производственных подразделениях и росту социальной напряженности в масштабах предприятия.

Надо признать, что в целом ответственность за ситуацию с низкой информированностью работников промышленности о формальных нормах трудовых отношений в какой-то мере лежит и на государстве, которое продолжает традицию советских времен, когда трудовое законодательство официально воспринималось не как результат переговоров, социальной борьбы и взаимных уступок, а как «инструмент социального управления» [9, с. 5]. С другой стороны, многие исследователи отмечают, что работники видят бессмысленность в знакомстве с нормами существующего трудового законодательства. Г. Я. Ракитская пишет: «Правовая система России существует, конечно, больше на бумаге, чем в жизни. Она оживает и более-менее начинает действовать, если это надо властям или капиталу. Если надо трудящимся, ее заклинивает» [10, с. 412].

Состояние социальной напряженности

В социологии труда под социальной напряженностью на предприятии принято понимать устойчивое рассогласование интересов субъектов договорных трудовых отношений, которое проявляется в латентных (неявных) или явных противоречиях между работниками и руководством [11].

Согласно действующей методике НИИ «Социальные технологии» Самарского государственного университета в рамках мониторинговых исследований социально-трудовой сферы выделяются три уровня социальной напряженности (высокий, средний и отсутствие социальной напряженности). Здесь нами используются такие показатели, как оценка работниками степени вероятности возникновения массового конфликта на предприятии и намерение принять в нем личное участие. Сочетания ответов на эти два вопроса в соответствии с нашей методикой и позволяют выделять три уровня социальной напряженности. Заметим, что уже в исследовании 2008 г. будет апробирована новая методика, позволяющая рассчитывать «индекс напряженности» по аналогии с «индексом уверенности» в наших исследованиях и рассчитываемым ВЦИОМом «индексом терпения» [12].

Как выяснилось в ходе исследования 2007 г., лишь у 1/5 части работников нет признаков социальной напряженности. А примерно 1/3 опрошенных находятся на высоком уровне социальной напряженности. Динамика ее уровня за 2005–2007 гг. отображена (в процентах) в табл. 2.

Представленные цифры показывают очевидный рост уровня социальной напряженности на промышленных предприятиях Самарской области.

Таблица 2

Уровень социальной напряженности в разные периоды времени

Годы	Доля работников, характеризующихся высоким уровнем социальной напряженности
2005 г.	25,9
2006 г.	30,5
2007 г.	34,5

Статистический анализ позволил выявить факторы, наиболее тесно связанные с уровнем социальной напряженности на предприятии. Во-первых, на ее уровень влияет степень удовлетворенности работой вообще и всеми производственными составляющими в частности. Особенно сильная связь прослеживается со степенью удовлетворенности содержанием работы, условиями труда, справедливостью оценки его результатов. Во-вторых, значимым фактором является оплата труда – не только ее размер, но и регулярность выплаты, а также субъективная оценка ее размера (удовлетворенность зарплатой). В табл. 3 представлены доли работников с признаками высокой социальной напряженности среди указанных групп (в процентах).

Таблица 3

Уровень социальной напряженности среди различных групп работников

Группы работников	Доля работников с высоким уровнем социальной напряженности
Вполне удовлетворенные работой Совершенно не удовлетворенные работой	23,0 63,4
Вполне удовлетворенные содержанием работы Совершенно не удовлетворенные содержанием работы	24,4 63,6
Вполне удовлетворенные условиями труда Совершенно не удовлетворенные условиями труда	21,0 62,1
Вполне удовлетворенные справедливостью оценки труда Совершенно не удовлетворенные справедливостью оценки труда	24,7 59,5
Работники, не столкнувшиеся с задержками зарплаты Работники, чью зарплату задерживают более 2 месяцев	33,0 66,7
Вполне удовлетворенные зарплатой Совершенно не удовлетворенные зарплатой	8,7 47,1

Итак, противоречия между работниками и руководством предприятий обостряются, и в такой ситуации установление отношений сотрудничества и тем более социального партнерства между субъектами договорных трудовых отношений выглядит весьма проблематичным.

Данные наших мониторинговых исследований свидетельствуют о сохраняющейся ситуации с низким уровнем развития социального института трудового найма в промышленности. Это связано с низкой интернализацией норм трудового законодательства наряду с неразвитым социальным механизмом переговоров и дисфункциональными в своей массе профсоюзными структурами. Такая ситуация свидетельствует о превалировании неформаль-

ных норм и межличностных способов регуляции договорных трудовых отношений. Все это в итоге способствует лишь ухудшению обстановки в производственных подразделениях и росту социальной напряженности в масштабах предприятия.

Наличие отраслевой и территориальной специфики, а также особенностей практик неформальных взаимодействий на рабочем месте не является препятствием для выявления институциональных элементов договорных трудовых отношений и обоснования общих условий, необходимых для развития и эффективного функционирования социального института трудового найма в России. Среди этих условий, на наш взгляд, можно выделить следующие:

1. Реформирование организационно-правовой структуры социального института трудового найма.

2. Интернализация норм социального института трудового найма субъектами договорных трудовых отношений.

3. Наличие легитимного представительства персонала во взаимодействии с работодателем.

3. Совершенствование самой социальной технологии переговорного процесса субъектов договорных трудовых отношений.

4. Внедрение инновационной социальной политики на предприятиях и в организациях.

5. Трансформация всей государственной политики в социально-трудовой сфере.

В заключении также стоит сказать, что в представленной работе автор опирался на собственный многолетний опыт исследований и, безусловно, подробно все вопросы, связанные с теоретическим и практическим опытом институционального анализа договорных трудовых отношений, охватить в рамках одной статьи невозможно. Так, сегодня уже нельзя представить исследования, проводимые на предприятиях, не затрагивающие организационную культуру работников, их ценности и установки. Более того, для многих уже очевидна идеологичность схематизации социологического знания о любых социальных отношениях, в котором полностью отсутствуют, например, представления о справедливости, благе и социальной ответственности государства перед человеком труда, разрабатываемые в Китае, Индии, на Ближнем Востоке, да и в нашем отечестве с глубокой древности.

Список литературы

1. **Васькина, Ю. В.** Договорные трудовые отношения / Ю. В. Васькина // Социология труда : теоретико-прикладной толковый словарь. – СПб. : Наука, 2006. – С. 58, 59.
2. **Бочаров, В. Ю.** Проблемы институциализации системы договорных трудовых отношений / В. Ю. Бочаров // Известия Самарского научного центра РАН. – 2002. – Спец. выпуск : Актуальные проблемы гуманитарных наук. – С. 147–157.
3. Трудового найма социальный институт // Социология труда : теоретико-прикладной толковый словарь. – СПб. : Наука, 2006. – С. 350, 351.
4. **Норт, Д.** Вклад неоинституционализма в понимание проблем переходной экономики / Д. Норт ; пер. В. Б. Кутилиной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wider.unu.edu/northpl.htm
5. **Тукумцев, Б. Г.** Самарский мониторинг социально-трудовой сферы / Б. Г. Тукумцев // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 41–50.

6. **Авдошина, Н. В.** Мониторинг социально-трудовой сферы промышленности региона: концепция, организация, результаты / Н. В. Авдошина // Вестник Самарского государственного университета. – 1997. – № 3. – С. 87–102.
7. **Бочаров, В. Ю.** Современное состояние социального института трудового найма в промышленности / В. Ю. Бочаров // Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни : сборник научных материалов Всероссийской научно-практической конференции (Самара, 11–12 октября 2007 г.). – Самара : Универс групп, 2007. – С. 30–38.
8. Редеют и седеют. Профсоюзы советского типа теряют в России численность // Новые известия. – 2007. – 20 июня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.newizv.ru/news/2007-06-20/71251/
9. **Лютов, Н. Л.** Коллективные трудовые споры: сравнительно-правовой анализ / Н. Л. Лютов. – М. : ТК Велби ; Проспект, 2007. – 256 с.
10. **Ракитская, Г. Я.** Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России) / Г. Я. Ракитская. – М. : Институт перспектив и проблем страны, 2003. – 480 с.
11. **Бочаров, В. Ю.** Социальная напряженность на предприятии / В. Ю. Бочаров // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. – СПб. : Наука, 2006. – С. 299, 300.
12. **Бочаров, В. Ю.** Возможности применения индексов для анализа состояния социального института трудового найма: опыт самарского мониторинга социально-трудовой сферы / В. Ю. Бочаров // Современная социология в поисках новых методологических подходов и методов исследования : сборник научных материалов Всероссийской научной конференции (Самара, 16–17 мая 2008 г.). – Самара : Универс групп, 2008. – С. 114–120.

Бочаров Владислав Юрьевич
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социологии и политологии,
Самарский государственный университет

Bocharov Vladislav Yuryevich
Candidate of sociology, associate professor,
sub-department of sociology and political
science, Samara State University

E-mail: vladislav_bocharov@rambler.ru

УДК 316.334.22
Бочаров, В. Ю.
Институциональный подход к анализу договорных трудовых отношений / В. Ю. Бочаров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 151–160.

УДК 301

Л. И. Найденова

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕВЫХ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОГРАММ В РЕГИОНЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются факторы формирования общественного мнения населения о целевых комплексных программах. Исследуется типология возможностей участия населения в реализации данных программ. Общественное мнение представлено как выразитель качественных характеристик социального капитала, к которым относятся социальное доверие, формирование общественных связей.

Ключевые слова: общественное мнение, социальный капитал, социальное доверие, целевые комплексные программы.

Abstract. Population public opinion formation factors about the aim complex programmes are under study in this article. Possibilities typology of population participation in given programmes realisation is investigated. Public opinion is represented as social capital qualitative characteristic exponent, which social trust and public opinion formation are refered to.

Keywords: public opinion, social capital, social trust, the aim complex programmes.

Общественное мнение и средства массовой информации (СМИ), которые формируют это мнение, являются важными составными элементами социального механизма экономики, а также играют важную роль в управлении социальными процессами как на уровне всего общества, так и на уровне различных общностей (от семьи до регионального социума). В социологии отмечается особенность общественного мнения, которая подчеркивает его значение в управленческом блоке. Это двойственный характер общественного мнения. С одной стороны, общественное мнение – это важный социальный институт, активно действующий субъект управления, с другой – это институт социального контроля. Сила общественного мнения заключается в его способности регулировать общественные отношения в разных сферах жизни общества, в том числе в экономической [1, с. 341].

Объекты общественного мнения имеют ряд особенностей, к которым социологи относят следующее:

– наличие общественного интереса;

– элемент дискуссионности, нерешенности проблемы;

– степень компетентности оценок, зависящая от уровней информированности людей и каналов распространения информации;

– динамичность и изменчивость [1, с. 342].

Учет этих особенностей – важное условие правильного использования общественного мнения в управлении социальными организациями и социальными процессами.

В современной социологии выделяются функции общественного мнения, которые особенно востребованы в экономическом и социальном управлении, в деятельности социальных институтов управления. К ним относятся:

– оценочная функция, которая выражает отношение людей к конкретным проблемам, фактам социальной реальности или событиям;

– аналитическая, которая позволяет получить информацию о реальной оценке ситуации со стороны общества; о степени готовности разных слоев общества участвовать в проводимых преобразованиях; об отношении различных групп населения к действиям руководства разного уровня;

– регулятивная функция, которая проявляется в том, что способствует формированию определенных стереотипов в общественном сознании и закрепляет социокультурные нормы и ценности, обычаи и традиции [1, с. 347, 348].

Влияние общественного мнения на реализацию многих управленческих решений происходит в процессе образования социального капитала в сфере социальных отношений.

Социальный капитал – это ценностный и институциональный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и передачи другим поколениям моральных ценностей, общественных связей, доверия, развития культуры социума.

При этом социальный капитал имеет ценностную составляющую (ценности социокультурные, жизненные цели, ценностные ориентации), институциональную составляющую (общественные связи, социальные нормы, выражающиеся в социальных отношениях в форме разных степеней доверия, сотрудничества и согласия) и когнитивную составляющую (это знание и накопленный социальный опыт, которые помогают так или иначе ориентироваться в происходящих изменениях, оценивать их и в итоге делать выбор, влияющий на формирование общественного мнения).

В региональном социуме на первый план выдвигаются следующие черты социального капитала, которые не только обеспечивают его воспроизводство, но и влияют на формирование общественного мнения:

– способы создания и воспроизводства социальных связей;

– доверие людей к региональной власти, обеспечивающее согласованное действие членов общества;

– нормативы и правила, институты, обеспечивающие функционирование общества;

– социальные сети, устойчивая повседневность;

– традиции и культура.

При формировании общественного мнения, на наш взгляд, очень важную роль играет социальное доверие, связанное с межличностным. Следует согласиться с В. О. Рукавишниковым в том, что в межличностном доверии отображаются установки, усвоенные человеком в период ранней социализации, жизненный опыт индивида, национальный характер, коллективный исторический опыт народа, фундаментальные общечеловеческие моральные ценности [2, с. 17]. Доверие к людям обычно рассматривается во взаимосвязи с доверием массы к институтам и политическим лидерам и в связи с доверительным отношением индивидов к ранее незнакомым людям в конкретных обстоятельствах места и времени. Межличностное доверие – это моральный фундамент взаимоотношений людей в самых различных сферах деятельности, однако форма проявления и степень доверия зависят от обстоятельств [2, с. 19]. На основе таких определений можно сделать вывод о взаимосвязи межличностного и социального доверия, которое играет важную роль в формировании социального капитала каких-либо нововведений и принимаемых управленческих решений. Именно межличностное доверие к новым управленческим решениям, в том числе целевым программам, создает основу для

формирования того общественного мнения, которое затем будет способствовать участию индивидов и разных социальных групп в реализации таких решений.

Но межличностное доверие не может быть тождественно социальному капиталу. Межличностное доверие – это сложный конструкт с множеством взаимосвязанных измерений (доверие большинству, доверие институтам), и возможное влияние каждого из них на политическую и экономическую жизнь общества зависит от соответствующего социального контекста. Хотя межличностное доверие имеет глубокие корни в индивидуальной психологии и социализации, текущие условия жизни каждого индивида и его оценка направленности перемен в сравнительном измерении в существенной мере влияют на агрегированный показатель доверия большинству [2, с. 22].

Можно предположить, что в процессе формирования социального капитала в региональном социуме участвуют следующие представители разных социальных групп.

В зависимости от признака «степень доверия» выделяются:

1. Активные участники – органы государственной и местной власти, региональные министерства, представители сферы бизнеса. По их инициативе происходит обсуждение важных социально-экономических проблем региона.

2. Пассивные и косвенно активные участники, представители базового и нижнего слоя в структуре регионального социума. Их участие проявляется в недоверии по отношению к ожидаемым переменам, растерянности, в массовой неподготовленности к самоуправлению. Это выражается в общественном мнении в виде низких оценок результатов проведенных преобразований и даже в отказах от ответов на вопрос об оценке этих преобразований вообще.

Другим важным признаком является отношение к действиям, выражающимся в помощи, содействии происходящим переменам в жизни регионального социума. Этот признак измеряется по шкале «помощь – отказ в помощи», в зависимости от него выделяются следующие группы:

1. Активные и инициативные участники, организаторы и руководители промышленных предприятий, решающие вопросы социальной поддержки и условий работы своих коллективов. У них действительно большие возможности участия в проводимых преобразованиях.

2. Активные и по мере возможности инициативные участники. Это представители общественных организаций. Форма их участия – это обращения к руководителям, к органам власти высших уровней с целью поддержки социально уязвимых слоев.

3. Пассивные участники, которые не входят в число представителей верхнего слоя социальной структуры, не имеют непосредственного отношения к власти, не обладают значительными экономическими ресурсами. Поэтому они могут поддерживать проводимые преобразования, но только в качестве исполнителей.

На участие этой группы во многом влияет то, как организованы преобразования. Это можно проследить на примере целевых комплексных программ (ЦКП).

Известно, что на начало 2006 г. в РФ функционировало 53 федеральные целевые программы, а с учетом подпрограмм – 137. С. Паникарова отмечала, что в методологии государственного программирования преобладали неэф-

фективные подходы. Часть программ имела декларативный характер. Были представлены перечни инвестиционных предложений, но не было четко сформулированных показателей эффективности и целевых индикаторов. Другая часть программ скорее соответствовала содержанию планов, а не программ [3, с. 36, 38]. Эти тенденции сохраняются и в настоящее время, хотя в меньших масштабах.

Для научного обоснования ЦКП на предварительном этапе всегда необходим мониторинг процесса и возможных результатов реализации программ, особенно в сельской местности.

В 2006 г. автором по инициативе Пензенской областной библиотеки было проведено предварительное исследование общественного мнения жителей пяти районов Пензенской области по проблеме информирования населения области и формирования общественного мнения о реализации целевых программ, а также о возможностях своего участия в этой реализации. Исследовалось общественное мнение населения в отношении следующих двух важных для сельской местности программ: развитие личного подсобного хозяйства (ЛПХ); развитие и поддержка малого предпринимательства и крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ).

Большинство респондентов хорошо информированы о разработке этих программ (от 80,2 до 95,5 % респондентов в разных районах). Таким образом, выполнено одно из первых условий привлечения населения области к выполнению этих программ – информированность об их разработке и реализации.

Из ответов респондентов можно сделать выводы о том, из чего складывается такая информированность. Ответы на вопрос о том, что можно узнать о программах, распределились следующим образом (в порядке убывания).

О программе развития ЛПХ:

– цели и задачи;

– возможности организации ЛПХ для граждан;

– средства обеспечения программы;

– адреса и телефоны, где можно получить консультацию;

– правовые основы реализации.

О программе развития и поддержки КФХ:

– цели программы;

– основные направления ее выполнения;

– адреса и телефоны для консультации;

– ожидаемая эффективность программы;

– сведения о ресурсах.

Возможно, что программа воспринимается в общественном сознании сельских жителей таким образом: программа интересная, нужная, но не ясно, все ли могут в ней участвовать. Такой вывод следует из полученных ответов о том, что больше всего можно получить информации о целях и возможностях организации программы, направлениях ее выполнения, но меньше всего о том, куда следует обратиться за консультацией, где можно узнать о правовых основах и гарантиях для деятельности потенциальных исполнителей, о ресурсах для выполнения программы.

С этими ответами согласуются и ответы респондентов на вопрос о доверии названным программам. Чаще встречаются ответы «можно доверять частично», несколько реже – ответы «можно полностью доверять известной информации». Информация же о целях и задачах может вызвать в общест-

венном сознании надежду на то, что найдутся исполнители, которые сумеют все это выполнить. У респондентов возникает сомнение в том, удастся ли выполнить эти программы вообще.

По ответам на вопросы можно выделить не менее трех групп респондентов:

1. Активные, которые лучше других информированы о программах ЛПХ и КФХ. Они доверяют этим программам и, возможно, хотели бы принять в них участие.

2. Неуверенные, которые менее информированы и только частично доверяют этим программам, возможно, по причине неполной информированности и своего выжидательного отношения к программам, а также на основе прошлого опыта.

3. Сомневающиеся в успешной реализации программ, не доверяющие полученной информации о них.

Большинство респондентов относятся ко второй группе.

Сравнение ответов респондентов по всем районам, где проводился опрос, приводит к выводу, что наиболее всего сельские жители сомневаются в ежегодном приросте малых предприятий (МП) на 5–6 % и в создании экономико-правовых условий для предпринимательства.

Для реализации названных программ сельские жители ожидают помощи со стороны государства. Нужна продуманная сельскохозяйственная политика, а также помощь в продвижении продукции малого предпринимательства на рынке и защита экономических интересов владельцев ЛПХ и фермеров, чтобы успешно реализовать эти программы.

С этими данными согласуются ответы респондентов на вопрос о том, от чего зависит успех отдельных граждан, решивших участвовать в выполнении программ. Прежде всего была отмечена социально-экономическая политика государства, затем уровень знаний, личные качества и лишь в последнюю очередь возможности создать нужные связи и везение. Это означает, что для реализации данных программ нужны вспомогательные программы и управленческие решения, нацеленные на создание системы защиты экономических интересов владельцев ЛПХ и фермеров, а также на создание системы обучения для тех, кто решил участвовать в этих программах.

Для достижения целей названных программ, по мнению респондентов, необходимы (в порядке убывания значимости);

– защита экономических интересов фермеров и владельцев ЛПХ;

– наличие знаний и опыта;

– наличие правовой базы;

– хорошие возможности для получения необходимой информации.

Приведенные результаты позволяют сделать вывод о том, что необходимо создавать систему социальной диагностики и социальной экспертизы при разработке и реализации многих ЦКП в регионе, чтобы повысить эффективность реализации таких программ. Социальная диагностика как элемент социального управления находится в самом начале управленческих действий. Социальная экспертиза замыкает цепочку управленческих действий и выполняет функции обратной связи субъекта управления с внешней для него средой. В плане научной экспертизы очень полезными могут быть опросы общественного мнения населения региона о целях, условиях, мотивации выполнения разрабатываемых ЦКП.

В 2008 г. автором при участии сотрудников Областной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова и сельских районных библиотек Пензенской области было проведено исследование общественного мнения населения Пензенской области о перспективах и возможностях реализации социально-демографической и семейной политики и возможностях участия населения в реализации программ социально-экономического развития региона. В опросе принимали участие жители районов области, поскольку названные программы прежде всего были направлены на преобразования в сельском хозяйстве, на социальное преобразование села. По квотной выборке был опрошен 1801 человек (жители 27 районов области). Социально-демографическая структура респондентов характеризуется следующими показателями. Опрошено мужчин – 46,9 %, женщин – 51,5 %. Среди респондентов наибольшую долю составляют жители в возрасте 30–39 лет (27,4 %) и в возрасте 20–29 лет (21,0 %), наименьшую – в возрасте 60 лет и выше (3,7 %). Респонденты в возрасте 40–49 лет и 50–59 лет представлены почти одинаковыми долями (19,3 и 18,3 %). По семейному положению наибольшую часть респондентов составляют женатые и замужние (53,4 %), наименьшую часть – вдовы и вдовцы (5,2 %). Можно заметить, что с учетом доли респондентов, состоящих в гражданском браке (6,8 %), доля семейных респондентов значительно преобладает над долей одиноких (17,1 %) и разведенных (9,8 %).

В процессе данного исследования были поставлены следующие задачи:

– определить типологию проблем, наиболее важных, по мнению населения, для данного региона;

– определить факторы, влияющие на решение об участии и на возможности самого участия населения в реализации программ социально-экономического развития и программ семейной и демографической политики в области.

Постановка этих задач позволяет проверить на практике предполагаемый механизм формирования внеэкономического капитала регионального социума, который в данном случае проявляется как доверие к государственным программам и желание реализовать их. Важно определить, формируются ли необходимые социальные связи, которые составляют основу социального капитала.

Порядок распределения респондентами региональных социальных проблем, требующих решения, представлен в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос
о региональных социальных проблемах

Проблемы, известные респондентам	Количество ответов к общей численности респондентов (%)
Снижение численности населения в сельской местности	831/46,1
Снижение рождаемости	505/28,0
Рост доли одиноких пожилых людей	389/21,6
Непродолжительность многих браков	388/21,5
Постарение населения	351/19,5
Преобладание численности разводов над численностью заключенных браков	262/14,5

Можно видеть, что в этом понимании отражены действительные проблемы, характерные для сельской местности в большинстве регионов РФ. Специфика Пензенской области состоит в том, что регион является аграрно-промышленным, а население старших возрастов давно составляет большинство. И даже приостановка тенденции к сокращению рождаемости не решает эту проблему, т.к. подрастающие дети стараются уехать в другие города, в основном в Москву.

Ответы респондентов позволили определить порядок предполагаемых решений проблем, в которых выражаются группы различных потребностей регионального социума. В первую очередь назывались меры, позволяющие удовлетворить материальные (в основном экономические) потребности: увеличение материальной помощи семьям, имеющим детей (52,1 %) и выдача льготного кредита молодым семьям (47,8 %). Во вторую очередь указывались такие меры, как выполнение целевых программ («Дом для молодой семьи» и др.) (34,8 %) и увеличение финансирования для поощрения деторождения (29,9 %). В третью очередь упоминались разработка целевых программ по повышению роли семьи в обществе (21,35 %) и мероприятия, формирующие ценность семьи и молодежи (18,0 %). Уже в этом проявляется определенная степень доверия. Наибольшее доверие вызывают меры финансово-экономического характера, меньшее – меры, связанные с разработкой и реализацией целевых программ.

Население области достаточно информировано о программах и мероприятиях по реализации семейной и демографической политики. Более половины респондентов (52,2 %) ответили, что информации достаточно, 27,3 % – недостаточно (хотя даже этот ответ говорит об их заинтересованности в такой информации). Только 5,5 % респондентов ответили, что не интересуются этой информацией (рис. 1).

Ответы респондентов показывают, что средства массовой информации (газеты, телевидение) и места, где можно получить информацию (прежде всего библиотеки), обеспечивают хорошее снабжение информацией.

Рис.1 Оценка уровня информации о программах и мероприятиях по реализации семейной и демографической политики

Часть респондентов получает указанную информацию во время встреч со знакомыми и с представителями органов власти. Можно назвать это взаимодействие способом формирования социальных связей.

Респонденты довольно хорошо информированы о том, какие программы разработаны и реализуются в области. Прежде всего это «Дом для молодой семьи», «Жилье для молодых специалистов и их семей», «Жилье для многодетных семей». Многие знают о социальных программах федерального уровня, связанных с оказанием помощи семье при рождении детей, или о программах в сферах здравоохранения, образования, социальной защиты разных групп населения. Можно сказать, что определенный кредит доверия у населения области существует, и это проявляется в отношении к целевым программам, которые разрабатываются на федеральном и региональном уровнях. 28,0 % респондентов знают о том, что целевые программы успешно действуют. 44,9 % респондентов информированы о таких программах, хотя пока еще не определили своего отношения к ним. И значительно меньшая часть респондентов считает, что программы существуют, но не выполняются. На наш взгляд, это говорит о возможности участия в формировании внеэкономического капитала представителей регионального социума с разным социальным статусом. Такие ответы также указывают на отношение различных общностей регионального социума к социальным действиям и на возможность их участия в деятельности различных институтов.

В целом можно сделать вывод о том, что разработка и реализация целевых программ социально-экономического развития региона с учетом специфики региона и особенностей формирования и среды обитания регионального социума представляют эффективный механизм формирования внеэкономического (в данном случае социального) капитала на уровне региона. Основными факторами при этом являются:

– создание доверия населения к реализации таких программ в русле социальной политики;

– привлечение населения региона (особенно в сельской местности) для реализации программ с созданием для этого соответствующих материальных возможностей;

– создание положительного отношения к социальным действиям по совместному участию в реализации программ для представителей разных социальных слоев.

Важным направлением влияния на установки людей является мотивированная коммуникация. Это означает, что через систему мотивации личности можно добиться определенных целей в процессе формирования ее установок, которые влияют затем на общественное мнение. При этом практическую функцию выполняют связи с общественностью. Изменение установок и формирование общественного мнения с их помощью предполагает определенные правила, к которым относятся, например, следующие:

– не думать, что для изменения поведения надо менять установку;

– использовать моральные доказательства как вспомогательное средство, а не как главный аргумент;

– стараться заручиться поддержкой представителей всех слоев населения [4, с. 87, 88].

В процессе формирования общественного мнения эффективное влияние оказывает применение современных технологий воздействия на общест-

венное сознание. Такие технологии становятся возможными и широко распространяются в современном российском обществе.

Список литературы

1. **Силласте, Г. Г.** Экономическая социология / Г. Г. Силласте. – М. : Гардарики, 2005.
2. **Рукавишников, В. О.** Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения / В. О. Рукавишников // Социологические исследования. – 2008. – № 5.
3. **Паникарова, С.** Факторы выполнимости государственных целевых программ / С. Паникарова // Экономист. – 2006. – № 8.
4. **Емельянов, С. М.** Теория и практика связей с общественностью / С. М. Емельянов. – СПб. : Питер, 2006.

Найденова Людмила Ивановна
доктор социологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Пензенская государственная технологическая академия

Naydenova Lyudmila Ivanovna
Doctor of sociology, professor, sub-department of psychology and pedagogy, Penza State Technological Academy

E-mail: linajdenova@yandex.ru

УДК 301

Найденова, Л. И.

Формирование общественного мнения населения как условие эффективной реализации целевых комплексных программ в регионе / Л. И. Найденова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 161–169.

УДК 316.3.33

Г. Б. Кошарная, В. П. Кошарный

ТРАДИЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье анализируются социокультурные детерминанты моделей предпринимательства в различных странах, доказывается, что различия в сущности и формах предпринимательства в России и на Западе в основном определяются господствующими традициями, религией, менталитетом.

Ключевые слова: предпринимательство, традиции, религия, ценности, менталитет.

Abstract. Sociocultural determinants of business patterns in different countries are analyzed in the article, it's also noted, that distinctions in essence of business forms in Russia and in the West basically are defined by predominant traditions, religion and mentality.

Keywords: business, traditions, religion, values, mentality.

Для формирования и развития предпринимательства нужны не только определенные социально-экономические условия, но и социокультурные основания в виде определенных традиций, ценностей, архетипов, т.к. социокультурные факторы являются органической частью всех процессов в обществе – экономических, социальных, политических, нравственных. Результаты социологических исследований показывают, что традиционные ценности и нормы, характерные для советского времени, все еще широко распространены в современном российском обществе [1]. Российская культура и специфическая ментальность народа, складывавшиеся на протяжении столетий и отражающие особенности его исторического становления, в значительной степени определяют формирование культуры предпринимательства.

В культуре любой страны можно найти установки на активное отношение к миру, хозяйственное развитие, накопление богатства, но они поразному встраиваются в общую систему ценностных ориентаций, а значит, оказывают различное влияние на формирование предпринимательства. Таким образом, предпринимательство, хозяйственная практика в любой стране не являются нейтральными структурами. В основе каждой из них лежат социокультурные основания. Это связано с тем, что культура выступает, с одной стороны, как традиция, способная тормозить определенные новации, если они не соответствуют ее архетипам, с другой стороны, как инстанция, которой дано легитимировать те или иные начинания, давать им духовную санкцию. И хотя культурная легитимация в отличие, скажем, от политико-правовой носит неявный, неформальный характер, значение ее не следует преуменьшать. В различных странах неоднократно затухали экономические преобразования, наталкиваясь на скрытые социокультурные барьеры.

Подобно институтам, традиции являются общественно принятым регулятором социальных взаимодействий всякого общества. Традицию можно представить в виде набора соответствующих институтов, но полностью она к ним не сводится, что позволяет обозначить ее в качестве самостоятельного «механизма» взаимодействия экономики и культуры. В отличие от институтов традиция – более живой и исторический феномен. Она несет в себе все

предшествующие состояния данного общества – не только дошедшие до нас институты, но и его угасшие формы, и временно затаившиеся архетипы. Достоинство традиции – в консервации общественных связей, в придании устойчивости общественной деятельности и предохранении ее от превратных изменений.

Сравнительный анализ истории формирования российского и западноевропейского менталитетов показывает, что на Западе многовековая культура частной собственности сформировала в качестве основных черт менталитета личности рационализм, прагматизм, индивидуализм, в том числе и экономический. В России хозяйственная деятельность осуществлялась в условиях уравнительно-передельной общины, что обусловило формирование таких черт, как коллективизм, патернализм, нравственный максимализм. Многие российские исследователи подчеркивают, что при проведении реформ необходимо опираться на ценности традиционной российской культуры, учитывать национальные особенности [2]. В противном случае велика вероятность отторжения западной модели общественного устройства, основанной на ценностях индивидуализма, успеха, достижения, потребления.

Для осмысления развития предпринимательства в России большое значение имеют выводы известного немецкого социолога М. Вебера о противодействии традиционной духовности и религиозно-культурных систем восточных стран развитию там эндогенного капитализма западного типа. Решая в «Протестантской этике» проблему генезиса духовных предпосылок европейского капитализма, М. Вебер сосредоточил внимание на причинах невозможности формирования где-либо, кроме протестантского Запада, эндогенного капиталистического предпринимательства и соответствующего ему рыночного хозяйства. Однако, показав, почему на Востоке не сложился эндогенный капитализм, немецкий социолог совершенно не затронул перспектив развития там вторичного, или заимствованного, капитализма, поскольку эта проблема остро встала лишь в середине XX в. в связи с модернизацией ряда стран.

С переходом России к рыночным отношениям ряд ученых обратились к анализу социокультурных оснований отечественного предпринимательства, в первую очередь православия. Методологической основой послужили работы М. Вебера по социологии религии, содержащие немало соображений по поводу сущности русского православия. Однако некоторые западные авторы считают, что православие не создает прямых аналогов протестантской этики и не дает высших духовных санкций для активной работы в миру, т.к. оно в целом либо индифферентно к хозяйственной жизни, либо откровенно ее отрицает. Православие, по их мнению, не формирует специфических духовных стимулов к трудовой и предпринимательской активности. Подобная точка зрения, формулируемая с большей или меньшей степенью радикализма, разделяется на Западе многими исследователями православной культуры [3].

Безусловно, важнейшим из факторов формирования предпринимательства являются религиозные, нравственные и исторические традиции стимулирования предпринимательской активности. Они существуют в каждом обществе и оказывают серьезное влияние на хозяйственную культуру. М. Вебер отмечал, что религиозные меньшинства, как правило, в хозяйственном отношении оказываются более активными, чем большинство населения, «именно

потому, что они добровольно или вынужденно отказываются от политического влияния и политической деятельности, концентрируют все свои усилия в сфере предпринимательства; этим путем наиболее одаренные их представители стремятся удовлетворить свое честолюбие, которое не находит себе применения на государственной службе» [4]. Именно с протестантских сект, по мнению М. Вебера, начинался подъем капиталистического предпринимательства.

Хозяйственной этике Русской православной церкви часто противопоставляют старообрядческую субкультуру, для которой действительно была характерна активная трудовая и предпринимательская традиция. Многие ведущие предпринимательские династии, например Рябушинские, Морозовы, Солдатенковы, Кокоревы и другие, известные не только своей экономической деятельностью, но и меценатством, принадлежали к старообрядцам. По некоторым данным, к старообрядцам принадлежало свыше 60 % представителей торгово-промышленного класса России. В качестве причин предпринимательской активности староверов исследователи называют взаимопомощь и самоуправление внутри общин, соблюдавших традиционные нормы соборности, сплоченных противостоянием государству и официальной церкви. Но главная причина, на наш взгляд, состоит в том, что в момент проведения церковной реформы в XVII в. русское общество находилось в состоянии духовного кризиса, отмеченного повсеместным ожиданием скорого конца света. У гонимых раскольников напряженность эсхатологических ожиданий была чрезвычайно высока, она побуждала поддерживать высокий уровень традиционных добродетелей, в том числе трудолюбия и рачительности, желание отличаться от «никониан» более высокой нравственностью. Русские секты, духоборы и в особенности молокане, у которых почитание икон и ритуалы были заменены этикой «добрых дел», включающей трудолюбие в качестве важнейшего компонента, также показали высокий уровень хозяйственной мотивации. М. Вебер отмечал, что они наиболее близки к протестантской этике [5].

В отличие от протестантской этики и западных ценностей восточные ценности имеют иной, нежели западные, смысл. На наш взгляд, старообрядцев нельзя отождествлять с протестантами, поскольку их хозяйственная активность не следует непосредственно из религиозной догматики (она практически тождественна православной), а является разновидностью локальной этической и исторической традиции. В русской культуре есть общие и специфические культурные мотивы хозяйственной предприимчивости.

Духовные предпосылки, необходимые для движения традиционного общества к индустриальному, не охватывают всего содержания западной культуры и не обязательно включают такие черты, как, например, широко пропагандируемый индивидуализм, что в полной мере проявилось в опыте развития Японии. Специфика социокультурных отношений в японском обществе настолько очевидна, что его обычно называют «конфуцианским» или «азиатским» капитализмом, чтобы подчеркнуть отличие от западного типа.

Успех протестантской этики в утверждении «духа капитализма» основывался не только на найденной ею высшей духовной мотивации предпринимательской деятельности современного типа, но и на сакрализации предпринимательского успеха, утверждении безусловной правомерности предпринимательской активности и ее нравственном самооправдании, на принятии большинством общества успехов активного меньшинства. Существенным

ценностным компонентом предпринимательской этики стала мирская аскеза, обеспечивающая отделение капитала от потребления и наслаждения, его переориентацию на производственные цели. Со становлением капитализма на Западе богатство перестает служить знаком социального статуса и предпосылкой «благородной праздности», оно становится условием собственного роста и требует от обладателя самоотверженного труда. Как отметил В. Зомбарт, происходит соединение стремления к наживе с хозяйственной деятельностью [6].

Другим компонентом западного предпринимательства, основанного на протестантизме, стало отношение индивида к своей работе независимо от конкретной профессии как к призванию, как самому верному и единственному средству утвердиться в своем человеческом предназначении. Вместе с тем аскеза, объявив призванием стремление приобретателя к наживе, прибыли, приравняла предпринимательскую активность и накопление к труду прочих работников: «отношение к труду как к призванию стало для современного рабочего столь же характерным, как и аналогичное отношение предпринимателя к наживе» [4, с. 204]. Следствием этого и стала нравственная легитимизация предпринимательской деятельности, когда большинство населения, не занятое непосредственно предпринимательством, признает оправданным и законным обогащение активного меньшинства на том основании, что оно также трудится, добиваясь успеха как благословения Божьего, и ведет такой же, как и все, умеренный и нормативно-упорядоченный образ жизни.

В дореволюционной России вместе с развитием капитализма также начинал складываться своеобразный механизм стимулирования предпринимательской деятельности на основе духовных и нравственных ценностей, оправдывающих эту деятельность в глазах общества. В основе его лежала идеология служения, являвшаяся одной из базовых в дореволюционной российской культуре. И если в протестантской этике труд и предпринимательство воспринимались как индивидуальный долг, то в русской культуре это был долг перед другими людьми, причем даже не перед семьей или общиной, а перед обществом в целом, перед соотечественниками. Православные мыслители на первое место в предпринимательстве ставили служение высшим ценностям, христианскую любовь, духовные потребности человека, память о его высшем предназначении. Православие выступает против бизнеса, который пользуется нечестными средствами и полагает конечной целью лишь сиюминутное обогащение. В отличие от западного христианства оно выработало свой собственный эталон хозяйственного рационализма, который изначально исходит из нравственных критериев: нестрогая прибыльность рыночного обмена, милосердие, благотворительность. Для православия успех предпринятого дела, величина полученной прибыли еще не доказательства его нравственной оправданности и богоугодности. Подчеркивая принципиальное отличие от западной культуры, следует отметить, что в российском менталитете богатство рассматривалось как предпосылка для социального служения, а не как доказательство доктрин естественного права. Идеология служения выполняла не только мотивационную и интеграционную функцию, ибо объединяла общество вокруг поставленных задач, прежде всего политических и оборонных, и тем самым оправдывала в глазах большинства успехи активного меньшинства.

Традиции играют большую роль в развитии предпринимательства в странах исламского Востока. Вступление этих стран на путь модернизации поставило на первый план проблему легитимизации предпринимательства. Одновременное сосуществование в мусульманских странах добуржуазных укладов с капиталистическим сделало вопросы законности предпринимательства особенно актуальными, поэтому сторонники предпринимательства пытаются отыскать в исламе дополнительный резерв модернизации мусульманских стран.

Современная разработка принципов и форм организации предпринимательства в мусульманских странах базируется на возведении вокруг него ореола благочестия. В основу идеологического обеспечения предпринимательства положен пересмотр прежних воззрений ислама на обязанности верующих. Естественно, не были затронуты такие общечеловеческие ценности, как честность, справедливость, неприятие воровства, прелюбодеяния, причинения вреда и т.д. Но особое внимание идеологи модернизации обратили на формирование личности, способной к саморазвитию, предприимчивой, ориентирующейся на личный успех. Труд на благо самого себя, семьи и общества стал возводиться в ранг нравственного долга, а раннеисламская торговля и кредит представляться как прообраз нынешней деловой активности.

Современные исламские предписания относительно якобы дозволенного шариатом, а значит, негреховного бизнеса включают ряд положений. Превыше всех ценится рачительный созидатель своего богатства. Помимо трудового происхождения собственности, считаются законными другие способы обзаведения ею: покупка, получение по наследству, в дар и так далее, но при условии неукоснительного соблюдения при этом требований шариата, т.е. капитал не должен омертвляться и растрачиваться попусту. Большое значение придается регулярной выплате «закята» – религиозного налога в пользу неимущих единоверцев, вдов, сирот и т.д. «Закят» рассматривается как свидетельство благочестия самого предпринимателя, ибо он очищает собственность от «греха» стяжательства.

Одной из проблем, препятствующей развитию предпринимательства в мусульманских странах, являлось традиционное предубеждение по отношению к ссудному проценту. Предписание Корана о запрете этого процента и прочей «лихвы» было камнем преткновения и для финансово-кредитных операций, и для предпринимательства в целом. Поэтому идеологи и сторонники предпринимательства постоянно подчеркивают и обосновывают отличия ростовщического «греховного» процента от «дозволенного» банковского. В свете запрета на «лихву» осуждаются разного рода спекулятивные и мошеннические сделки. Под действие этого запрета многие нынешние мусульманские теоретики подводят «незаконность» прибыли, получаемой вследствие монопольного положения в сфере торговли, производства, услуг [7].

Согласно исламу, как утверждают многие современные мусульманские идеологи, предприниматели должны руководствоваться принципом справедливого обмена, который предполагает обязательность в выполнении договоров, готовность договаривающихся сторон к сотрудничеству, честность в торговле, наличие полной и достоверной информации о качестве, количестве и цене товаров. Такой подход означает запрет на мошенничество, спекуляцию, демпинг и монополию. Для того чтобы соблюдать все эти нормы, нужно

участие в рыночных отношениях равноправных, информированных, свободных и ответственных лиц.

Современные мусульманские теоретики прилагают немало усилий, чтобы современный бизнес выглядел как возрождение предпринимательства, имевшего место во времена пророка Мухаммеда. Большое внимание уделяется личности самого предпринимателя и его деятельности, а также формам делового партнерства. Исламские идеологи предпринимательства считают, что бизнесмен-мусульманин должен обладать теми же деловыми и личностными качествами, которые являются обязательными для американца или западноевропейца. Это в первую очередь инициатива, предприимчивость, прагматизм, рационализм и основательность в предварительном продумывании планов, в разработке и реализации проектов, способность к прогнозированию ситуации, гибкость и маневренность в реализации своих намерений. Но если в западном варианте идеала предпринимателя доминируют, как правило, нацеленность на индивидуальный успех и готовность к риску, то в мусульманском приоритет отдается кооперированию усилий во имя блага деловых партнеров. Что же касается риска, неотъемлемой черты предпринимательства, то исламская мораль осуждает, как правило, те сделки, в основе которых – игра на изначальной неопределенности конечных результатов для обеих или одной из сторон.

Идея «возврата» к раннеисламской деловой практике получает все большее распространение среди предпринимателей-мусульман. Многих из них привлекает ориентированность этой практики на кооперирование усилий, на подстраховку предпринимательского риска. Это было связано с тем, что на Востоке индивидуальное предпринимательство традиционно занимало более слабые позиции, нежели различные товарищества и кооперативы. Причем наибольшую активность в реализации планов и способов современной организации исламского бизнеса проявляют те выходцы из стран Востока, которым довелось ознакомиться с теорией и практикой западного рыночного хозяйствования.

В заключение следует подчеркнуть, что традиции и менталитет народа имеют огромное конкретно-историческое значение в процессе формирования предпринимательства и его культуры, т.к. благодаря им предпринимательская деятельность приобретает рационально-смысловое, культурно-детерминированное значение. Сам субъект превращается в культурное существо, сознательно организующее деятельность, ориентируясь на среду и «значимость других». Возникающий общественный строй как продукт осмысления действий также становится культурным продуктом.

Таким образом, формирование предпринимательства в транзитивном российском обществе должно опираться на традиции, отвечающие принципам самобытности народа, складывающейся на протяжении многовековой истории. Оно не должно отменять или деформировать традиции, а постепенно реформировать их. В этом случае менталитет и традиции народа, в свою очередь, не будут блокировать экономические преобразования, а будут постепенно приспосабливаться к существующим отношениям.

Список литературы

1. **Лапин, Н. И.** Динамика базовых ценностей и социальное самочувствие россиян / Н. И. Лапин // Глобализация и социальные изменения в современной России :

доклады Всероссийского социологического конгресса. – М. : Альфа-М, 2007. – С. 99–102.
2. **Кошарная, Г. Б.** Роль культуры и менталитета в трансформации российского общества / Г. Б. Кошарная // Университетское образование : сборник статей XI Международной научно-методической конференции. – Пенза, 2007.
3. **Зарубина, Н. Н.** Православный предприниматель в зеркале русской культуры / Н. Н. Зарубина // Общественные науки и современность. – 2001. – № 5. – С. 100–112.
4. **Вебер, М.** Протестантская этика и «дух капитализма» / М. Вебер // Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 64.
5. **Weber, M.** Wirtschaft und Gesellschaft / M. Weber. – Tubingen, 1921. – C. 292.
6. **Зомбарт, В.** Буржуа / В. Зомбарт. – М. : Прогресс, 1994. – С. 31–45.
7. **Ионова, А.** Исламский взгляд на проблему человека в условиях рыночной экономики / А. Ионова // Вопросы экономики. – 1993. – № 8. – С. 134–143.

Кошарная Галина Борисовна
доктор социологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
социологии и управления персоналом,
Пензенский государственный
университет

Kosharnaya Galina Borisovna
Doctor of Sociology, professor,
head of sub-department of sociology
and human resource management,
Penza State University

E-mail: siup@pnzgu.ru

Кошарный Валерий Павлович
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии,
Пензенский государственный
университет

Kosharniy Valery Pavlovich
Doctor of Philosophy, professor,
head of sub-department of philosophy,
Penza State University

E-mail: dep-ph@pnzgu.ru

УДК 316.3.33

Кошарная, Г. Б.

Традиционные детерминанты национальных моделей предпринимательства / Г. Б. Кошарная, В. П. Кошарный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 170–176.

УДК 378.016-15(075)

Н. А. Ручкова, Л. А. Чиркова

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Аннотация. В статье рассмотрены различные подходы к проблеме компетентности и коммуникативной компетентности, обозначена важность этого качества для специалистов в области психологии образования. Эмпирически выявлены представления студентов о коммуникативной компетентности на разных этапах обучения, обосновывается необходимость внесения изменений в процесс подготовки студентов психологического факультета.

Ключевые слова: общение, компетентность, коммуникативная компетентность, психология, студенты, факультет психологии.

Abstract. Different approaches to the problem of communicative competence are observed in the article, besides the importance of this quality for experts in the field of psychology is designated. Representations of students about communicative competence on the different levels of education are empirically revealed. The authors of this article explain the necessity of modification of process of preparation of students of the faculty of psychology.

Keywords: contact, competence, communicative competence, psychology, students, the faculty of psychology.

Человек с момента рождения общается с другими людьми, но порой люди, отличающиеся высокими достижениями в изучении явлений материального мира, оказываются малоспособными в области межличностных отношений. В связи с этим человек должен изучать правила взаимодействия с людьми, чтобы стать социально полноправным членом общества [1]. Другими словами, общение будет эффективно лишь тогда, когда люди, взаимодействующие друг с другом, компетентны в данной ситуации [2].

Возникает потребность определения понятий «компетенция» и «компетентность» и их соотношения. В рамках отождествления этих понятий такие авторы, как Л. Н. Болотов, М. В. Рыжаков, подчеркивают именно практическую направленность компетенций. Компетенции – это некоторые внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования (знания, представления, программы действий, системы ценностей и отношений), которые затем выявляются в компетентностях человека как актуальных, деятельностных проявлениях [3, 4].

И. А. Зимняя определяет компетентность как основывающуюся на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленную социально-профессиональную жизнедеятельность человека [5]. М. А. Холодная считает, что компетентность – это особый тип организации предметно-специфических знаний, позволяющий принимать эффективные решения в соответствующей области деятельности [6].

Анализируя понятия «компетентность», «готовность к деятельности», «профессионализм» и «мастерство», можно сделать вывод, что они не являются тождественными и находятся в отношениях уровневой интеграции: компетентность представляется базовым уровнем, на основе которого фор-

мируется и развивается готовность специалиста к профессиональной деятельности, его профессионализм и мастерство.

В самом общем плане компетентность в общении предполагает развитие адекватной ориентации человека в самом себе – собственном психологическом потенциале, потенциале партнера, в ситуации и задаче.

Критерии коммуникативной компетентности одним из первых были сформулированы Т. Гордоном. Понятие коммуникативной компетентности определяется авторами различно: это владение языком, умение ориентироваться в объекте общения для создания прогностической модели его поведения, эмпатия, личностные характеристики (адекватная самооценка, социальная направленность) самого субъекта общения; способность к ориентации [1] или ориентированность в различных ситуациях общения [7]; способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми; система внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия в определенном кругу ситуаций межличностного взаимодействия [8]; ситуативная адаптивность и свободное владение вербальными и невербальными средствами социального поведения [3]. Коммуникативная компетентность, по мнению Л. А. Петровской, имеет двоякий смысл – это и эмпатическое свойство (сопереживание), и знания о способах ориентации в различных ситуациях, свободном владении вербальными и невербальными средствами общения [8].

На наш взгляд, коммуникативную компетентность можно рассматривать как систему внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определенном круге ситуаций личностного взаимодействия. В целом компетентность в общении обычно связана не с овладением какой-либо одной позицией в качестве наилучшей, а с адекватным приобщением к их спектру. Гибкость в адекватной смене психологических позиций – один из существенных показателей компетентного общения [9]. Коммуникативная компетентность – система внутренних ресурсов, совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для построения эффективного действия в определенном круге ситуаций межличностных взаимоотношений. Эта система – необходимое условие успешной реализации личности психолога в процессе профессиональной деятельности [9, 10].

Коммуникативная компетентность как знание норм и правил общения, владения его технологией является составной частью более широкого понятия «коммуникативный потенциал личности».

Как показал анализ теоретических исследований, проблеме формирования коммуникативной компетентности студентов факультета психологии как вида профессиональной компетентности уделено недостаточное внимание в научной литературе, особенно в свете того, что изменения, произошедшие в политической и экономической жизни мирового сообщества, диктуют новые правила и технологии построения общественных и межличностных отношений, новые требования к профессиональной подготовке специалистов в вузах. Будущим специалистам в области психологии, чья профессиональная деятельность имеет свою специфику, необходимо овладеть коммуникативной компетентностью.

Анализ проблем, возникающих у выпускников факультета психологии в практической деятельности, показал, что к основным трудностям в работе относятся недостаточная сформированность у них навыков профессиональ-

ного общения при решении проблем разновозрастных групп субъектов образовательного процесса.

Исследование представлений о коммуникативных умениях у студентов психологического факультета проводилось на базе факультета психологии Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. В анкетировании приняли участие 358 человек, из них: 75 студентов 1-го курса, 85 студентов 2-го курса, 69 студентов 3-го курса, 64 студента 4-го курса, 65 студентов 5-го курса.

Мы предположили, что основной акцент формирования представлений о собственных коммуникативных умениях делается в процессе обучения на профессиональной практике, которую проходят студенты, начиная со 2-го курса. Студенты 1-го курса при ответе на вопросы анкеты часто указывали собственные предположения, а не исходили из реальных событий.

Анализ анкет студентов всех курсов показал, что спектр решаемых проблем увеличивается при переходе от курсу к курсу. И наиболее актуальной сферой для студентов являются межличностное общение, детско-родительские отношения и внутриличностные конфликты. Однако согласованность частотного распределения по категориям «решаемые проблемы на практике – личные проблемы – возможность решать проблемы на данном этапе обучения» отсутствует (по F-критерию Снедекора-Фишера получились следующие результаты: $F_2 = 0{,}165$; $F_3 = 0{,}269$; $F_4 = 0{,}804$; $F_2 = 0{,}371$). Наблюдается лишь тенденция к согласованности выделенных показателей (табл. 1).

Таблица 1

Согласованность частотного распределения по категориям «решаемые проблемы на практике – личные проблемы – возможность решать проблемы на данном этапе обучения» студентов 1–5-го курсов

Согласование категорий	1-й курс	2-й курс	3-й курс	4-й курс	5-й курс
Практика – обучение	*0,862322* ($F_{кр} = 0{,}79$)	0,306405	0,325974	**0,917156** ($F_{кр} = 0{,}87$)	0,213204
Практика – личные проблемы	не определено	0,015981	0,154721	0,578761	0,686772
Личные проблемы – обучение	не определено	0,172193	0,325974	**0,917156** ($F_{кр} = 0{,}87$)	0,213204
Среднее	0,862322	0,16486	0,26889	*0,804358* ($F_{кр} = 0{,}79$)	0,37106

Примечание: жирным шрифтом и курсивом выделены значимые различия.

Наиболее значимые согласования частотного распределения по указанным категориям мы получаем при анализе результатов студентов 4-го курса ($F_{\text{практика – обучение}} = 0{,}917$; $F_{\text{практика – личные проблемы}} = 0{,}579$; $F_{\text{личные проблемы – обучение}} = 0{,}917$) и результатов студентов 5-го курса ($F_{\text{практика – личные проблемы}} = 0{,}687$) (см. табл. 1). Возможно, эти показатели связаны с общим уровнем личностного развития студентов старших курсов.

Анализ высказываний студентов на предмет их ожиданий от профессиональной практики показал наличие статистически значимых различий

в сравнении распределений ответов по категориям «получение практических навыков – решение собственных проблем» и «получение опыта общения – решение собственных проблем» (рис. 1, табл. 2).

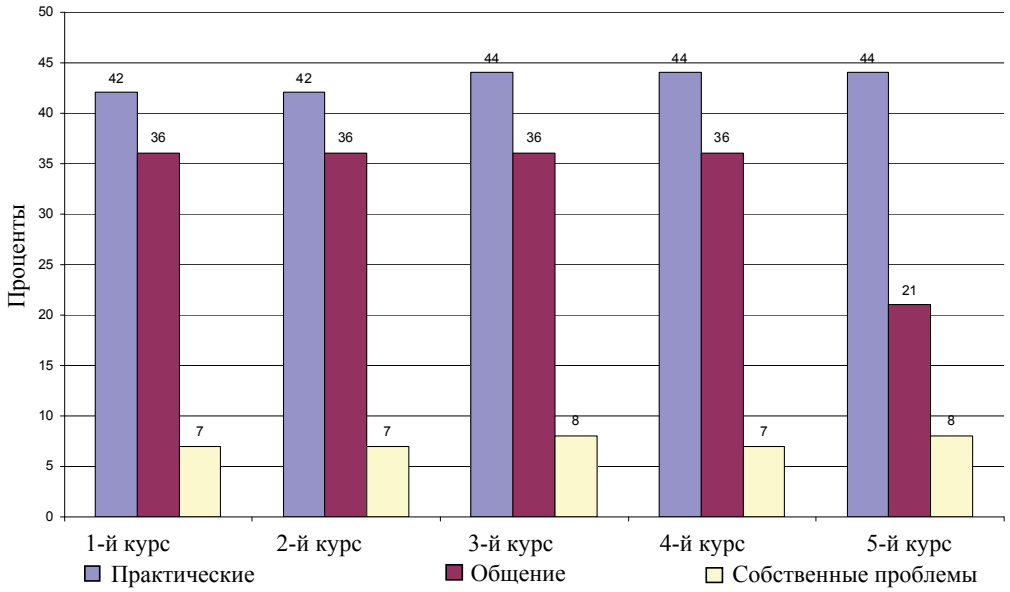


Рис. 1 Частотное распределение выборов по категориям «получение практических навыков», «получение опыта общения», «решение собственных проблем» студентами 1–5-го курсов (%)

Анализ частоты распределения выборов показывает, что чаще всего студенты говорят о приобретении практических навыков и получении опыта общения в ходе прохождения психолого-педагогической практики.

Таблица 2

Сравнение частоты встречаемости выборов по категориям «получение практических навыков», «получение опыта общения», «решение собственных проблем» студентами 1–5-го курсов

Критерий Фишера φ		Категория									
		Практические навыки					Опыт общения				
Категория	курс	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
Решение собственных проблем	1	**2,71**					**2,35**				
	2		**2,8**					**2,37**			
	3			**2,43**					*1,94*		
	4				**2,54**					*2,06*	
	5					**2,34**					*1,84*

Примечание: жирным шрифтом и курсивом выделены значимые различия.

Студенты 1–2-го курсов по сравнению со студентами 3–5-го курсов более открыты к получению новых знаний. Это подтверждает больший процент

голосов, отданных ими в пользу лекционной части обучения во втором вопросе анкеты. Значимость получения практических навыков (44 %) и опыта общения (36 %) отметили студенты всех курсов, поэтому мы можем говорить о необходимости расширения спектра эмпирически ориентированных курсов при получении профессиональных знаний.

Анализ результатов опроса показал, что студенты разных курсов называют различные причины поступления на факультет психологии. Если студенты 1–2-го курсов в качестве наиболее часто встречаемой причины называют стремление «научиться оказывать психологическую помощь другим» (59,4 и 23,8 % соответственно), то студенты 3–4-го курсов – «интерес к науке» (56 и 42,4 % соответственно), студенты же 5-го курса вспоминают о причине поступления лишь как о мечте (46,4 %) (табл. 3). Такое частотное распределение может говорить либо о формировании к 5-му курсу умений разбираться в себе и других и оказывать другим психологическую помощь, либо об отсутствии таких навыков.

Таблица 3

Распределение частоты встречаемости причин поступления на факультет психологии студентов 1–5-го курсов (в % к опрошенным)

Причина поступления на факультет психологии	Частота встречаемости (%)				
	1-й курс	2-й курс	3-й курс	4-й курс	5-й курс
Мечта	6,6	5,9	–	–	46,4
Интерес к науке	13,2	18,8	56	42,4	23,2
Разобраться в себе, в других	13,2	31,7	12	25,3	23,2
Научиться общаться	–	2,4	8	5,6	–
Оказывать психологическую помощь другим	59,4	23,8	12	17,3	–
Получить знания	–	5,9	4	1,4	–
Получить высшее образование	–	2,4	4	5,6	–
Неосознанно, спонтанно, по рекомендации	6,6	9,2	4	1,4	7,2
Сумма	100	100	100	100	100

Анализ распределения ответов на вопросы «Приходилось ли Вам оказывать кому-нибудь психологическую помощь?» и «Есть ли у Вас личные проблемы, с которыми Вы хотели бы обратиться к психологу?» показал тенденцию к обратно пропорциональной зависимости между показателями «оказание психологической помощи – желание профессионального сопровождения» (критерий Пирсона, $r = 0{,}38$) (рис. 2).

У студентов 2-го курса велико желание помогать окружающим людям в решении их проблем, им кажется, что если есть желание, то они смогут помочь людям, хотя и имеют небольшой запас теории и практических навыков, поэтому высок процент ответов (74 %), что они оказывали полноценную психологическую помощь (критерий Фишера, $\varphi^* = 4{,}09$). Студенты 3-го курса лишь в 52 % случаев ответили положительно на этот вопрос ($\varphi^* = 0{,}332$). Студенты 4-го курса, имея теоретическую и практическую подготовку, ответили положительно в 78 % случаев ($\varphi^* = 3{,}94$).

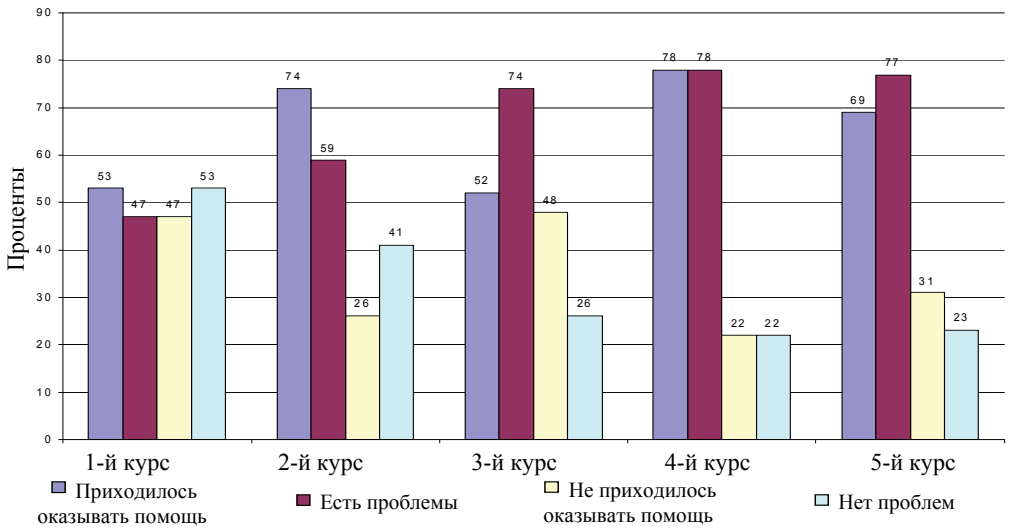


Рис. 2 Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам оказывать психологическую помощь?» студентов 1–5-го курсов (в % к опрошенным)

Следовательно, мы можем говорить о развитии таких профессиональных качеств, как осознанность и рефлексия. Однако процент студентов, осознающих необходимость собственного психологического сопровождения, к 5-му курсу не достаточно высок (77 %), что также подтверждает идею о эмпирически ориентированном обучении.

У студентов 4 и 5-го курсов самый высокий процент положительных ответов на вопрос «Есть ли у Вас личные проблемы, с которыми Вы хотели бы обратиться к психологу?» (78 %) (критерий Фишера, $\varphi^* = 3{,}94$ при $p \le 0{,}01$), также высок процент и у студентов 3-го курса (74 %) (критерий Фишера, $\varphi^* = 3{,}65$ при $p \le 0{,}01$). Студенты 2-го курса тоже указывают на наличие личных проблем и желание их решать на профессиональном уровне. Однако уровень осознанности еще не достаточно велик (критерий Фишера, $\varphi^* = 1{,}64$ при $p \le 0{,}05$).

Исследование образа психолога (реального и идеального) происходило с помощью ранжирования списка предложенных студентам качеств: морально-этических, волевых, коммуникативных профессиональных и др. Для изучения идеального образа психолога им предлагалось выбрать из перечня качеств те, которые соответствуют их идеальным представлениям о психологе как специалисте, для изучения реального образа – те качества, которыми они обладают. Наиболее значимое согласование реального и идеального образов психолога нами было выявлено лишь на 1 и 2-м курсах в категориях «морально-этические качества» и «волевые качества» (критерий Пирсона, $r = 0{,}84$, $r = 0{,}88$). В остальных случаях согласованности нами обнаружено не было. Более того, студенты 3 и 5-го курсов обнаруживают при распределении выборов обратную корреляционную связь, что говорит об обратной согласованности качеств, принадлежащих профессионалам и им. Таким образом, мы получаем подтверждение гипотезы о низком уровне сформированности некоторых профессионально значимых качеств у студентов выпускных курсов (табл. 4).

Таблица 4

Согласованность идеального и реального образа психолога

Качества личности	1-й курс, $N = 75$	2-й курс, $N = 85$	3-й курс, $N = 69$	4-й курс, $N = 64$	5-й курс, $N = 65$
Морально-этические качества	0,33	0,49	–0,073	0,31	0,44
Волевые качества	*0,84*	0,4	–0,24	0,32	–0,04
Коммуникативные качества	0,32	*0,88*	0,6	0,56	–0,001
Профессиональная подготовка	0,41	0,34	–0,33	0,33	0,23
Другие качества	0,33	0,33	0,95	0,57	–0,32

Примечание: курсивом выделены значимые различия.

Распределение коэффициентов ранговой корреляции в выделенных категориях качеств личности психолога (связь представлений о реальном и идеальном образе) показывает, что к 5-му курсу наблюдается тенденция к увеличению разницы между идеальным и реальным представлением. Этот факт, возможно, является констатацией в целом низкого уровня профессиональной компетентности студентов (r_s коммуникативные качества = –0,001, r_s профессиональная подготовка = 0,23) [11]. Также данный факт может являться свидетельством низкой осознанности собственной профессиональной компетентности. И если на первых курсах есть фантазии о собственной профессиональной компетентности, то после прохождения первой профессиональной практики «фантазии развенчиваются». Наступает разочарование в собственной пригодности к профессии.

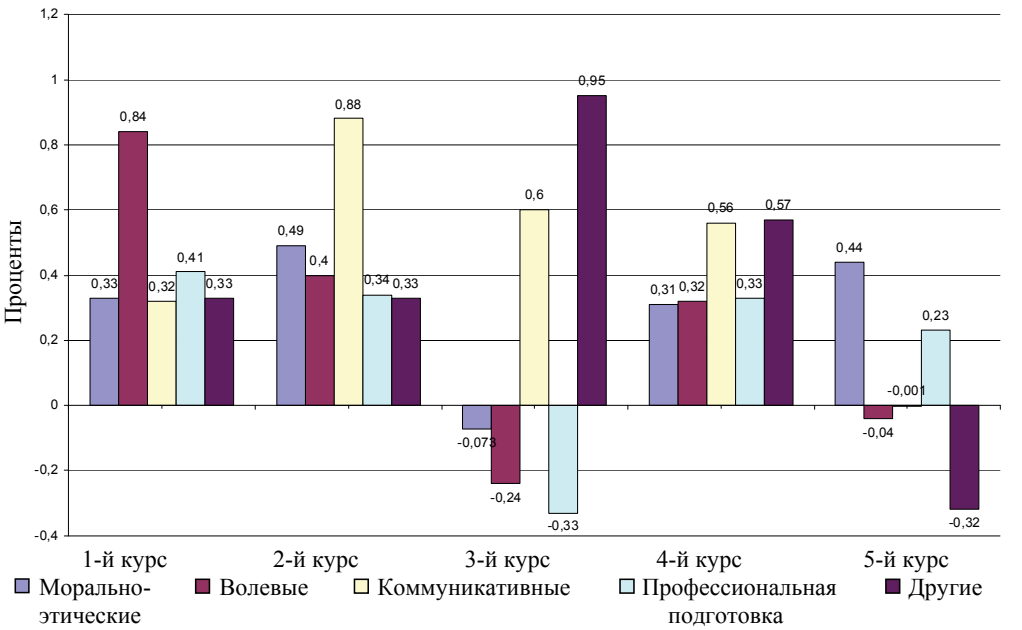


Рис. 3 Согласованность идеального и реального образа психолога в представлениях студентов 1–5-го курсов

В целом по результатам проведенного анкетирования среди студентов-психологов 1–5-го курсов ПГПУ им. В. Г. Белинского можно сделать следующие выводы:

1. К 4-му курсу снижается число (критерий Фишера, $\varphi^* = 3{,}721$) положительных ответов на вопрос: «Нравится ли Вам обучение в вузе?». Этот факт можно объяснить тем, что студенты сталкиваются с разочарованием в будущей профессии после первой практики. Происходит сопоставление своих представлений о работе психолога с реальностью.

2. Студентам 1 и 2-го курсов интересен лекционный вид изложения материала (46,6 и 65 % соответственно), они открыты к получению новой информации. К 3, 4 и 5-му курсам резко возрастает интерес к применению этой информации на практике, т.е. к лабораторным работам (78, 72 и 84,6 % соответственно).

3. Студенты всех курсов выразили наибольший интерес к практической стороне обучения (1-й курс – 93,3 %, 2-й курс – 91 %, 3-й курс – 100 %, 4-й курс – 83 %, 5-й курс – 100 %).

Анализ ответов на перечисленные выше вопросы позволяет нам сделать вывод о необходимости увеличения количества практико-ориентированных курсов или изменения формы преподавания, введения активных форм и методов обучения.

Таким образом, анализ эмпирических результатов, полученных в ходе исследования, показал низкий уровень сформированности профессиональной коммуникативной компетентности при наличии изначальной первичной мотивации к оказанию психологической помощи другим.

Формирование и становление коммуникативной компетентности студентов (будущих психологов) позитивно влияет на профессиональный уровень будущих специалистов, их творческую самореализацию, именно это необходимо будущим специалистам для адекватной ориентации во всех сферах общественной жизни. Изучение основ коммуникативной компетентности в вузе способствует осмыслению будущими специалистами ее значимости для профессиональной деятельности.

Список литературы

1. **Андреева, Г. М.** Социальная психология / Г. М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 2008.
2. **Емельянов, Ю. Н.** Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности : дис… доктора псих. наук / Ю. Н. Емельянов. – СПб. : СПб ун-т, 1999. – 42 с.
3. **Болотов, В. А.** Компетентностная модель: от идеи к образовательной парадигме / В. А. Болотов, В. В. Сериков // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8–15.
4. **Рыжаков, М. В.** Ключевые компетенции в стандарте: возможности реализации/ М. В. Рыжаков // Стандарты и мониторинг в образовании. – 1999. – № 4. – С. 20–23.
5. **Зимняя И. А.** Педагогическая психология/ И. А. Зимняя. – 2-е изд., доп., испр. и перераб. – М. : Логос, 2002. – 384 с.
6. **Холодная, М. А.** Психология интеллекта: парадоксы исследования / М. А. Холодная. - СПб. : Питер, 2002. – 272 с.
7. **Трофимова, Г. С.** Структура педагогической коммуникативной компетентности (методологический аспект) : монография / Г. С. Трофимова. – 2-е изд., испр. и доп. – Ижевск : Купол, 2000. – 90 с.
8. **Петровская, Л. А.** Общение-компетентность-тренинг / Л. А. Петровская. – М. : Смысл, 2007.
9. **Ручкова, Н. А.** О некоторых вопросах компетентностного подхода в образовании / Н. А. Ручкова, О. В. Кудряшова, Л. М. Дубовый // Инновационные техно-

логии в образовании : сборник статей Международной научно-практической конференции. – Пенза : Приволжский дом знаний, 2008. – С. 151–153.
10. **Ручкова, Н. А.** Психология управления : учебно-методическое пособие / Н. А. Ручкова, Л. А. Макшанова, В. Ф. Мухамеджанова. – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2005. – 100 с.
11. **Сидоренко, Е. А.** Методы математической обработки в психологии / Е. А. Сидоренко. – М., 2003. – 350 с.

Ручкова Наталья Александровна
кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей психологии, Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского

Ruchkova Natalya Alexandrovna
Candidate of psychology, associate professor, head of sub-department of general psychology, Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky

E-mail: ru_n_a@mail.ru

Чиркова Лилия Александровна
старший преподаватель, кафедра общей психологии, Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского

Chirkova Liliya Alexandrovna
Senior lecturer, sub-department of general psychology, Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky

E-mail: maliby88@yandex.ru

УДК 378.016-15(075)
Ручкова, Л. И.
Исследование представлений о профессиональной коммуникативной компетентности у студентов психологического факультет / Н. А. Ручкова, Л. А. Чиркова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 177–185.

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области истории, философии, филологии, педагогики, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows версий не выше 2003.

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru, дискета 3,5", CD-диск) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах.

Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Тип файла в электронном виде – RTF.

Статья **обязательно** должна сопровождаться индексом УДК, краткой аннотацией и ключевыми словами **на русском и английском языках**.

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], …). Номер источника указывается в квадратных скобках. В списке указывается:

- для книг – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц;
- для журнальных статей, сборников трудов – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, выпуск, страницы;
- для материалов конференций – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание наименования программы, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

К материалам статьи **должна** прилагаться информация для заполнения учетного листа автора: фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, адрес, контактные телефоны (желательно сотовые), e-mail.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.